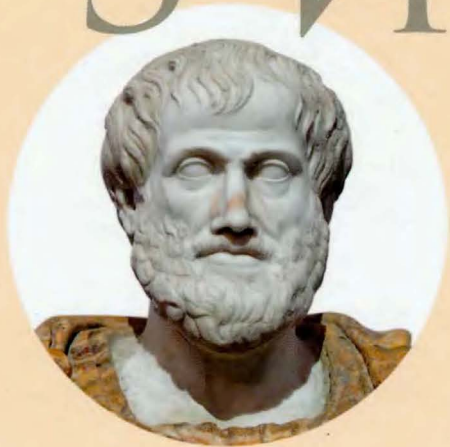

М Е Т А
А Р И С Т О Т Е Л Ъ
Ф И З И
К А

τὰ μετὰ τὰ φυσικά

*В новом
переводе
Александра
Маркова*

Аристотель

МЕТАФИЗИКА

Москва

УДК 14
ББК 87.3
А81

*Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии А. В. Маркова*

Аристотель

А81 **Метафизика / Аристотель ; [пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 384 с.**

ISBN 978-5-386-10325-5

Метафизика Аристотеля — вершина развития критической мысли античности и образец философских обобщений. В *Метафизике* были систематизированы правила обучения философскому мышлению и дан масштабный обзор достижений философии за несколько веков. Труд Аристотеля стал образцом для научной разработки философии и прогнозирования ее развития. Важнейший памятник мировой философии предлагается в новом переводе доктора филологических наук Александра Викторовича Маркова, с предисловием, обосновывающим переводческие решения.

**УДК 14
ББК 87.3**

ISBN 978-5-386-10325-5

© Марков А.В., перевод
на русский язык, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычно различие между Платоном и Аристотелем полагают в том, что первый сочинял захватывающие диалоги, а второй — скучные трактаты. Аристотелю будто бы могут отдавать предпочтение только педанты; тогда как свободная мысль взлетает на крыльях платоновского мифа. На самом деле и Платон читал систематические лекции ученикам, и Аристотель писал диалоги ради привлечения новых слушателей в школу. Просто от обоих мыслителей дошло ровно половина наследства: ученики Платона, заинтересованные в привлечении элиты на свою сторону, распространяли диалоги, а ученики Аристотеля, представлявшие скорее научную лабораторию, должны были сверяться с оригиналами лекций как с бортовым журналом или записью экспериментов.

Только Рим сделал и лекции Аристотеля публичным достоянием, и диалоги Платона — предметом углубленного созерцания и изощренного толкования. Андроник Родосский, возглавлявший школу аристотеликов в Риме, решил издать книги Аристотеля, чтобы его собственная школа смогла конкурировать со стойками — тогдашними лидерами на поле массовой философии. Школа стойков (изначально, обитателей торгового центра «Пестрой Стои» в Афинах) была сопоставима с нынешними психологами, которые везде

востребованы, а школа перипатетиков (учившихся под руководством Аристотеля в перипатосе, на веранде, месте для прогулок) выглядела как ряд слишком высокомерных мудрецов, близко ставших к власти (Аристотель учил Александра Македонского; а автографы или копии автографов Аристотеля, поврежденные сыростью и восстановленные только трудами филологов, привез в Рим Сулла).

Андроник Родосский должен был показать, какие серьезные научные наработки стоят за тем, как знают себе цену аристотелики; и издал собрание сочинений в пику стойкам. Стойки делили всю философию на логику, физику и этику. Научные занятия Аристотеля взламывали эти три рамки. Андроник взял те лекции, которые Аристотель читал старшим ученикам, уже освоившим многие науки, и издал их как «Метафизику», буквально «То, что после Физики». Действительно, в «Метафизике» Аристотель часто ссылается на свои лекции по физике как уже известные слушателям. Но Андроник Родосский соединил материалы не в порядке курса. Скорее всего, это конспекты курсов, прочитанных в разные годы. Скажем, последние две книги «Метафизики» — критика платонизма, вероятно, две разных лекции, отстоящие друг от друга на несколько лет, но входившие как одна из тем в лекционный курс, возобновлявшийся из года в год.

Иначе говоря, перед нами что-то вроде учебника Лифшица-Ландау (физики поймут, что это), но еще и сохранившегося в виде рабочих материалов к курсам разных лет. Только Аристотелю удавалось, вывешивая резонанс каждой вещи резонансом речевого оборота, добиваться головокружительной музыкальной ясности. Сам Аристотель называет предметом этих лекций «Первую философию», иначе говоря, философию, дающую достоверное познание, а не только пре-

подающую мудрость. Именно как обоснование философии в качестве науки «Метафизика» всегда и понималась: для средневековых комментаторов она обосновывала частные науки, а для философов Нового времени — научность самого философского знания. Так, для Канта метафизика может возникнуть только «как наука»; а перевод слова «Метафизика» как «Наукоучение» стал нормативным в немецкой философской традиции (Фихте и другие). Есть и антиметафизическая линия в философии, которая оказалась продуктивной у Хайдеггера или Деррида: критика опредмечивания реальности, чему противопоставляется открытый Гуссерлем опыт бытия в мире, опыт раскрытого мышления. Заметим, что если учиться понимать Аристотеля, то у этих мыслителей, увидевших в метафизике проблему, а не готовое решение. Курьезна другая критика Аристотеля в русской традиции как западного рационалиста, запрещающего противоречия, подытоженная изречением нашего современника Петра Калитина «быть и не быть зараз» как формулой русской идеи, бездны душевной неопределенности. К счастью, защита Аристотеля, «апология разума», представлена в нашей традиции попечением Сергея Аверинцева и Ольги Седаковой.

Старый перевод «Метафизики», выполненный вполне почтенным историком философии А.В. Кубицким и вышедший в 1934 г., неудовлетворителен в наши дни, просто потому что в нем не видно разговора с учащимися. Кубицкий переводил как бы связный научный текст; а это именно лекция, где Аристотель часто пропускает то, что слушатели ловят с полуслова, заостряет тезис, приводит остроумные примеры и подшучивает, и главное, заставляет слушателей представлять предметы. Много в содержании «Метафизики» сейчас было бы законнее представить в виде схем,

таблиц, диаграмм, и разместить на слайдах, но исходя из того, что русский язык образный, я от этого воздерживался. Там, где нужен яркий образ, я ставил яркое слово, но именно связанное с техникой учебного процесса, в котором есть доска, формулы и эксперименты.

Поэтому пусть читатель не удивляется, что я часто перевожу «логос» как «формула» (и редко «пропорция», у Кубицкого часто «определение»), «атом» как «особь», «генезис» как «производство», «искусство» несколько раз поясняю как «готовку», «энергия» перевожу только как «действительность» и вслед за поэтами и прозаиками русского XX века предпочитаю слово «существование» слову «сущность». Некоторые сложные формулы Аристотеля, как знаменитое «бытие как оно было» для обозначения самой сути вещи (что современные украинские переводчики, как А. Панич и А. Баумейстер, передали как «чембытность»), я так и перевожу «подлинность», «подлинная суть», «подлинное бытие», «самая суть». «Метафизика» больше собрание наглядных пособий, карт и контурных карт, чем те тянущиеся уточнения, которые ничего не уточняют, как в переводе Кубицкого. Вряд ли после Мандельштама и Пастернака, Платонова и Набокова, можно терпеть перевод Кубицкого, не понимая, что любой учитель любого школьного предмета должен говорить так, как говорят после Мандельштама и Платонова. Новые достижения русского художественного перевода, скажем, Пруст Елены Баевской-Лозинской или Саннадзаро Петра Епифанова, для нас тоже были важны. Никаких «усмотрений» и «значимостей» в нашем переводе нет — только русские слова.

За основу перевода мы взяли издания Росса и Йегера, опираясь и на комментарии этих великих ученых:

Aristotle *Metaphysics*. / ed. William David Ross, vols 1—2. Oxford, 1924

Aristotelis *Metaphysica*. / ed. Werner Jaeger, Oxford, 1963. («Oxford Classical Texts»).

Также нам удалось для книги двенадцатой учесть новейшее издание, в котором реконструирована и история передачи текста сквозь страны и языки:

Aristotle's *Metaphysics Lambda*. Annotated Critical Edition Based upon a Systematic Investigation of Greek, Latin, Arabic and Hebrew Sources. / ed. Stefan Alexandru. Leiden: Brill, 2014.

Теоретической основой работы для нас стал важнейший проект «Европейский словарь философий: словарь непереводимостей» (2004, русский перевод 2014) под редакцией проф. Барбары Кассен, собравший лучшие силы Франции для работы над тем, чтобы философские термины сами раскрывали свои смыслы. Поэтому мы, постоянно удерживая опыт перевода огромного объема этого словаря (его переводом я занимаюсь последние четыре года) и обратились за опытом и к представителям сходной философской традиции. Мы использовали перевод Четвертой книги «Метафизики», выполненный Кассен и Нарси:

La Décision du sens. Le Livre Gamma de la Métaphysique d'Aristote, / introduction, texte, traduction et commentaire par Barbara Cassin et Michel Narcy, Paris, Vrin, 1989. («Histoire des doctrines de l'Antiquité classique»).

Исключительно важен для нас был перевод Бернара Сисшера, учитывающий интерпретации Хайдеггера и выполненный отчасти в традиции, представленной во Франции хайдеггерианцем Франсуа Федье, чье «Введение в метафизику» стало для меня одним из вдохновений в работе:

Métaphysique, traduite par Bernard Sichère, (2 vols.), Livres A à E, Paris, Pocket, coll. Agora, 2007, Livres Z à N, Paris, Pocket, coll. Agora, 2010.

Отчасти мы учитывали и английские и немецкие переводы:

Aristotle's *Metaphysics*. / Trans. Hugh Tredennick. 2 vols. Harvard University Press, 1933, 1935. (Loeb Classical Library 271; 287)

Aristotle's *Metaphysics*. / Trans. Joe Sachs. 2nd ed. Santa Fe: Green Lion, 2002.

Aristoteles, *Metaphysik*. / Übersetzt von Thomas A. Szlezák Berlin: Akademie Verlag, 2003

Aristoteles, *Metaphysik*. Bücher VII und VIII. Griechisch und Deutsch. / Aus dem Griechischen von Wolfgang Detel unter Mitarbeit von Julia Wildberger. Kommentar von Wolfgang Detel. Frankfurt am Main, 2009 (Suhrkamp Studienbibliothek 17).

Важнейший русский перевод, П.Д. Первов и В.В. Розанов: Аристотеля *Метафизика*. Вып. 1. Кн. 1—5. СПб., 1895, был переиздан новым набором со статьей В.В. Библихина: М.: Ин-т св. Фомы, 2006. Он был важен для нас прежде всего в свете статьи В.В. Библихина, с которой рекомендуем познакомиться читателю. Библихин справедливо указал на то, что Розанов стал настоящим собеседником Аристотеля, который способен и подсказывать Аристотелю, и уловить роль интуиции в построениях Аристотеля. Перевод А.Ф. Лосева последних двух книг «Метафизики» важен как попытка доказать несостоятельность аргументов Аристотеля и большой когнитивный потенциал платонизма. Лосев следовал традиции Боница (использовать многочисленные квадратные скобки в переводе для вставки «подразумеваемого») — эта традиция исходит из особого «духа» античной философии, который надо так реконструировать, и одновременно из того, что Аристотель очень несовершенный логик, которого надо все время пояс-

нять, что он хотел сказать. К счастью, современная постструктуралистская деконструкция, которой я следую, покончила с этим прогрессизмом, показав, сколь новым и продуктивным было предприятие Аристотеля для своего времени, и как воссоздав Аристотеля-лектора, можно придать развитию мысли особую новизну, возобновив сам инструментарий философского рассмотрения.

Затем, мы обращались к новогреческим переводам, начиная с переложений митрополита Теофила Коридаллеуса, греческого богослова и философа барокко, наследие которого мы подробно изучали:

Korydalleus, Theophilos. Commentaires à la métaphysique. București, 1973.

— и заканчивая очень интересными переводами на новогреческий К. Киргиопулоса и А.-М. Карастафи:

Ἄπαντα Ἀριστοτέλους. 6. Τὰ μετὰ τὰ φυσικά. Ἀθήναι, 1981

Ἄπαντα Ἀριστοτέλους. 10—12. Τα μετὰ τα φυσικά. Ἀθήνα: Κάκτος, 2010 (Οἱ Ἕλληνες, 199; 200; 201).

В них мы нашли адаптацию Аристотеля к умственным привычкам современных европейцев, причем выполненную греками, которые ни за что не пойдут на упрощение родной для них мысли.

Наконец, мы использовали при переводе навыки самого Аристотеля: по одному из преданий, он работал, пока мог не засыпая удержать шар в руке. Мы переводили до тех пор, пока не появлялась опечатка — тогда только я шел спать. Некоторые решения были подсказаны сидением на веранде, а в городе за отсутствием веранды — в кофейне. Диоген Лаэртий, позднеантичный автор, писавший о философах так, как современные авторы пишут о руководителях сект,

заявляет, что Аристотель любил носить перстни: думается, что это не столько щегольство, сколько организованность, сказывающая даже в остроумных мелочах.

Теперь немного о содержании книги. «Метафизика» — это изучение с аудиторией правил, по которым строится научное изучение бытия. Это очень похоже на обучение на последнем курсе университета: нужно усиленно штудировать теорию именно потому, что инструментарий, проверенный добрым употреблением в университетских стенах, скоро придется употреблять вне университета. Отсюда такой постоянный интерес Аристотеля к речевому инструментарию: как сделать так, чтобы опыт нас не запутал, и как найти в самой речи обоснования непротиворечивости научного опыта. Поэтому Аристотель и исследует, как структуры речи, например, предикация или омонимия, позволяют провести новые различения в реальности, если на них посмотреть как на то, в чем тоже надо проводить различения. Книга Аристотеля — лучшее средство отучиться употреблять слова вроде «существование», «реальность», «на самом деле» или «практика» расхлябанно: у Аристотеля это не просто строгие термины, а наблюдаемые работающие вещи, как работают формулы и алгоритмы.

Некоторые понятия, как «разряды» (так мы переводим слово «категории»), требуют таблично-схематического представления опыта реальности; что, к сожалению, ускользало до эпохи деконструкции, что Аристотель реально или мысленно рисовал на лекциях таблицы и диаграммы — мы в переводе это акцентируем, как и то, что по сути это и методичка по наглядным пособиям. Как единый труд «Метафизика» посвящена тому, как мы можем с помощью понятий отличить одни вещи от других, как можем показать, что

вещи сами умеют ставить себе границы и не смешиваться, и в том числе себя можем рассмотреть как часть этого процесса различения. Для Аристотеля важно, что научное познание — это и познание «пойе-сиса»: это слово означает не «творчество», а скорее «придумывание, изобретение», «поэтическое» отношение к вещам, которым обладает и природа, и наша мысль. Аристотелю важно, как умение самих вещей проявляться, заявлять себя (греческое «типарксис», что переводят часто как «существование», на самом деле именно заявление, как говорят «заявился к нам» или «заявленные параметры»), переходить из возможности в действительность, картографирует и уточняет само наше мышление.

На этом позволю завершить это краткое вступительное слово, призвав только войти в игру и поучиться у одного из самых остроумных лекторов за всю историю человечества.

Названия книг даны переводчиком.

Александр Марков
доктор филологических наук
24 февраля 2017 г.

КНИГА А (1)

**ФИЛОСОФИЯ —
НАУКА О ПРИЧИНАХ**

Все люди от природы охотники до знания. Примета 980a
 этого — чувственное восхищение: без всякой пользы
 люди любят чувствовать ради чувства, особенно смо-
 треть. Мы не только в работе, но и когда не собираем-
 ся работать, предпочитаем смотреть, а не что-то другое
 делать. Среди всех чувств лучше всего зрение помога-
 ет познанию, показывая нам все возможные различия
 вещей.

От природы все живые существа умеют пользоваться
 чувствами, но только у одних это не доходит до памяти,
 а у других доходит. Последние умнее и учнее тех, кто 980b
 не умеет помнить. Бывают умные, но не знающие уче-
 бы: нельзя научиться, если не умеешь воспринимать
 звуки. Таковы пчелы и некоторые другие роды живых
 существ. Учатся те, кто кроме памяти имеют чувство
 слуха. А другие живут фантазиями и памятованиями,
 а к опыту почти не обращаются. А человеческий род
 также умеет быть искусным и рассудительным.

От памяти в людях рождается опыт: многократно
 запомненная одна и та же вещь приобретает силу
 опыта. Знание и изготовление вещей тоже близки 981a
 опыту, потому что если люди приобрели опыт, то они
 лучше справляются с задачами наук и искусств («гото-
 вок»). Пол сказал «Опыт — творец искусства», а нео-
 пытность — творец удач и неудач.

Искусное изготовление вещей рождается, когда из
 множества замечаний о происходящем возникает об-

щая предпосылка для сходных решений. Пока мы исходим из того, что когда Каллий болел, помогло такое-то лекарство, и оно помогло Сократу и еще многим — это только опыт. Но если мы определяем это лекарство при болезни всем людям такого-то вида, скажем, всем флегматикам или холерикам при высокой температуре — это уже искусство.

В работе мы не отличим опыт от искусства, более того, опытные лучше тех, кто не наблюдает за происходящим, а умеет только формулировать. Просто опыт позволяет знать отдельные события, а искусство — общие правила. Когда же мы работаем или когда возникает что-то новое, всегда имеем дело с отдельными вещами. Врач не лечит человека, разве что если словом «человеку» будем обозначать свойства, но лечит Каллия или Сократа или кого-то еще по имени, кому случилось оказаться человеком.

Если кто-то знает формулу, но не знает, что происходит, то он знает только общее, а в отдельных событиях разобраться не может, и потому часто ошибается при назначении лечения: лечим мы каждый раз разное. Но мы понимаем, что для знания и назначения искусство важнее опыта, потому что кто учился искусству, тот мудрее наблюдателя, и сами знания такого человека всегда шествуют за мудростью. Мудрый знает причины вещей, а наблюдательный не знает. Опыт позволяет знать, что происходит, но ничего не объясняет, почему так происходит. А знать, как почему что происходит — это значит знать причины.

Поэтому мы большую честь оказываем архитекторам, чем строителям, понимая, что архитекторы лучше всё знают и лучше следуют мудрости. Ведь они знают причины изобретений.

А строители работают, как срабатывают некоторые неодушевленные вещи, создающие что-то сами не

зная как: скажем, огонь обжигает кирпичи. Только неодушевленные вещи от природы создают новые вещи, а строители — потому что привыкли.

Поэтому мудрость приобретается не от разных работ, а от владения формулами и от знания причин. Знающий опознается по умению научить других. Поэтому мы относим искусство к знанию, а не к опыту: люди искусства умеют учить, а опытные люди учить не умеют.

Затем, ни одно из чувств мы не можем полагать мудростью, хотя чувства и стоят во главе знаний об отдельных вещах. Но чувства не могут назвать ни одной причины: почему огонь горяч; они просто говорят, что он горяч.

Понятно, что кто вопреки обычным чаяниям чувств открыл какое-то искусство, тот вызывает удивление у всех людей не только потому, что его открытия полезны, но потому что он мудр и не такой как все.

А когда изобрели больше искусств, как для нужд, так и для досуга, мы предполагаем, что эти изобретатели всегда мудрее предшествующих, потому что их знания выше пользы. Как только были изготовлены все искусства, тогда уже открытия стали делаться не для каких-то наслаждений или ради необходимости; прежде всего в тех местностях, где можно сидеть и размышлять. Так, математические искусства были разработаны впервые в Египте, где племена жрецов было разрешено сидеть и ничего не делать.

Мы говорили в «Этике», в чем различие между искусством, наукой и другими однородными занятиями. Поэтому сейчас мы будем формулировать другое: что мудрость, которую признают все люди, занимается первопричинами и принципами — почему, как мы говорили выше, опытный человек мнится мудрее просто пользующегося чувствами человека, искусный чело-

982a век мудрее опытного человека, архитектор мудрее скульптора, а теоретик мудрее поэта. Итак, очевидно, что мудрость посвящена началам и причинам.

2

Так как мы ищем такую науку, нужно посмотреть, какого качества причинами и началами занимается мудрость как наука. Если взять предположения о мудреце, скорее всего, они нам многое объяснят.

Прежде всего, мы предполагаем, что мудрый знает всё, пусть даже не обо всём у него есть своя наука. Затем, он может знать трудное, что узнать человеку — не легкая задача. Ведь чувствовать все умеют, это легко, мудрость здесь не нужна. Затем, тот мудрее в любой науке, кто точнее и поучительнее выявляет причины. А мудрость среди наук та наука, которая выбирается ради нее самой и ради самого знания, а не ради результатов. Мудрость опережает любую служебную науку: мудрец не подчиняется, но приказывает, и не слушается, но заставляет слушаться менее мудрого.

Таков список качественных предположений о мудрости и мудрецах. Приходится признать, что лучше всего знает всё тот, кто располагает знанием о всеобщем. Ведь он знает все вещи как подлежащие всеобщего.

Но людям труднее всего познать самое всеобщее. Ведь оно дальше всего от чувств.

Самые точные из наук — которые больше всего о первых вещах. Ведь науки, обходящиеся немногим, точнее наук, собранных прибавлением знаний. Так, арифметика точнее геометрии.

Но и для обучения лучше всего годится наука, созерцающая причины. Ведь те умеют учить, кто называют причины каждой вещи.

Знать и понимать ради самого знания и понимания лучше всего умеет самая знающая наука. Кто выбрал знать ради знания, тот предпочтет наилучшую науку, а такова наука лучших знаний. А лучше всего знать самое первое, как причины вещей. Исходя из них, можно познать всё остальное; а вот сами вещи ничего не будут рассказывать о своих причинах.

Самая начальная наука, начальствующая над служебной наукой — знающая, для чего совершается каждое действие. Для любого действующего эта цель — добро, а для всей природы — благородство.

Из всего сказанного следует, что искомое имя приходится на одну и ту же науку: нужно, чтобы эта наука умела созерцать первоначала и причины. Ведь и добро, и цель — единичные причины. А что это не поэзия, показали первые философы. Удивляясь, люди и теперь и тогда начинают создавать философию.

Сначала они удивляются странностям, которые под рукой. Но понемногу продвигаясь вперед, они начинают недоумевать и о большем. Скажем, о том, что происходит с луной, с солнцем, звездами; о том, откуда всё сделалось.

Но кто не может понять и удивляется, тот думает, что не знает. Поэтому знаток мифов тоже хоть как-то философ. Миф и складывается из удивительных вещей.

Если люди занялись философией, чтобы уйти от невежества, то понятно, что они гнались за знанием ради науки, а не пользы. Свидетель тому обстоятельства: как только появилось практически всё необходимое, что облегчило быт, так люди стали искать качественного понимания. Очевидно, что понимаем мы ради какой-то еще пользы.

Как мы говорим «свободный человек» о том, кто работает на себя, а не на другого, — так и только эта из наук свободная: только она сама себе наука.

Поэтому справедливо называть владение такой наукой сверхчеловеческой способностью — ведь во многом природа людей рабская, по слову Симонида: «Только Бог бы обрел этот дар», т.е. человек не достоин слишком искать знание не по себе.

983a Если поэты сказали дело, и Божество умеет завидовать, то более всего они завидовали бы знаниям людей, и несчастными стали бы все, кто слишком много знает. Но не может Божество никому завидовать, просто как говорится, «поют легко и врут легко», и не нужно называть какую-то науку более почетной, чем мудрость. Мудрость — самая божественная и самая почетная наука.

Она такого качества дважды. Божественно высится над науками та, которой сам Бог бы занялся и которая о божественных вещах. Но только мудрость такова. Бог признан началом всех начал и причиной всех причин, и только Бог или лучше всех Бог мог бы распорядиться такого качества наукой. Другие науки могут быть нужнее этой, но нет науки прекраснее.

Но чтобы приспособиться к владению этой наукой, приходится изменить начальным вопросам. Все начинают, как мы говорили, с удивления «неужели так бывает», как удивляются самопроизвольным явлениям, не видя причины, или смене времен года, или невозможности измерить диагональ квадрата. Удивительным кажется, что нельзя измерить даже самой малой мерой. Но потом, как говорится, мы «изменяем этому с лучшим»: когда мы изучим вопрос. Геометр ничему бы так не удивился, как если бы диагональ удалось измерить.

Итак, сказано, какова природа искомой науки, и какая цель, к которой мы придем в наших методических поисках.

Очевидно, что нужно получить знание об изначальных причинах. Тогда мы говорим, что знаем каждую вещь, когда думаем, что знаем первопричину.

О причинах говорится четвероюко. Одна причина — сущность, точнее, подлинная суть. Всякое «почему» ведет нас к окончательной (первичной) формуле, а первое «почему» — начальная причина. Другая причина — материал, он же подлежащее. Третья причина — начало движения. Четвертая — противоположная: цель, она же добро. Ради добра всё возникает и движется.

Мы достаточно обозревали эти причины в трудах по физике, но упомянем и тех, кто до нас пришел к рассмотрению существующего и философствовал об истине. 9836

Очевидно, что они говорят о некоторых началах как причинах. Повторить это будет на пользу нашему методу. Или мы еще какой-то род причин найдем, или еще больше будем уверены в названных сейчас причинах.

Большинство первых философов мыслили начала всех вещей только в виде материи. Оттуда произошли все существования: оттуда они возникают сперва и там находят завершение при распаде. При этом сущность остается, только с ней происходят разные страсти. Такую сущность они называют элементом, и ее же — началом всех сущих вещей. Поэтому они мыслят, что ничего не делается и не гибнет, но всегда блюдетя в такого качества природе. Мы же не говорим о Сократе, что он «родился», если стал красивым или музыкальным, или что «погиб», если лишился таких имений (габитусов), — потому что подлежащее Сократ остается тем же. Точно так же и ничто из другого не делается и не гибнет: ведь всегда быть какой-то природе, одной или более одной, из которой или из которых всё бывает, а она сама блюдетя.

О множественности и виде такого начала философы говорили по-разному. Фалес, первоначальник такой философии, называл им воду: раз земля появляется на воде. Вероятно, он принял такое предположение, видя, что пища всего влажная, и что само тепло из воды извлекается и от воды живо. А начало всех вещей — из чего всё сделалось. Так он и пришел к этому предположению: семена всех вещей имеют влажную природу, и вода — начало бытия природы для влажного.

Некоторые говорят, что и самые древние, задолго до нынешнего рода жившие, первые богословы так же предположительно мыслили о природе. Они сочинили, что Океан и Тефия — родители всякого возникновения. Клятва богов — вода, которую они называли Стиксом. Почетнее всего старейшее, а что почетнее клятвы?

984a Но непонятно, оказалось ли это мнение о природе самым изначальным и древним. Но известно, что Фалес первый так заявил о первопричине. Гиппона вряд ли кто-то поставит в ряд философов, слишком уж он разумом простак.

Анаксимен и потом Диоген полагают воздух первее воды, как наиболее начало из простых тел. А Гиппас Метапонтийский и Гераклит Эфесский — огонь. А Эмпедокл — все четыре, прибавив к названным землю как четвертую. Они всегда остаются и не делаются, но только прибывают или убывают, сочленяясь в одно и расчленяясь из одного.

Анаксагор из Клазомен, по возрасту старше Эмпедокла но труды создавший позже, говорит, что началам нет предела. Почти все сравнимые вещи, как вода или огонь, делаются и гибнут только сочленением и расчленением, а иначе ничего не может сделаться или погибнуть, но пребывает вечно.

Из всего этого надо было бы сказать, что причина бывает только материального вида. Но эти философы

шли вперед, и само дело (реальность) указывало им путь и понуждало продолжать поиски. Допустим, всякое возникновение и гибель происходит из чего-то одного или чего-то многого. Но почему так случается, в чём причина?

Не само же подлежащее придумывает: изменюська я. Ни дерево, ни медь не могут сами стать причиной собственной перемены. И дерево не придумает из себя кровать, и медь не придумает из себя статую: что-то другое — причина такого превращения.

Поиски этого другого — это поиски другого начала, как мы сказали, откуда начинается движение. Все, кто с самого начала брались методически исследовать это, и говорили, что начало одно, считали, что прекрасно справились с задачей. Только некоторые из признававших единое начало, будто бы провалились в собственном исследовании в то, что единое — неподвижно по бытию, и что природа неизменна не только неизменностью рождений и смертей (так принято думать издревле), но и тем, что защищена от любых изменений (это уже их особенность).

Поэтому никто из утверждавших всеединство не смог разглядеть таковую причину, разве что Парменид; да и то, лишь поскольку он предполагает не только одну, но некоторые две причины. Те, кто признают много причин, у тех лучше получается говорить: скажем, что есть тепло и холод, или огонь и земля. Тогда огонь — движущая природа, а вода, земля и прочее — косная. 9846

После этих философов и такого качества начал, которые не годятся быть природой вещей, философы вновь, как мы говорили, понуждаемые самой истиной, стали искать начало. Причиной того, что вещи не просто есть, но становятся какими надо во всей красе, не может быть ни огонь ни земля ни что еще такого качества — да

и они явно об этом не размышляли. Но также будет неправильно отдавать всё это произволу и удаче.

Поэтому тот, кто сказал, что ум присутствует не только в живых существах, но и во всей природе, как причина мира и всякого строя, оказался трезвее всех тех, кто прежде говорил что в голову взбредет. Мы знаем, что Анаксагор открыто взялся это формулировать, но есть причина думать, что первым это сказал Ермотим Клазоменский. Кто так предполагают, совершенно правильно причину поставили в начало вещей, и поняли, что от этой причины в вещах показывается движение.

4

Подозреваем, что Гесиод первым стал искать такое движение, а может кто еще, кто стал полагать эрос или вожделение как начало вещей. Так думал и Парменид: изготавливая, как всё возникло, он говорит, что «первым среди всех богов Эрот был измыслен», а Гесиод «так первее всего хаос возник, а за ним же Широкогрудая Земля... и Эрос, всех бессмертных великолепием превзошедший».

985a Ведь должна быть в существующем мире какая-то причина, которая движет и сводит вещи. Кто первым как следует разобрался с этим, позволим себе рассудить потом. Но так как явно в природе есть и противоположное добру, и не только строй и правда, но и нестройность и позор, и больше злосчастья, чем счастья, и больше кривды, чем правды, то другой философ ввел «дружбу» и «вражду» как соответствующие причины. Если кто внимательно и разумно подойдет к этим словам, не то, что Эмпедокл не пойми что напел, то найдет, что дружба у него — причина добра, вражда — зла. Поэтому неким оборотом Эмпедокл сказал первый, что добро и зло — начало. Это можно сразу

назвать правильным, если понять само добро как причину любого добра, и само зло как причину любого зла.

Все философы, о которых мы до сих пор говорили, явно, как мы определили, в трудах «О природе» затрагивали две причины: материю и источник движения. Но они это делали невнятно и без пояснений, как на бой выходят без подготовки. Те тоже бьют во все стороны и часто наносят правильные удары, но как и они без науки. Так и эти философы, похоже, не знают что говорят: ведь они почти не разрабатывают эти причины, разве чуть-чуть.

Анаксагор употребляет ум как механику мироздания, но когда он не может ответить, почему ум не может не существовать, он оставляет ум в стороне и ищет причины вещей где угодно, только не в уме. Эмпедокл еще больше вводит в употребление причины, но тоже недостаточно, и не находит в них общей формулы. Часто у него дружба разводит, а вражда сводит. Когда всё от вражды у него распадается на элементы, огонь сходится воедино, как и все остальные элементы каждый. А когда дружба восстанавливает единство, все элементы расходятся на частицы.

Эмпедокл, в отличие от предшественников, первый разделил причину, придумав не одно начало движения, но разные и враждебные. Также он первый назвал четыре элемента, имеющие вид материи. Только он ввел их не как четыре, а как только два: огню как 9856
таковому противостоит как одна природа земля-воздух-вода. Так мы понимаем то, что обозрели в поэме Эмпедокла.

Эмпедокл, как мы сказали, так и такие нарек начала. А Левкипп и его сподвижник Демокрит называют элементами полноту и пустоту — одно существующее, а другое не существующее. Что полное и объемное — существующее, что пустое — не существующее.

Поэтому они говорят, что существовать ничем не лучше, чем не существовать, и тело не лучше пустоты. И то и другое причина существований как материя.

И как те, кто придумывают, что сущность — единое подлежащее, а всё прочее возникает как ее страсти, а разряжение и сгущение — начала всех ее страстей, так и эти философы говорят, что самые различия — причина всех прочих различий. Они называют три таких различия: облик, порядок, место. Они говорят, что существующее может различаться только ходом (ритмом), затрагиванием и поворотом. Ход — это облик, затрагивание — порядок, поворот — место. А отличается от Я обликом, АЯ от ЯА порядком, Б от В местом. Но откуда и как движение проявляется в существующем, и близкие вопросы, они с небывалой легкостью не заметили.

Вот так, как мы сказали, продвинулись наши предшественники в вопросе о двух причинах.

5

Тогда же и еще раньше зовущие себя пифагорейцами взялись за точные науки, и первые продвинули их, и привыкнув к ним, стали мыслить их принципы принципами всех существований. А так как среди них числа от природы первые, то в них они изволили созерцать множество подобий для существований и возникновений — больше чем в огне, земле, воде. Скажем, такое-то страдание числа — справедливость, такое-то — душа и ум, другое — поимка удачи, и как говорится, подобно во всех свое.

Затем они увидели в числах формулы и страсти сочетаний вещей, и им показалось, что так везде, и что можно всю природу уподобить числам. Тогда числа — 986а первые во всей природе. Итак, они предположили,

что элементы чисел — то же, что элементы всех существований; и что небо целиком — сочетание и число. И всё, что сходилось в числах и сочетаниях со страстями и частями неба и со всей мирностью, всё это они сводили и подгоняли. А если чего-то не хватало, они заклеивали, чтобы все их трактовки были связными.

Я вспомню, так как десятка думается им совершенной, как всю природу чисел охватывающая, то и по небу передвигаются десять, говорят они, — но так как только девять видимых существует, поэтому они придумывают десятое, Антихтон. С этим мы тщательнее разбирались в других трудах.

Но для того мы к этому вернулись, чтобы вновь понять, какие кроме этих они предполагают начала, которые как совпадают с уже названными причинами. Видится, что они число считают, что это начало и как бы материя существования, и как бы страсти и имения (габитусы). А элементы числа: без остатка и с остатком, как соответственно предельное и беспредельное. Единое — из того и другого, без остатка и с остатком; любое число из единого, а числа, как сказано, всё небо целиком.

Другие из них называют десять соположенных начал:

Предел	беспредельное
С остатком	без остатка
Единство	множество
Правое	левое
Мужской пол	женский пол
Спокойное	подвижное
Прямое	гнутое
Свет	тьма
Добро	зло
Квадрат	прямоугольник

Алкмеон Кротонский, похоже, брал тот же подход. Эту формулу заимствовал не то он у них, не то они у него. Алкмеон стал взрослым, когда Пифагор уже был стариком, а заявлял он как они.

Он говорит, что по два большая часть человеческих дел. Так он называл противоположности, но не как ученики Пифагора, которые признавали только определенные, но любые по случаю, хоть белое черное, хоть сладкое горькое, хоть добро зло, хоть большое малое. О всех прочих противоположностях он отговаривался
9866 неопределенно; тогда как пифагорейцы заявляли, и сколько противоположностей, и какие они.

Но они оба (Алкмеон и Пифагор) хотят сообщить нам, что противоположности — начала существований. Но сколько их и тем более какие все они — об этом только пифагорейцы.

Но пифагорейцы не справились ясно, как допускается сведение к названным причинам. Похоже, они выстраивают элементы будто они материального вида, раз они говорят, что сущность вылеплена из них, заявленных в ней.

Сказанного достаточно, чтобы обозреть разумение древних, говоривших, что элементов природы больше одной. Но были некоторые философы, которые заявляли, что на всё одна только природа; но все они с разными подходами, неверными и к природе отношения не имеющими.

Но в наше теперешнее размышление о причинах никак не влезает уже речь о них. Они ведь не как некоторые природоведы предполагают единое сущее, но при этом из природы единства производят его другим подходом — прибавляют движение, чтобы возникло всё; нет, эти философы говорят, что всё неподвижно. Но вот нашлось хоть что-то годное для нашего размышления.

Парменид, похоже, берет единое как логическое, а Мелисс — как материальное. Поэтому первый говорит, что оно определенное, а второй — что беспредельное. Ксенофан первым из них (говорят, что Парменид был его учеником) стал учить о единстве, но ничего не объяснял, и до природы не доходил ни логически, не материально, — но только взглянув на небо как целое, сказал, что единое и есть сам Бог.

Эти философы, как мы уже сказали, будут опущены в нынешнем исследовании; из них двое совершенно опущены, Ксенофан и Мелисс, потому что они как только что из деревни. Парменид, похоже, всё же видел, о чём он говорит. Думая, что кроме бытия не может быть ничего, он решил, что неизбежно есть только бытие, только оно одно существует, и ничего больше. О нем мы подробнее говорили в трудах о природе.

Но Парменид вынужден был всё же следить за явлениями. Он предположил, что логически есть только одно, а чувственно — много чего есть. И тогда он опять предположил две причины как два начала: тепло и холод, которыми могут быть огонь и земля. Он сказал, что тепло — существование, а холод — не существование. 987a

Итак, преуспевшие в логике мудрецы завещали нам вот что сказанным. Первые говорили, что начало — телесно, что вода, огонь и такого качества вещи — тела. Некоторые говорили, что телесное начало одно, некоторые — что много. Но и те и другие предполагали начала материального вида. Некоторые предполагали как раз и вид как причину, а некоторые — и ту, откуда движение; и для некоторых была одна причина, а для некоторых — две.

До философов южной Италии, если их не брать, все остальные говорили о началах невнятно. Разве только, как мы сказали, им удалось ввести две причины,

причем вторую, откуда движение, одни философы придумывают одной, а другие — двумя.

А пифагорейцы с таким же подходом говорили, что два начала, но дошли до того, что прибавляли, и в этом их особенность, что предельное и беспредельное и единое не какие-то разные природы, как огонь, земля или что-то другое такого качества; — но что сама беспредельность и само единство — сущность всего того, к чему эти слова применимы. Поэтому число и есть существование всех вещей.

Обо всём этом они заявляли именно так, и первые стали говорить и определять «что это такое», но слишком просто это трактовали. Они давали поверхностные определения, и как только видели в вещи то, что определяют, сразу считали это сущностью вещи. Это как если бы кто подумал, что двойное и двойка — одно и то же, потому что в двойном мы видим прежде всего двойку.

Но не то же самое быть двойным и быть двойкой. Иначе многое будет одним и тем же, как у них и вышло. Вот всё, что нам дали первые и далее философы.

6

После названных философий появилось рассуждение Платона, во многом им (пифагорейцам) следующее, но имеющее собственные свойства в сравнении с философией из Южной Италии. С молодых лет приятельствуя с Кратилом и с мнениями Гераклита, что всё чувственное всегда течет и науки о нём быть не может, он и позднее всё это поддерживал.

9786 А так как Сократ трактовал нравственные вещи, а о природе как целом не говорил, а в этих вещах отыскивал всеобщее и прежде всего разумом стал поборником определений, то Платон доказывал, переняв

такое, что всё это не о чувственном, а о чем-то другом. Ведь невозможно обобщающее определение ни одной чувственной вещи, как всегда изменчивой.

Так Платон такого качества существования объявил идеями. Он говорил, что всё чувственное вне идей и только по идеям учитывается. Ведь причастные этим видам, многие вещи становятся одного имени.

«Причастность» — всего лишь другое слово. Пифагорейцы говорят, что все существования подражают числам, а Платон, что причащаются — только имя поменял. Но каким быть такому причастию или подражанию видам, это он оставил исследовать нам сообща.

Затем, Платон сказал, что кроме чувственных вещей и видов есть математические вещи. Они отличаются от чувственных тем, что вечны и неподвижны; а от видов — что существует много столь же подобных, тогда как вид каждый только один.

И так как эти виды — причины для других вещей, то Платон думал, что их элементы — элементы всех существований. Материальные принципы — большое и малое; сущность как принцип — единое. Числа получаются из большого и малого, как только причастятся единому.

Что единое — сущность, а не что-либо из того, что мы называем единым, Платон говорил близко пифагорейцам. Точно как они он говорил, что числа — причины для других сущностей. Но свое у Платона то, что вместо беспредельного как единого он придумал двойку, и саму беспредельность — из великого и малого.

Еще Платон числа отставил от чувственного, тогда как те говорили, что числа — это сами вещи, и не ставили математические вещи между вещами и идеями. А он единое и числа придумал отдельно от вещей, а не как пифагорейцы, и ввел в употребление виды — благодаря тому, что его размышление происходило в фор-

мулах. Ведь прежние философы не разбирались в диалектике (искусстве разговора). А двоицу он придумал как другую природу: потому что числа, если не считать первые, так по-родному из нее происходят, как будто из теста.

988a Но всё идет не так: неблагоприятно как-то всё выходит. Эти философы из материи придумывают многое, а вид у них единожды только производителен. Но мы видим, что из одной материи (букв.: дерева) один стол, а кто добавляет идею, тот придумывает много столов, хотя стол один. Ведь так соотносятся мужской пол и женский пол: женщине достаточно отношения с одним для оплодотворения, тогда как мужчина многих оплодотворяет: так можно изобразить эти начала.

Так Платон определил искомые вещи. Мы уже поняли, что он употребил только две причины, причину бытия вещи как «что» и материальную причину. Виды — причины бытия «что» для всего остального, а причина видов — единое.

А какова стоящая за видами материя, по которой виды называются в чувственном мире, а единое — в мире видов, Платон назвал сразу две — большое и малое. Также он причины добра и зла увидел каждую в своем элементе, чего как мы говорили, добивались и некоторые более ранние философы, как Эмпедокл и Анаксагор.

7

Мы кратко и в главном повторили, кто и как, получилось, сказали о началах и истине. Из этого можно вынести, что никто из философов, говоривших о начале как причине, не вышел за пределы определенных нами в трудах о природе начал. Они все явно касались только этих начал, довольно невнятно.

Ведь одни философы называют началом материю, всё равно, предполагая одно или больше начал, полагая начало телом или бестелесным. Так, Платон называет большое и малое, философы Южной Италии — беспредельное, Эмпедокл — огонь землю воздух, Анаксагор — беспредельность подобными частями элементов. Им всем досталась причина одного качества. Таковы же все, кто называли воздух, огонь, воду или начало легче воздуха и гуще огня. Первоэлемент, говорили некоторые философы, может быть только такого качества.

Эти философы указали только материальную причину. Но другие философы называли причиной источник движения. Скажем, придумывали, что начало — дружба и вражда; что ум; что влюбленность.

А подлинную суть и саму сущность ясно никто не воспроизвел.

Только те называют подлинную суть и саму сущность, кто полагают виды, потому что виды для чувственных вещей и единое для видов они не рассматривают как материю или начало движения. Они наоборот, говорят, что виды — причины неподвижности и постоянства бытия. Подлинной сутью они и выставляют виды для каждой из прочих вещей и единое — для видов. 9886

А то, ради чего деятельность, превращения и сдвиги, они образно называют причиной; но не могут сказать, как эта причина себя ведет. Кто называют причиной ум или дружбу, полагают эти причины добром, но не потому, что вещи существуют ради добра и возникают в мире существований ради добра, но потому что ум и дружба как будто всё привели в движение.

Так же точно те, кто говорят, что природа добра и есть настоящее единое бытие, тем самым говорят,

что добро — причина существования, но не говорят, что ради добра что-то есть или будет. Получается, что и говоря и не говоря они о добре как причине: они говорят о нем не прямо, но как о свойстве.

Что мы правильно разобрались с причинами, сколько их и какого качества, похоже, свидетели нам все эти философы, потому что они не смогли вскрыть никакой другой причины. К тому же очевидно, что все начала мы должны отыскивать именно таким или каким-то таким способом. А как каждый философ сказал о началах, и что у нас имеется, и какие трудности нас ждут, мы сейчас и приступим после.

8

Кто считают весь мир единой материальной природой, имеющей размер как тело, на виду у всех постоянно промахиваются. Они полагают только элементы тел, но не элементы бестелесных вещей; хотя бестелесные вещи существуют.

Берясь назвать причины появления и гибели, и во всех вещах видя только физиологию, они уничтожают причину движения. Затем, они ни существование вещи, ни бытие вещи чем-то не считают причиной чего-то еще. К тому же, они, не подумав, объявляют началом какое-то из простых тел, кроме земли, не рассматривая, как можно придумать их возникновение друг из друга: огонь, вода, земля, воздух.

Ведь вещи возникают одна из другой либо схождением, либо выделением. Это более всего значимо для определения, что было раньше, а что было позже. Тогда они должны бы думать, что самый элемент из элементов — из которого вещи возникают схождением: **989a** таковым бы было тончайшее тело из мельчайших частиц.

Поэтому все, кто полагают огонь началом, те говорят наиболее осмысленно в этом смысле. Все остальные философы тоже видят в элементе тел такое качество. Никто из называющих одно начало, не счел стихией землю: потому что она из крупных частиц. А из трех остальных стихий каждая получила своего радетеля: одни говорят, что это огонь, другие — вода, другие — воздух.

Почему они не называют землю, в отличие от большинства людей? Говорят, что всё было и будет землей; и Гесиод говорит, что земля первой из тел возникла. Так что такое поверье оказывается самым древним и самым народным.

Но в нашей формуле никто не сможет назвать ничего кроме огня, и не сможет полагать, что огонь якобы гуще воздуха, хотя и тоньше воды. А если то, что позднее появляется, в природе существует раньше, и если плотное и свалывшееся появляется позднее, — то вот тогда будет наоборот: вода раньше воздуха, земля раньше воды.

Итак, мы достаточно сказали о тех, кто полагает одну причину бытия. Но то же самое нужно сказать и о тех, кто полагает много причин бытия, как Эмпедокл, который утверждает бытие четырех тел как материю бытия. Он сталкивается с теми же трудностями, и еще и со своими.

Да, мы видим, что элементы возникают один из другого, и что огонь и земля не навсегда остаются тем же самым телом. Об этом мы сказали в работах о природе. Но о причине движений, одну ее или две полагать, Эмпедокл сказал совершенно неверное и неприемлемое для мысли.

Вообще, кто так говорит, невольно отрицает всякое превращение: у них не будет ни холодного из теплого, ни теплого из холодного. Ведь для этого должна быть

единая природа, делающаяся огнём и делающаяся водой, но Эмпедокл говорит, что такой нет.

Если кто предположит, что Анаксагор утверждает два элемента, то это самая логичная догадка; хотя сам Анаксагор членораздельно ничего не сказал, но если бы взяли его за руку здесь, то он бы непременно с нами пошёл дальше.

9896 Никуда не годится и более чем странно утверждать началом всеобщее смешение. Ведь тогда до него нужно показать, что смешалось. И не бывает, чтобы случайность смешивалась со случайностью. К тому же тогда страсти и свойства отделятся от существований: ведь что смешалось, то можно разделить.

Но если кто вслед за Анаксагором начнет разбирать, что он хотел сказать, то сказанное им окажется самым современным словом. Когда ничего не выдѣлилось, ясно, что никакой правды нельзя было сказать о таком существовании. Так, скажем, оно не было ни белым ни черным, ни серым ни иного цвета, но неизбежно было без цвета. Иначе у него был бы хоть какой-то цвет. По той же самой формуле оно было без сока и без чего-либо подобного.

В таком существовании еще не могло быть ни качества, ни количества, ни чего-либо. Иначе бы в нём заявили о себе так называемые частичные виды, но такое невозможно, когда всё поглотила смесь. Тогда мы бы что-то выдѣлили, но Анаксагор говорит, что всё смешано, кроме ума.

Из этого Анаксагор должен был бы объявить началами единое, как простое и не смешиваемое, и иное, каким мы полагаем неопределенное, прежде чем оно определится и приобщится какому-то виду. Так что хотя он говорит ошибочно и неясно, он хочет сказать что-то близкое позднейшим философам, то, что в наши дни мы гораздо лучше понимаем.

Но наши философы обыкновенно формулируют только появление, гибель и движение. Они если ищут начала как причины, то только для сущности такого качества.

А те философы, которые придумывают созерцать все существования, полагая одни из них чувственными, а другие — совсем не чувственными, понятно, что придумывают рассмотрение обоих родов. Поэтому лучше побеседуем о них, в чём они правы, а в чём нет, из того, что они нам дали для просмотра.

Кто зовутся пифагорейцами, те вводят более эксцентричные начала как элементы, чем философы природы (физиологи). Ведь они берут их не из чувственного мира: математические существования лишены движения, за исключением тех, которые поручены астрологии. При этом они только и делают, что ведут диалоги и пишут трактаты о природе.

Они выводят (делают) небо и наблюдают за происходящим: его части, его страсти, его работы. Они пускают на это в расход начала как причины, как будто они совпадают с философами природы, что существует только лишь чувственное, схваченное так называемым небом. 990a

Но названные ими причины как начала, как мы сказали, годятся, чтобы подняться и к более высоким существованиям, и даже более подходят к ним, чем к формулам для природы. Но из какого оборота будет движение, если за вещами стоит предел и беспредельное, число с остатком и число без остатка, они не говорят. А как без движения и превращения может быть возникновение и исчезновение и работы в движении на небе?

Если мы допустим, что величина возникла из этих их начал, или даже если мы докажем это, то из-за какого оборота одни из тел легки, другие — несут тя-

жесть? Их предположения и высказывания не больше о чувственных телах, чем о математических. Поэтому об огне, земле или других такого качества телах они ничего не говорят, потому что, думаю, они не нашли ни одного собственного свойства чувственного мира.

Далее, как понять, что происходящее с числом — причина бытия, и что само число — причина бывшего и будущего на небе изначально и сейчас, и при этом нет никакого числа, кроме того, из которого составлен мировой строй. В этой части мира у них слава и удача, немного выше или ниже — неправда, суд и смешение, и доказательство у них, кто везде побывало число. Но вот в этом месте уже множество образованных величин, так что всё произошедшее с числами уже согласовано со всеми местами. И тогда что это: число на небе, которое расчислило все случившееся, или число произошедших событий? Платон говорит, что не то число, которое на небе. Он тоже мыслит все эти вещи и их причины числами: но одни из них считает умственными причинами, а другие — чувственными.

9

9906 Пифагорейцев оставим: насколько мы их коснулись, этого достаточно. А те, кто полагают причинами идеи, прежде всего искали для здешних существований получить причины, другие чем они, но равные по числу. Это почти как если кто возьмется посчитать небольшое число вещей, решает, что не справится, и придумывает больше вещей, что их-то уж он сосчитает. Ведь таких «видов» получается больше отдельных чувственных вещей, в поиске причин которых эти философы и перешли от самих вещей к идеям.

Для чего угодно тогда окажется того же имени идея, а не только для сущностей, потому что кроме сущно-

стей много еще есть каких единиц: и в здешних вещах и в вечных.

Затем, какими бы способами они ни доказывали, что идеи существуют, ничего из этого не видно. В некоторых доказательствах нет строгой логики, в некоторых получают идеи и для тех вещей, для которых они и не думали их.

Если брать научные формулировки, то тогда виды будут у всего, что изучают науки. Если брать их как обобщения, «одно вместо множества», то тогда эти виды будут у всех отрицаний тоже. А если брать предметы мысли, то виды будут у всех преходящих вещей, потому что их все можно представить в уме.

Затем, уточняя формулировки, одни философы и отношения превращают в идеи, хотя не признают отношения как род вещей, а другие философы вводят «третьего» человека. Но в целом формулирование таких видов полностью уничтожает то, что идейные философы считают гораздо более бытием, чем бытие идей. Ведь получается, что не двойка первична, а число; что отношение первичнее самостоятельного бытия, и всё прочее, что заставляет последователей учения об идеях враждовать со своими же принципами.

Далее, согласно высказанному предположению этих идей, виды будут не только у существующего, но и много у чего другого. Ведь единая мысль не только о существующем, но и о несуществующем, и науки посвящены не только существующим вещам. И еще тысячи всего получается.

Но логика самого учения об идеях требует, что если эти виды доступны нам, то значит, есть виды только существующих вещей. Мы не можем приобщаться отдельным свойствам, но только каждой вещи, причем не в смысле темы. Скажем, если мы приобщаемся «двойному», то приобщаемся и вечности, но только

как свойству «двойного»: понятие «двойное» существует вечно.

Итак, виды — существование, а не тема. Но и в 991a здешнем, и в том мире существование это существование. Иначе зачем говорить, что на много здешних вещей там приходится одна вещь? Но если идеи и причастные им вещи — одного вида, то между ними есть что-то общее. Ведь ясно, что между множеством земных двоек и множеством вечных двоек не меньше общего, чем между двойкой как она есть и двойкой каких-то вещей, — если двойка одна и та же единица. А если не один и тот же вид для них, то это просто омонимы, вроде того как «Каллием» называют и человека, и доску (портрет), не замечая в них ничего общего.

Но больше всего ставит в тупик вопрос, какой вклад эти виды вносят в вечные чувственные вещи или в возникающие и разрушающиеся чувственные вещи. Они не служат ни движению, ни какому-либо превращению вещей. Но также эти виды не помогают ни научному знанию о вещах (ведь они не сущности вещей, иначе бы они были внутри вещей), ни бытию вещей (иначе бы они проявлялись в причастных им вещах).

Кто-нибудь предположит, что быть может, они причины вещей так, как добавление белого — причина белизны. Так говорил сперва Анаксагор, а после Евдокс, когда разбирал затруднения, и некоторые другие. Но такая формула слишком легко опровергается. Мы легко можем привести множество доводов, показывающих невозможность такой позиции.

Но и никакие другие вещи не могут происходить из «видов», как бы мы ни привыкли понимать происхождение. Скажем, называть их образцами, что все им так причастны — это пустозвонство и поэтические метафо-

ры. Кто начнет свою деятельность с оглядкой на эти идеи-образцы? А быть и возникать можно и не уподобляясь никому: был Сократ или не был, может возникнуть такой как Сократ. Есть вечный Сократ или нет вечного Сократа — то же самое.

Или пусть будет много образцов для одного и того же, множество «видов»: отдельно для человека, отдельно для человека как живого существа, отдельно для человека как двуногого, ну еще отдельно для человека как он есть.

Далее, виды должны быть образцами не только чувственных вещей, но и самих себя, как род — для видов именно род. Так что одно и то же станет образцом и изображением.

Далее, представляется невозможным, чтобы отдельно существовали сущность и ее предмет. Поэтому если идеи — сущности вещей, почему они отдельно от вещей? 9916

В «Федоне» говорится, что виды вызывают и бытие, и возникновение вещей. Пусть виды и существуют, но что тогда их приводит в движение, чтобы что-то было и возникло?

К тому же, возникает много еще чего, скажем «дом» и «перстень», для чего этих видов нет, как они говорят. Поэтому очевидно, что и вещи, которым они приписывают идеи, могут возникать действием тех же причин, что и названные.

Если идеи — числа, то как они причины? Тогда числа будут еще одними вещами: это число — человек, это число — Сократ, это число — Каллий?

Но как тогда тамошние числа причины для здешних вещей? Если нет никакого различия между ними, кроме как что одни вечные, а другие нет?

Если потому, что они — пропорции чисел, как в созвучии, тогда понятно, должно быть единство для этих

пропорций. Если это материя, то тогда и сами числа будут пропорциями одного к другому. Тогда, скажем, Каллий будет выразимой числами формулой отношений огня, земли, воды, воздуха. И за идеей Каллия тоже будут стоять разные элементы.

Тогда и человек как он есть, будь он числом или не будь, будет пропорцией, выраженной числами, а не числом. Поэтому не будет никакого числа вообще.

Затем, из многих чисел возникает одно число, и как из многих видов возникнет один вид? А если не из них, а из входящих в число, скажем из единиц десятка тысяч, то в каком состоянии сами единицы? Если они одного вида, то много нелепого выходит, а если не одного вида, то тогда они и друг без друга, и все без всех. Чем они будут тогда отличаться, раз они ничем не страдают? Всё это не благоразумно и не вмещается нашим умом.

Еще и придётся изготовить другой род числа, для арифметики, и всё что некоторые философы называют промежуточным — но как и из каких начал? И почему это будет между здешними вещами и числами как таковыми?

Затем, единицы в двойке каждая будет из какой-то предшествующей двойки, что невозможно.

992a Еще, почему число едино, если оно составное?

Еще, к сказанному, если единицы различны, то надо и называть их все, как называют все элементы те, кто говорят, что их четыре или два. Никто из философов не говорит «элемент» вообще, как бы «тело» вообще, но говорит «огонь», «земля»; вне зависимости от того, есть или нет тело как общее для всех элементов. А сейчас эти философы говорят о существовании единого как о существовании огня или воды, состоящих из подобных друг другу частиц. Но тогда числа не могу быть сущностями; и тогда очевидно, что

если есть и единое как таковое, и оно лежит в начале вещей, то разное бывает «единое», и иначе не будет.

Желая возвести сущности к началам, мы полагаем длину из «короткого» и «длинного», как неких малого и большого, и плоскость из широкого и узкого, и тело из глубокого и мелкого. Но как тогда плоскость вместит линию, а объем — линию и плоскость? Ведь широкое-узкое — один род, а глубокое-мелкое — другой род. Поэтому как число не заявлено в них, потому что «много»-«мало» о них не говорят, так очевидно, что ничто верхнее не может заявиться в нижнем. Но широкое — не род для глубокого, иначе бы тело оказалось плоским.

Затем, точки откуда проявляются? Платон оспаривал, что они род, говоря, что на самом деле это догмат геометров. Но он называл началом линии, он не раз это утверждает, атомарные линии. У этих линий должен быть предел: поэтому в той же формуле, что линия, есть и точка.

Вообще мудрость ищет причину явленных вещей. Мы это пропустили сказать, потому что ничего не говорим о причине как источнике изменений. Можно ли думать, что когда называем сущность явленных вещей, мы утверждаем бытие других сущностей? Как именно последние сущности первых, это совсем пустой разговор. Слово «причащаются», как мы уже сказали выше, это пустое слово.

Также в том, что мы видим как причины наук, ради которых всякий ум и всякая природа творчески действует, и которые мы считаем тем самым одним из четырех начал, тоже никак не берутся «идеи». Для нынешних философов математика заменила философию, хотя они говорят, что математику надо изучать для других целей.

Также кто-то поймет стоящую за вещами сущность как математическую материю, раз разрядов и категорий сущности и материи больше в ней, чем в самой материи; скажем, есть «большое» и «малое». Но так же философы природы говорят о разряжении и сгущении, стоящих за всеми вещами как первые отличия. Здесь тоже избыток и недостаток.

А о движении: если бы большое и малое были бы движениями, то и виды бы пришли в движение. Но виды неподвижны, откуда тогда движение? Вся мысль о природе разваливается.

Так что кажется легко доказать всеединство, но не получается. Как бы мы ни выставляли что, не выходит всеединство, но только некоторое единое как таковое, даже если кто-то допустит его для всего. Но ведь его и не получается, если не допустить, что всеобщее — это тоже род вещей, но не для всего это получится.

И не дают они отчет, как за числами идут длинные, плоскости и объемы, как это есть, будет или возможно. Ведь они не способны быть ни видами, раз они не числа, ни промежуточными вещами, потому что таковы только математические вещи, ни тленными вещами — опять получается какой-то четвертый род.

Вообще, если искать элементы существований, не различая ничего, когда говорится о разном, невозможно их найти. Особенно если с таким подходом ищем: «Из каких именно элементов бытие?» Невозможно из элементов сложить сотворение, страсть или прямоту, но можно сложить только сущности, а не любое бытие. Поэтому для всего бытия искать или мыслить элементы неверно.

Да и как могло бы выглядеть изучение элементов всего? Тогда бы до этого изучения пришлось бы вооб-

ще ничего не знать. Как кто изучает геометрию, допустим, он что-то уже знает, но он совершенно не знает пока науку, которую взялся изучать. Так и в прочих науках. Поэтому если бы была наука обо всём, о которой некоторые говорят, то изучали бы ее только те, кто до этого не знает ничего. Но чтобы что-то изучать, нужно хоть что-то заранее знать, полностью или отдельные вещи; изучаем ли мы путем доказательств или путем определений. Чтобы было определение, нужно, чтобы части определений были заранее известны и опознавались как таковые; так же точно при индукции.

А если бы оказалось, что это знание врожденное, то удивительно было бы, как мы не заметили, что с нами уже самая могущественная из наук. 993a

Еще, как мы бы знали, из чего и как вещи, с ясностью? Здесь тоже трудность, что с некоторыми слогами: для одних «ща» это «щ-ш-а», а для некоторых это особый звук, непохожий на известные.

Еще, как бы можно было узнать, что мы почувствовали, не зная, что такое чувствовать. Но так бы было, если бы всё состояло из элементов, свойственных всему, как звуки состоят из элементов, свойственных звуку.

10

Из уже сказанного понятно, что все философы привыкли искать причины, о которых мы сказали в трудах по физике, и кроме них мы ни одну не назовем. Но они невнятно это сказали, и поэтому хотя в каком-то отношении все эти причины были названы до нас, в каком-то отношении совсем не названы. Первая философия привычно лепетала обо всем, потому что она наука юная и еще только начинается.

Даже Эмпедокл считает кость пропорцией, и в этом видит подлинную суть и существование этой вещи. Но тогда таким будет и мясо, и всё вообще будет пропорцией, или же ничего не будет. Тогда мясо и кость и всё прочее осуществляется в пропорции, а не в материи, о которой он сам говорит: огонь, земля, вода, воздух. Он был бы вынужден признать чужую правоту, но сам ясности не добился.

Об этих вещах мы заявляли и прежде. А что в этих вопросах вызовет у кого-то недоумение, мы к этому вернемся. Добившись здесь прямоты, мы быстро справимся и с будущими недоумениями.

КНИГА α (2)

**ФИЛОСОФИЯ ИЩЕТ
ИСТИННОЕ НАЧАЛО**

Созерцать истину то затруднительно, то легко. При-
мета проста: никто не достигает истину торжественно,
но и не терпит полного поражения, но каждый гово- 9936
рит что-то «о природе», и всякий раз хоть какой-то
вклад вносит в победу: а вместе получается уже значи-
тельная совокупность. Так и бывает, прямо как в по-
говорке «В широкие ворота не промахнешься». Поэто-
му истина легко дается, но трудно удержать целое,
разбираясь с частями, отсюда и трудности.

Трудность возникает с двух сторон, и коренится она
не в делах, а в нас. Как глаза ночных существ не могут
выдержать свет дневной, так и глаза нашей души не
могут вынести яснейшего в природе. Поэтому по праву
надо радоваться не только за тех, кто думает как мы,
но и за тех, кто поторопился с выводами. Они тоже
внесли свой вклад в победу, и их упражнения вошли
для нас в привычку. Не будь Тимофея, мы бы не уме-
ли сочинять такие песнопения, а не будь Фринида, не
было бы Тимофея. Тем же помянем говоривших об ис-
тине: мы взяли некоторые их размышления, и в нас
возникли наши собственные размышления.

Философию правильно называют «наукой истины».
Созерцают вещи ради истины, а работают ради дела.
Люди работающие даже когда разглядывают устрой-
ство вещей, смотрят не на то, что всегда есть, но что
к чему можно приложить прямо сейчас. Но истина для
нас закрыта до тех пор, пока не открылись причины.

Лучше всего годится на роль причины та вещь, которая даже имя свое отдает другим вещам: скажем, огонь горяч, и вещи горят и пламенеют от огня. Так и истина — то, что и другим вещам подсказывает их истину.

Поэтому начала существующего и есть всегда, и ближе к истине всегда. Они не могут быть истинными только иногда, и не в сбывшемся причина их бытия, но наоборот, от них всё сбывается. Поэтому сколько вещи досталось бытия, столько ей досталось и истины.

2

994a Итак, что-то было в начале, потому что причины не могут уходить в бесконечность: ни перечислять нельзя до бесконечности, ни вид приписывать бесконечности. Нельзя брать материал и один за другим уводить его в бесконечность: мясо из земли, земля из воздуха, воздух из огня, и так без остановки. Или еще источник изменений: человека задел воздух, воздух задет солнцем, солнце — враждой, и края этому не видно. Но и задачи нельзя ставить без конца и без края: гуляем чтобы быть здоровыми, здоровые чтобы быть счастливыми, счастливые еще для чего-то, и так всё время одно сдаем другому.

Но так же надо судить о самой сути. Если мы в рассуждении о ней выделяем предпосылку и вывод, то неизбежно предпосылка — причина последующего. Но и думая о причине вывода, мы тоже укажем на предпосылку: причиной не может быть вывод, потому что он стоит в самом конце; но не может быть и промежуточное рассуждение, которое только подводит к выводу. Неважно при этом, одно или несколько промежуточных рассуждений, и неважно даже, конечен этот промежуток или бесконечен. Если что-то беспредельно, то все части у него без начала и без конца, вклю-

чая то, о чём рассуждаем сейчас. А если нет начальной предпосылки, то вообще нет никакой причины.

Но нельзя уходить в бесконечность и в выводах, смотря от истока, как из огня берется вода, из воды земля и так всегда возникает какой-то еще род. Но о смене одного другим говорят в двух смыслах: либо что одно раньше, а другое позже, как «Истмийский турнир сменился Олимпийским турниром», либо что одно превращается в другое: ребенок вырос и стал мужчиной, вода стала воздухом. Когда мы говорим «мальчик вырос и стал мужчиной», мы видим как завершилось становление, как событие дошло до совершенства.

Становление — это что-то среднее между тем что есть и тем чего нет: скажем, ученик еще только становится ученым, и поэтому мы говорим, что из ученика «получается» ученый. Но если мы говорим, как из воздуха возникает вода, то тогда вода разрушила воздух.

Становление необратимо: не может из мужчины возникнуть мальчик, не может из возникшего возникнуть возникающее, но как возникло, так возникло. И со сменой так же: день сменяет утро, потому что наступает после, и утро не может сменить день. А вода и воздух могут тогда переходить друг в друга; но и тогда этот переход не может уйти в бесконечность. Ведь при становлении и смене всегда есть окончание, а при переходе одно возникает только когда другое разрушено, и вещь при переходе становится совсем другой.

Первое всегда первое, и его не разрушишь. Но так как исток возникновения невозможно отодвигать до бесконечности, то получается, что то, из чего что-то возникло, то было разрушено, и потому не вечно. Далее, итог — это цель, а цель не бывает для чего-то, но всё бывает ради цели; поэтому если конечный итог какой-то, то его не отодвинешь в бесконечность, а если такого

итога нет, то и двигаться некуда. Те, кто считают, что и движение не знает никаких пределов, сами не замечают, как отбрасывают природу блага. Но ведь мы беремся за работу только если знаем, что она закончится. А иначе ума в нас нет: всякий, кто работает с умом, работает для чего-то, а эта цель и есть итог работы.

Но и подлинную суть нельзя возводить к другому определению: мы только умножим число формул. Определяющее всегда более определено, чем определяемое, и поэтому если первичное остается без определения, то тем более неопределенным окажется последующее. Кроме прочего, тогда мы останемся без знания: знание возможно там, где оно наталкивается на неделимое, а если всё подразделять до бесконечности, то мы ничего и не будем знать. Конечно, линию можно делить до бесконечности, не останавливаясь; но чтобы помыслить линию, надо остановиться. Невозможно перечислить все отрезки, потому что тогда нам нужно объять необъятное, но надо воспринять линию как целое, подальше от всякого движения. Даже если она окажется беспредельна, то существует она не для беспредельности.

И если бы виды истоков были бы бескрайним множеством, то мы бы не смогли бы ничего знать. Мы понимаем, что знаем вещь, когда распознали происхождение вещи. Но если множить истоки до бесконечности, то мы никогда не успеем их пройти.

3

Чтобы усвоить лекцию, надо к ней подготовиться. Наша подготовка и определяет ожидания от прочитанного, а что из этого выбивается, кажется не таким как надо, а по непривычке видится непонятным и чужим; ведь что нам по нраву, то нам и знакомо.

А сколь крепко держится привычное, выдают нам законы, в которых байки и сказки крепче держатся, чем знание правил, потому что так люди привыкли. Кто-то не воспринимает изложение по законам математики, некоторые не воспринимают без примеров, некоторым нужна обязательно цитата из поэта. Одни хотят, чтобы всё было строго, а другие тоскуют над строгостью: то ли они не могут всё со всем сопоставить, то ли сердятся на мелочи. Да, строгость такова, что и строгие советы, и строгие формулы кажутся некоторым слишком тесными. Поэтому надо учить себя, как с чем обращаться, потому что нелепо знать и не знать, как ты это знаешь — и то, и другое, впрочем, непросто.

Математическая строгость нужна не во всех вопросах, но в вопросах о нематериальных вещах. Для физики она уже не годится: ведь ни одна природа не обойдется без материи. Поэтому подумаем сперва, что такое природа. Тогда станет понятно, чем занимается физика; и нужна ли одна наука или несколько для исследования причин и истоков.

КНИГА В (3)

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ, ПОДЖИДАЮЩИЕ ФИЛОСОФА

Возвращаясь к искомой науке, прежде всего приглядимся, что нас больше всего ставит в тупик. Это то, что разные философы делают совсем разные предположения об одних и тех же вещах, и то, что важные вещи все философы проглядели. 995а

Если мы хотим выйти на широкую дорогу, нужно научиться правильно выходить из тупиков. Мы пойдем прямо, если разберемся с тем, чего не понимаем. Но нельзя распутать то, чего не знаем.

Если разум в тупике, то мы чего-то не знаем о вещи. Когда мы в тупике, мы изнемогаем будто связанные. Никак мы не можем пойти вперед.

Поэтому нужно сперва обозреть все затруднения, ради свободы. Ведь те, кто ведут исследования, не знакомясь с трудностями, похожи на тех, кто идут сами не зная куда. Они даже не знают, нашли они искомое или нет. Они не видят цели, а кто миновал препоны, видит цель. 995б

Затем, несомненно, лучший судья тот, кто выслушал весь спор сторон в суде полностью.

Первый тупик, в который мы зашли еще накануне, одна или много наук нужно, чтобы обозреть причины. И эта наука смотрит только на первые принципы существования, или еще и на принципы доказательства; скажем, можно ли одновременно утверждать и отрицать что-то и т.п.

Если мы изучаем существование, то нужна ли на все сущности одна наука или много? Если много, то

они родственны; или одни науки — мудрость, а другие заслуживают другого названия.

И еще нужно исследовать, есть ли только чувственные сущности или кроме них другие? И если есть, то только какие-то дни, или много родов сущностей? — как утверждают те, кто придумали «идеи» и «математические вещи» между идеями и чувственными вещами.

Это, как мы сказали, рассмотрим. Также, мы теоретизируем только о сущности или и о сбывшихся в сущностях свойствах? Кроме того, о тождественном и другом, похожем и непохожем, противоположности, предшествующем и последующем и обо всём том, что диалектики дерзают рассматривать, придумывая мысль из одних только мнений, — какая наука рассматривает всё это?

Еще о свойствах самих по себе: не только что такое каждое свойство, но еще больше — противоположно ли свойство только одному какому-то свойству? И начала и элементы — это роды вещей, или они извлекаются из вещей при разборе? И если роды, то они об отдельных вещах говорят первое или последнее: «живое существо» или «человек»? Что из этих двух больше начало, в сравнении с отдельной особью?

Но больше всего нужно исследовать и трактовать, есть ли кроме материи причина как таковая или нет, и если есть, то она обособленная или нет, и она одна или их много по счету? И есть ли что-то кроме целого мира? — я называю целым миром всё, что в ряду материального. Или для одних существований только мир, а для других что-то еще; и какого качества тогда эти существования?

996a Затем, начала ограничены числом или видом? Это и о формульных, и о тематических началах. И одни и те же начала или разные для тленного и нетленного; и нетленны ли начала всех вещей, или у тленных вещей тленное начало?

Затем, самый трудный и затруднительный вопрос, что такое единое и сущее? Это суть всего существующего, как говорят пифагорейцы и Платон? Или существование исходит из чего-то другого, по Эмпедоклу из дружбы, по другим — из огня, воды или воздуха?

И начала всеобщие или для каждой вещи отдельно? И они возможность или действительность? Их можно застать только при изменении вещи? Такой вопрос тоже создает немалые трудности.

Кроме того, числа, длины, фигуры и точки — сущности или нет? А если да, то они обособлены от чувственных сущностей или проявляются в них? По этим всем вещам не просто нелегко дойти до истины, но даже сформулировать сами эти трудности.

2

Прежде всего из сказанного выше поговорим о том, одна или много наук рассматривают все роды причин?

Может ли одна наука узнать начала, которые не противоположны одно другому? Также, во многих сущих не все начала. Скажем, может хоть в каком-то смысле быть в неподвижных вещах начало движения? Или природное благо? Ведь всякое благо как таковое, по собственной природе, есть цель и тем самым причина, что ради него всё прочее возникает и бывает. Цель, задача — цель какого-либо действия; а все действия сопровождаются движением.

Так что в неподвижных вещах не бывает ни начала движения, ни блага как оно есть. Поэтому в точных науках не доказывают ничего ссылкой на благо, и при доказательстве не говорят, что такое хорошо и что такое плохо, и даже поминать такого никто не будет. Вот почему некоторые софисты, например, Аристипп, бранили точные науки: вот, в других искусствах, даже

в грубых, скажем, строительстве и башмачничестве, можно всегда сказать, что хорошо а что плохо, а в точных — невозможно сформулировать, что то-то хорошее, а то-то плохое.

9966 Далее, если много наук о причинах, каждая о своем начале, то какую из них назовем искомой? И кого из освоивших науки назовем самым ученым в искомом деле? Ведь вполне допустимо, что для того же самого проявляются все изгибы причин: так, при строительстве видны и движение, и искусство, и строитель, и задача работы, и материя — земля и камни, и вид — план (формула) дома.

Разобравшись с этим, и нужно наукам, которые могут быть признаны содержащими план (формулу) премудрости, дать каждой свое название. Есть наука изначальная, предводительская, которой другие науки — рабы и возразить не в праве. Это наука о цели и благе, ради которых все остальное. Но такая наука была выше отграничена как наука о первых причинах и наиболее заслуживающем знания, — поэтому лучше главной наукой считать науку о сущности.

Из тех, кто знает одно и то же с разных сторон, мы скажем, что лучше всего знает эту вещь тот, кто знает ее в ее бытии, а не в ее небытии. А из знающих вещь в ее бытии, лучше знает тот, кто может сказать, что это такое, а не сколько это, или какого качество, или что производит, или чем страдает бывает.

Также и в других мы основываем знание о вещи на доказательстве, когда можем заявить, что знаем, что это за вещь. Скажем, что такое квадратура? Нахождение срединного отношения. Так же и в другом.

А знать о возникновении, деятельности и любом превращении — это знать начало движения: начало другое чем цель и противопоставленное цели. Поэтому и кажется, что каждую из этих причин рассматривает своя наука.

Так же сталкиваются мнения о доказательных принципах: одной науке они принадлежат или разным? Доказательными я называю общие мнения, из которых все могут доказать всё, о чём неоспоримо выносится либо утверждение, либо отрицание. Скажем, такое, что не возможно одновременно быть и не быть; и все другие такие же предложения. Занимается ли этими предложениями те же наука, что и существованием, или другая наука; и если две науки, то какую из них надо объявить сейчас искомой?

Что одна наука, неразумно. Почему геометрия больше чем любая другая наука может управиться с предложениями? Поэтому если эти предложения подобны в любых науках, но не могут быть все науки науками об этих положениях, то ни других наук, ни 997а узнаваемой нами не собственное дело узнавать о них.

Вместе с тем, на каком повороте будет наука о началах? Что такие каждое из них, так совпало, мы уже знаем. Ведь прочие искусства распоряжаются началами как уже известным.

А если об этих началах есть доказательная наука, то должен быть положен в основу начал какой-то род, о котором будем прежде всего говорить. Тогда одни начала будут свойствами, а другие — аксиомами: не всё можно доказать. Доказательство необходимо исходит из чего-то, о чем-то и чего-то. Поэтому что бы мы ни доказывали, нужно чтобы сбывалось всё в одном роде; и ведь все доказательные науки употребляют аксиомы.

Но если доказательная наука другая чем существенная наука, то какая должна бывать первее и главнее? Ведь аксиомы — наиболее всеобщее, начала всех вещей. И если не философ, то кто еще в них рассмотрит, что правда что ложь?

В целом, о всех существованиях одна наука или больше? Если не одна, то нашу науку закрепим за каким именно существованием?

Чтобы одна для всех — неразумно выходит. Тогда была бы еще доказательная наука обо всех признаках, раз всякая доказательная наука в подлежащем рассмотрению видит признаки как они есть, исходя из общих мнений. Поэтому наука о каком-то роде созерцает признаки как они есть в этом роде, исходя из одних и тех же мнений. Род один, исходит из чего-то одного, и будь то эта наука или другая, она занимается этими же свойствами рода. Неважно, для свойств каждого рода своя наука, или из них складывается единая наука о свойствах.

Затем, мы будем созерцать только сущность или также данные ей признаки? Представим что-нибудь объемное, в него входят и линии и плоскости. Так будет всё это познавать одна наука или несколько? И сущность, и те признаки каждого рода, которые доказываются в точных науках.

Если одна и та же наука, то тогда доказываться будет и само существование; но считается, что существование недоказуемо ни для чего-либо. А если разные науки, то какая будет созерцать признаки, которыми наделена сущность? Дать ответ более чем трудно.

Еще, нужно ли говорить, что существуют только чувственные сущности, или другие кроме них? И одинок род или много существует таких других родов существований? Много, говорят: это еще виды и те вещи между обычными вещами и видами, которыми занимаются точные науки.

Но как мы называем виды причинами и сущностями как они есть сами по себе, мы говорили в первых словах о них. Здесь трудности обступают со всех сторон; и никуда не годится говорить, что есть какие-то природы кроме природ в пределах неба и при этом они тождественны чувственным природам, отличаясь только тем, что они вечные, а не распадающиеся. Они говорят, что есть сам Человек, сама Лошадь, само Здоровье, и боль-

ше ничего не говорят, придумывая примерно то же, что боги по виду совсем как люди. Кто так говорил, тоже придумывал вечных людей; и для них виды не что иное, как вещи чувственные, только вечные.

Далее, кто полагает кроме видов и чувственных вещей и промежуточные вещи, получает в ответ много недоумений. Очевидно, что тогда будут и линии как таковые, и чувственные линии, и промежуточные линии; и так со всеми родами. А так как астрология (исчисление звезд) относится к точным наукам, то должно быть какое-то небо кроме чувственного неба, и такое же солнце, и луна, и всё подобным образом на небе. Но как можно всему этому поверить? Считать такое небо неподвижным неблагоразумно, а считать движущимся и вовсе невозможно.

Подобно трактуются оптика и математическая гармония: эти науки не могут отойти от чувственных вещей, по тем же причинам. Если есть промежуточные чувственные вещи и промежуточные чувства, то понятно, что должны быть и промежуточные живые существа между живыми существами как таковыми и смертными живыми существами.

Но сразу кто-то задаст вопрос: какого качества существования должны отыскивать эти науки? Если геометрия отличается от землеустройства участков только тем, что участки чувственные, а геометрические вещи не чувственные, то очевидно, что кроме медицины, как и кроме других наук, будет еще некая наука: между данной медициной и медициной как таковой. Но как это возможно? Тогда будет не только чувственное здоровье и здоровье как таковое, но и какое-то среднее здоровье.

К тому же неправда, что землеустройство имеет дело только с чувственными величинами, распадающимися; иначе бы с их распадом оно бы тоже распалось.

И астрология не в мире только чувственных величин в пределах неба.

998a Да, чувственные линии не такие, какие нужны геометру. Не бывает чувственного ни прямого, ни вполне круглого. Наш круг соприкасается с каноном (линейкой) не в одной только точке, как и говорил Протагор, разоблачая геометров. И движения и круговращения неба не подобны тем формулам, которые придумывает астрология; и ее знаки не той же природы, что звёзды.

А некоторые философы говорят, что есть то, что можно назвать промежуточным между видами и чувственными вещами, но не отдельно от чувственных вещей, а в них. Пришлось бы растянуть наше слово, чтобы пройти через всю эту небывальщину, поэтому достаточно вот на что посмотреть.

Прежде всего, неблагоприятно, чтобы только эти вещи были в чувственных вещах. Ясно, что могли бы и сами виды быть в чувственных вещах. Ведь эта формула может быть отнесена и к тем и к другим.

Затем, тогда бы два тела оказались бы в одном месте. И при этом, раз чувственные вещи движутся, то средние в них не могли бы остаться неподвижными.

Да и чего ради, выдумав такие вещи, нужно выдумать еще, что эти вещи в чувственных вещах? От этого названных нелепостей меньше не становится. Опять у нас небо вне неба, только не отдельно, но на том же самом месте, что уж совсем бессмысленно.

3

В этом большая трудность, как наши положения сделать удачными для истины. И говоря о началах: нужно ли за элементы как начала брать роды или заявленные в каждой вещи первичности?

Скажем, элементами как началами голоса будут перевозуки, из которых складывается голос, а вовсе не голос вообще. Также элементами диаграмм мы называем доказательства, проявляющиеся в доказательстве всего остального: всего или большей части.

Еще, признают ли философы один элемент или несколько, они называют началами те элементы, из которых складываются и состоят вещи. Скажем, Эмпедокл называет элементами огонь, воду и всё, что ими объято. Они и проявляются в вещах, которые из них состоят, но они никак не роды.

Так же и у других вещей если кто захочет вычленивать их природу, скажем, кровати: то узнав, из каких частей и как она состоит, узнает ее природу. 9986

Исходя из этих формул, не могут быть роды существований началами. Но так как каждую вещь мы знаем по определению, а начала этих определений — роды, то получается, что роды — тоже начала определяемых вещей.

И если получить знание о существованиях — это получить знание о видах, по которым и именуются существующие вещи, то начала видов — роды. Ясно, и что философы, называющие элементами всех существований единое, сущее или большое и малое, ссылаются на них как на роды.

Но нельзя и то и другое одновременно называть началами. Формула существования одна, а определение по родам — одно, а определение, называющее входящее в это бытие составные части — другое.

К этому же: допустим, роды лучше всего могут быть началами. Но тогда объявим ли началами первые из родов или последние, доходящие до особей? Сможем ли мы решить?

Если всеобщие вещи — более всего начала, то понятно, что это будут высшие из родов, которые говорят-

ся обо всех вещах. Поэтому столько будет начал существующих вещей, сколько первых родов. Тогда сущее и единое будут началами и при этом сущностями, потому что они говорятся всегда обо всём существующем.

Но не может быть родом существующих вещей ни единое, ни сущее. Ведь в каждом роде должны быть различия, и каждый вид чем-то отличается. Когда мы называем отличия вида, мы в них не включаем сам род и другие виды. Поэтому если единое или сущее — род, то ни одно отличие не будет ни существовать, ни быть единым (единственным). Но если роды — начала, то раз они не роды, то и не начала.

Ещё, всё промежуточное, взятое со всеми отличиями, будет тогда родами вплоть до самых особей. Но что-то из этого мы можем счесть родами, а что-то — нет.

Кроме того, эти различия тогда стали бы еще больше началами, чем сами роды. Но если они тоже роды, то смеем сказать, родов будет до бесконечности, особенно если полагать первый род началом всего.

999a А если единое более всего похоже на начало, то единое неделимо. А всё бывает неделимо или по количеству, или по виду. Первее неделимость по виду, а если роды делимы на виды, то тогда последнее по очереди и будет самым единым. «Человек» — не род неких отдельных людей, а вид.

Затем, если в вещах есть раньше и позже, то не может эта последовательность выйти за пределы этих вещей. Скажем, если двойка первое из счетных чисел, то мы не найдем счетного числа, которое не было бы этого числового вида. И любая фигура тоже относится к виду данных фигур.

И если у вещах в последовательности наша задача всегда назвать вид, а не только род, то тем более требуется вид вещам, которые выпадают из родовой последовательности. А особи вообще не ставятся ни в какой

последовательный ряд. Только если в вещах какая-то лучше, какая-то хуже, то которая лучше, та первее. Можно уже тоже назвать вид, и этого достаточно.

Поэтому заявленные особи больше начала, чем роды. Но не просто сказать, как мы поймем эти начала.

Опять же, начало как причина должно быть вне вещей, как их начало, и мочь быть отдельно от них. Но как можно предположить это начало вне всех отдельных вещей, как не признав его всеобщим и относящимся ко всем вещам? Тогда надо полагать началами самое всеобщее; и ими тогда будут первые роды.

4

Перед нами опять очень непростое затруднение, которое прямо сейчас рассмотрим. Сейчас всё сформулируем как надо. Если нет ничего кроме отдельных вещей, а отдельных вещей бесконечное множество, то как допустить получить знание о бесконечных множествах? Мы узнаем все вещи по тому, что в них есть что-то единое, всегда тождественное, и что в них заявлено что-то всеобщее.

Но если иначе быть не может, что должно что-то быть кроме отдельных вещей, получается, что кроме отдельных вещей будут роды, или после всех вещей, или до всех вещей. Но такие роды только что оказались невозможны.

Далее, если есть что-то кроме всецелого, когда мы объявляем что-то о материи, то каким оно будет? Оно будет вне всех вещей, или вне только некоторых вещей, или вообще не вне вещей?

Если нет ничего кроме отдельных вещей, то нет ничего умственного, всё чувственное; нет ни одной науки, разве что чувство назовём наукой.

Ещё, не будет ничего вечного и неподвижного. Ведь всё чувственное распадается и находится в движении.

Но если нет ничего вечного, ничто не может возникнуть. Ведь если что-то сделалось, то сделалось из чего-то. И так мы дойдём до нерукотворного предела вещей: придется остановиться, а из небытия ничего не возникнет.

Еще, где возникновение, там непременно движение и предел. Не бывает беспредельного движения, но у всякого движения предел. Возникает то, что может двигаться к возникновению, и если что возникло, оно уже на это подвиглось.

Еще, если бытие материи в ее «не сделанности», то тем более логично, чтобы сущность существовала, потому что именно сущностью делается материя. Если не будет сущности, не будет материи, ничего не будет. Но так как не может ничего не быть, должно быть что-то кроме всего целиком — облик как «идея».

Но это положение вызывает затруднение, на какие вещи оно распространяется, а на какие нет. Понятно, что не на все: никто не будет полагать некий дом кроме домов, которые можно привести в пример. Кроме того, неужели будет одна сущность у всех, скажем, людей. Это никуда! Если сущность одна, то всё это одно. Тогда много разных сущностей? Но это тоже нелогично: как тогда материя становится отдельными вещами, и как тогда материя и облик образуют целое?

О началах еще у кого-нибудь такое недоумение. Если единство только по виду, то оно — не по числу. Тогда даже единство как таковое и сущее как таковое не будет одним. Но как можно познать что-то, если не найти единства для всех этих вещей?

Но если всякое начало едино по числу, одно, то это не как у чувственных вещей, где для разных вещей разный набор начал. Скажем, если слоги одного вида, то начала вида одни, но количественные начала проявляются в разном числе слогов разные. Но если не как у чувственных вещей, а каждое начало существо-

ваний в единственном числе, то тогда нет ничего кроме элементов. Ведь какая разница, единственное число или отдельная вещь: когда мы называем отдельную вещь, мы тем самым уже употребляем единственное число, а о множестве вещей говорим обобщенно.

Получается, как если элементы звука — ограниченного числа. Тогда букв по числу этих элементов, а не две или более для одного звука. 1000a

Не меньшее затруднение, которое упускают из виду и древние и новые философы: те же самые начала у смертных и у бессмертных вещей или разные? Если те же, то почему одни распадаются, а другие нет, по какой причине?

Окружение Гесиода, все эти богословы, думали только о правдоподобии для самих себя, а о нас в последнюю очередь. Они придумали, что боги — начала, и что от богов всё произошло: а смертными сделались те, кто не вкусил нектара и амбросии [кто небесный мед-пиво не пил]. Все эти названия они называли как знакомые им, хотя такое предложение причин не по нам.

Ведь если вкушают в свою отраду, то нектар и амбросия не причины самого их бытия. А если причина бытия, то как будут бессмертными нуждающиеся в питании?

Но этих мифических софистов подробно рассматривать не стоит. А кто приводит доказательства, у тех надо добиться вопросами, почему, будучи из одного и того же, одни существующие вещи вечны от природы, а другие подвержены распаду. Так как они не называют причину, да и неразумно у них все получается, понятно, что не одни и те же начала как причины.

Даже Эмпедокл, который меньше всего противоречит сам себе, страдает тем же: он полагает некоторое начало распада — вражду, но кажется, что оно не

меньше может и всё производить, кроме Единого. Ведь все у него вышло из вражды, кроме Бога. Он говорит:

Всё что было из них, что есть и будет за ними,
Все возникают деревья и мужи и жены из них же,
Звери и птицы и рыбы, растущие в водах бескрайних,
И долговечные боги...

10006 Но и без этого понятно: если бы вражда осталась в вещах, всё бы стало одним, как Эмпедокл и говорит, что когда элементы сошлись, «вражда ушла в самые крайние края» [вражда ушла в туманную даль].

Поэтому у него получается, что блаженнейший Бог наименее разумен: раз в нем нет вражды, он ничего не знает, потому что подобное познается подобным:

Землю мы видим земель, и воду водою мы видим,
Видим эфир Божьим эфиром, пожирающим пламенем
пламя,

И любовью любовь, вражду суровой враждою.

[Земля застыла как земля, и воды круг сомкнули плавно, эфир, богам благоволя, себя лишь видит своенравно. А пламя яростно кипит, себя, пылая, истребляет, любовь любви имеет вид, вражда враждебность не скрывает.]

Если это сформулировать, то понятно, как у него получается вражда не более причиной гибели, чем возникновения. Но и дружба у него причина не только бытия: если она сводит всё в одно, то она уничтожает остальное. При этом Эмпедокл не называет никакой причину такого превращения, кроме того, что так бывает:

Но как части все напитались враждою великой,
То с исполненьем времен вражда почет получила,
И любовь и вражда скрепились взаимною клятвой.

[Бывает, гнусная вражда все члены ядом напитала, и наступает миг, когда вражда почтенной силой ста-

ла, пускай любовь ее клянет, и пусть вражда не утихает, обоих сил немой полет страшной клятвой их скрепляет.]

Итак, перемены неизбежны, но причину этой неизбежности он никак не показывает. Но он единственный, кто хоть насколько-то говорит непротиворечиво. Ведь он не говорит, что одни вещи смертны, другие бессмертны, но все кроме элементов смертны. А у нас недоумение, как это одни вещи смертны, другие бессмертны, если они из одних и тех же начал.

Итак, что начала у тех и других не одни и те же, мы много сказали. А если начала разные, тогда одно затруднение: они будут бессмертными или смертными? Если смертными, понятно, что они тоже должны из чего-то состоять, потому что то, что погибает, распадается на то, из чего состоит. Тогда получается, что этим началам предшествуют еще начала, что невозможно независимо от того, имеет ли такой ряд предел или уходит в бесконечность.

И еще: как смогут быть сами смертные вещи, если погибнут их начала?

А если начала бессмертны, то как из одних и тех же бессмертных начал получаются и смертные, и бессмертные вещи? Это нелогично: либо невозможно, либо нуждается во множестве дополнительных оговорок.

К тому же, никто и не взялся дать другие начала, но все называют одни и те же начала для всех вещей. А первый наш тупик они не замечают, будто это мелочь. 1001a

Труднее всего исследовать и при этом для знания правды нужнее всего, есть ли сущее и единое — сущности существующих вещей. И они одно и то же, или сущее — одно, а единое — другое. Да и надо найти, что такое сущее и единое: раз за ними стоит другая природа.

Разные философы по-разному думают о положении такой природы. Платон и пифагорейцы думают, что

единое той же природы, что сущее: сущности присуще быть единой, а единство едино как сущее.

А философы, сочинявшие «О природе», как Эмпедокл, возводят бытие единства к чему-то более знакомому. Кажется, это «дружба» Эмпедокла. Ведь дружба у него — причина единства для всех вещей.

Другие кто огонь, кто воздух называют таким единством, и само сущее, из которого существующие вещи возникли и продолжают быть. Так же и те, кто полагают более одного элемента: им приходится говорить, что столько сущих и единств, сколько начал.

Получается также, что если кто не полагает единое и сущее некоторой сущностью, не полагает этим ничто другое всеобщее. Ведь единое и сущее — наиболее всеобщее. И если нет единого как такового и сущего как такового, то есть ли прок существовать и другому, кроме так называемых частных вещей.

Еще, если единое — не сущность, то понятно, не будет и числа как особой природы среди вещей. Ведь число — это единицы, а единица всё же едина.

И если есть само сущее и единое, то неизбежно их сущностью будут единое и сущее. Ведь когда мы о них говорим, мы говорим именно о том, какое это всё единое и какое это всё сущее.

Но если есть сущее как таковое и единое как таковое, тогда большое затруднение: как возможно что-то другое. Скажем, как существует вещей тогда больше чем одна. Ведь если нет ничего другого кроме сущего, тогда неизбежно будет правым слово Парменида, что все вообще сущие вещи — одно, и что это одно и есть само сущее.

10016 С обеих сторон трудность: и если единое — не сущность, и если единое существует как таковое, и тогда число не может быть сущностью. Если не сущность, выше сказано, почему затруднение, а если единое существует как таковое, то тот же тупик, что и для сущего.

Из чего кроме единого может возникнуть другое единое? Непременно, это должно быть «не единое». Но все существующие либо в единственном, либо во множественном числе, и при этом любое такое множество тоже состоит из единиц.

Также, если единое как таковое неделимо, то по аксиоме Зенона оно будет ничем. Если от прибавления нечто не становится больше, а от отъятия — меньше, то, говорит Зенон, это не что-то из сущего. Ведь что существует, имеет величину, а величина телесна: тело во всех отношениях существует. Другие вещи, скажем, плоскость и линия, если их прибавлять, в чём-то делают тело больше, а в чём-то нет. А точка и единица ничего не прибавляют. Но так как Зенон теоретизирует насильственно и допускает какую-то неделимость, приходится всякий раз его извинять. Скажем, да, неделимое не прибавляет, но оно умножает. Как можно было бы предполагать, что из одного или более неделимых возникнет величина? Это подобно тому, как говорить, что бытие линии — от бытия точек.

Но если кто и предполагает, что так и бывает, что число возникает из единства как такового и чего-то другого как не единого, всё равно остается вопрос, почему и как из них порой возникает число, а порой — величина, если не единое — это неравенство, т.е. всегда одной и той же природы. Непонятно пока, как величины возникают то из единства и неравенства, то из некоторого числа и неравенства.

5

Здесь продолжается недоумение: будут ли числа, тела, плоскости и точки некоторыми сущностями или нет. Если нет, то мы не видим уже, что такое существование и каковы сущности существующего. Ведь стра-

сти, движения, отношения, расположения и пропорции, думается, не означают никакой сущности. Они могут быть сказаны о каком угодно подлежащем. Ни одно из этого не есть «что-то».

1002a А если то, что более всего, думается, обозначает сущность: воду, землю, огонь, воздух, из чего состоят составные тела, то потепления, похолодания и подобные страсти — не сущности. Но только тело, этим страдающее, есть что-то существующее, т.е. какая-то сущность.

Но тело менее сущность чем плоскость, а она — чем линия, а линия — чем единица, чем точка: ими определяется тело. Мы можем допустить точки без тела, но не можем допустить тела без точек.

Поэтому если многие первые философы считали сущностью и существующим тело, а всё прочее — его страстями, и поэтому начала тел — началами всего существующего, то позднейшие философы, более мудрые, сочли таковыми числа. Итак, как мы сказали, если это последнее не сущность, то вообще нет никакой сущности и ничего сущего: ведь признаки не могут удостоиться такого названия.

Но если мы признаем, что длины тел и точки более сущности, чем сами тела, а при этом не видим, какого качества телам они принадлежат (в чувственных телах их, как вневчувственных, быть не может), то тогда нет никакой сущности.

Еще, все они — деления тела по ширине, глубине или длине. К тому же в объемном теле любая фигура присутствует подобно любой другой. И если нет в камне Гермеса, то нет и половины куба в кубе как ограниченной, следовательно, нет и плоскости. Если бы была плоскость, то была бы и ограничившая от куба полкуба. Та же самая формула для линии, точки, единицы.

Итак, если тело — сущность, но более тела сущностями будут эти вещи, которые даже не сущности, то

мы не можем схватить, что такое сущее и что сущность существующего.

Вдобавок к сказанному, и с возникновением и гибелью получается бессмыслица. Считается, что если сущность, не бывшая прежде, теперь есть, или бывшая прежде, позже нет, то она претерпела это как возникновение и уничтожение. А точки, линии и плоскости не могут возникать и гибнуть, хотя они то есть то нет. Ведь когда сливаются и разделяются тела, при их касании сразу появляется одна точка (линия, плоскость) соприкосновения, а при разделении — две. После соединения она исчезает, а после разделения возникают прежде не бывшие: ведь точку невозможно разделить на две точки.

10026

А если возникают и уничтожаются, то из чего-то. Близкое происходит с «сейчас» во времени. Невозможно создать или уничтожить «сейчас», но при этом оно всегда кажется уже другим, потому что это не сущность. Подобно обстоит, понятно, с точками, линиями, плоскостями. Та же формула: все они подобные пределы или разделы.

6

Кто-нибудь спросит в недоумении, зачем нужно искать что-то кроме чувственного и срединного как виды, которые мы полагаем. Разве потому, что математические вещи от здешних отличаются чем-то другим, чем тем, что они многие одного вида. Из-за этого начала их не будут ограничены числом. Так, начала здешних букв не ограничены числом, но только видом; разве что кто потребует только вот этого слога, только этого звука: только тогда они будут ограничены числом.

Подобно и в средних вещах: одного вида вещей может быть какое угодно количество. Так что если не будет кроме чувственных и математических вещей и других, которые некоторые называют «идеями», то

не будет существований в единственном числе, но только единого вида. И начала сущих не будут иметь количества, но только вид.

А если нельзя так, то надо полагать виды («идеи»). Даже без членораздельной правильности кто о них говорит, тот хочет сказать, не может не сказать, что у каждого такого вида своя сущность и нет никаких случайных свойств.

Но если мы полагаем, что виды существуют, и что начала единственного числа, а не единственного вида, то мы уже назвали всё недопустимое, что у нас тогда получается.

1003a Очень близко к этому недоумение, элементы существуют как возможность или другим способом? Если как-то иначе, то будет что-то прежде этих начал, чтобы дать им существовать в возможности? Но не всё, что в возможности, должно непременно быть. Если элементы существуют как возможность, то ничего невозможного в том, чтобы ничего никогда не сделалось бытием. Возникает то, чего прежде нет, и только то, чего не может быть, того не будет.

Таковы ставящие в тупик затруднения о началах: они всеобщие или что называется частные? Если всеобщие, то не могут быть сущностями. Ведь ничто из общих понятий не обозначает данную вещь, но только данное качество, а существование — это некоторая вещь. А если полагать общезначимое чем-то единым данным, то тогда Сократ будет многими живыми существами: и самим собой, и человеком, и живым существом, раз все это означает какую-то частную единую данность.

Если начала всеобщие, то так получается. А если не всеобщие, но частные, то не будет о них науки. Наука всегда о всеобщем. Таким началам должны предшествовать другие начала, общезначимые, если мы хотим, чтобы о началах была наука.

КНИГА Г (4)

НАУЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ФИЛОСОФИИ

1

Есть наука, которая обозревает существующее в его существовании и всё самостоятельно в нём проявляющееся. Такая наука — ни одна из зовущихся так частных наук. Ведь ни одна из других наук не обозревает всеобщее существование существующего; но такие науки, отрезав какую-то часть, в ней осматривают свойства: скажем, точные науки.

А так как мы ищем начала и предельные причины, то очевидно, что они необходимо будут началами и причинами какой-то природы как она есть. Если те, кто ищут элементы существований, ищут как раз эти начала, то непременно это будут элементы бытия не в его свойствах, но как оно есть. Поэтому возьмем первые причины существования как оно сбылось.

2

«Сущее» говорится во многих смыслах, но всегда по отношению к одной-единственной природе, и не омонимично, но как «здоровое» для здоровья может значить «сохраняющее здоровье», а может «показывающее здоровье», как некое указание, и медицинское по отношению к медицине: медицинским может быть и ремесло, и способность к нему, и осуществление его на деле. Так же и всё другое, что мы берем и так называем: всё это говорится во многих смыслах, но всегда по отношению к одному началу.

Сущим называется и сущность, и страсть сущности, и путь к сущности или уничтожение и лишенность ее, или качества, или изобретение ее, или порождение, или вообще что-то сказанное применительно к сущности, или даже чего-то из этого или ее самой отрицание, — потому что мы же говорим, когда чего-то нет, что это «не существует».

И как для всего здорового одна наука, подобно и о прочих областях. И как каждая наука рассматривает не просто частности, но частности в одном природном ряду, то всё в каждой науке хоть как-то относится к чему-то одному. Тогда понятно, что и сущие вещи научно рассматриваются именно как сущие. А любая наука главным образом о первичном, из которого уже всё выходит, и которое и дает названия вещам. Поэтому в науке о сущности философ должен изучать начала как причины сущностей.

Для всякого рода бытия одно чувство и одна наука. Скажем, грамматика — одна наука, созерцает все звуки. Так что все виды сущего как сущего созерцает одна наука как родовая наука, а виды этой науки — виды по отдельности.

Сущее и единое тождественны, следовательно, они одной природы, как начало в смысле причины. Но разные формулы показывают то и другое. Разницы эти формулы не создают, но так удобнее работать.

Ведь одно и то же «один человек» и «человек», «существующий человек» и «человек». И никакого другого значения не указывает в ходе разговора повторение «один человек», «один существующий человек». Понятно, что это (одно и сущее) неотделимо ни при возникновении, ни при уничтожении. Подобно и единое. Видно, что прибавления будут означать то же, что было, и не будет единое чем-то другим, чем сущее.

Еще, сущность каждого едина не как признак, но также и по существу. Так что сколько видов единого, столько видов существующего. Одна и та же родовая наука созерцает, что это, а именно: что такое тождество, подобие и разные прочие вещи. Почти все противоположности можно возвести к такому одному началу.

Но это мы всё обзрели, когда перебирали противоположности. 1004a

Столько разделов философии, сколько существований в собственном смысле; поэтому должно быть какое-то первое и последующие существование. В сущем и едином сразу же заявляются роды, а за каждым из родов следует своя наука. Так что философ звучит как математик: в математике тоже разделы, есть первая и вторая наука и так далее в математических науках.

Но любая наука созерцает противоположности, а одному противоположно многое. И отрицание и отсутствие рассматриваются той же наукой, потому что всегда то же самое созерцается: именно единое, даже если отрицается или отсутствует. Проще, мы тогда говорим, что данное не заявлено, или не заявлено в данном роде. Никакое отрицание никаких отличий не устанавливает, кроме «нет» вместо «да». Если что-то отрицается, этого просто нет; а если что-то отсутствует, то за этим стоит природа, об отсутствии которой мы говорим.

Единому противопоставлено многое. Тогда задача нашей науки — изучать и противоположное единому и сущему: «другое», неподобное, неравное, всё, что называется исходя из них во множественном или единственном числе.

Сюда же относится противоположность. Ведь противоположность — некоторое различие, а различие — это бытие другим. И как единое называют в разных смыслах, то и эти вещи будут называться в разных смыслах; но одна наука всё это будет познавать. Раз-

ные науки нужны не когда разные значения, но когда формулы не могут следовать друг за другом и применены к одному и тому же.

А так как все значения отсылают к первому, скажем, всё, что называется «единым» — к первому единому, — то так же нужно сказать и о тождестве и различии и обо всех наличных противоположностях. Так что разобрав, в каких смыслах мы что говорим, нужно воспроизвести каждое название и как относящее к первому в каждом разряде. Что это: обладание первым, создание первого или что-то еще такого качества в таком-то смысле?

Итак, понятно, как мы и говорили о недоумениях, что одна наука формулирует всё это, именно, формулирует как существование. Это было, когда говорили о недоумениях. И философ — тот, кто способен всё это обозревать.

10046 А кто кроме философа сможет рассмотреть, то же самое или нет «Сократ» и «сидящий Сократ», и противоположно ли только одно одному, или что такое противоположность и в скольких смыслах говорится? Подобно и о других таковых вопросах.

Так как всё это сами по себе страсти единого как единого и сущего как сущего, а не как чисел, линий или огня, то понятно, что эта наука узнает и что такое все эти вещи, и какие у них признаки.

И не в том промах нацеливавшихся на эти вещи, что они не знали философии, но в том, что сущность первее всего, а они к ней даже не подступили. Ведь число имеет страсти именно как число: быть делимым и неделимым, симметричным и равным, большим и меньшим; причем это в числах сказывается и в самих по себе, и в их отношении к другим. Подобно и у объема есть собственные свойства: быть неподвижным и подвижным, без тяжести и с тяжестью... Так и у сущего как сущего должны быть собственные свойства, и философ должен посмотреть и узнать правду о них.

Знак этого, как диалектики и софисты принимают обличье философов. Ведь софистика — только кажущаяся мудрость. Диалектики ведут разговоры обо всем, а ведь для всего общее — сущее. Они ведут разговоры об этом, и понятно, что потому что это своё родное для философии.

Один и тот же род обсуждают софистика с диалектикой и философия. Но философия отличается от диалектики подходом к возможному, а от софистики — биографическим выбором. Диалектика на опыте узнает то, что философия и так знает; а софистика — кажущаяся наука, по сути не существующая.

В паре противоположностей вторая — отсутствие. Все противоположности возводятся к существованию и не существованию, и к одному и многому. Остановка — одно, движение — многое.

Почти все философы думали, что существующие вещи и само существование сложены из противоположного. И все философы называли началами противоположности: одни — остаток и без остатка, другие — тепло и холод, иные — предел и беспредельность, иные — дружбу и вражду.

Кажется, что и все прочие противоположности возводятся к противоположности одного и многого. Мы уже брали это возведение.

А для начал, названные философами, одно и многое вообще роды. Из этого понятно, что одна наука созерцает сущее как сущее. Ведь всё — это либо противоположности, либо от противоположностей, а начала противоположностей — одно и многое. Одна наука для них; все равно, называются ли они при этом в одном смысле или не в одном — последнее, вероятно, правильно.

Ведь даже если «одно» имеет много значений, они все относятся к первому значению; и подобно — с противоположностью «одного». Поэтому даже если суще-

ствующее или единое не всеобщее, не одно и то же для всех вещей, или не отдельное от вещей (чего, конечно, нет), но единство только в отношении всего к одному или в следовании всего после одного, то и тогда не геометру созерцать, что такое «противоположное», «совершенное», «единое», «существующее», или «тождественное», или «различное», — разве что гипотетически.

Итак, понятно, что одна наука обозревает существующее как существующее и всё заявленное в нем как существующее. Такая наука созерцает не только сами существования, но и заявленное в них: всё, что мы только что назвали, и еще «перед» и «после», «род» и «вид», «целое» и «часть» и т.п.

3

Теперь надо сказать, одна или разная науки занимаются математическими аксиомами и сущностью. Понятно, что одна, наука философа, об этом всем думает. Ведь эти аксиомы проявляются во всё существующем, а не в каком-то одном роде, несвойственные другим родам.

И пользуются аксиомами все, потому что они о сущем как сущем, а каждый род — сущий. Настолько пользуются, насколько требуется: насколько длится род, о котором приводят доказательства.

Раз понятно, что аксиомы заявлены во всем существующем как таковом, как общее достояние, то кто познает существующее как существующее, тот рассматривает аксиомы.

Поэтому никто из обозревающих частности, не берется ничего говорить об аксиомах, правдивы они или нет: ни геометр, ни арифметик. Разве что некоторые физики, действуя вполне ожидаемо. Ведь они думали, что только они могут целиком увидеть природу и всё существующее.

Но наш человек выше физиков: природа — только один из родов существующего. Созерцая всеобщее и первосущее, мы размышляем и об аксиомах.

Физика — тоже мудрость, но не первая. А когда некоторые из говорящих об истине пытаются выяснить, как именно следует понимать аксиомы, они показывают свое невежество в анализе. Нужно заранее выучить аксиомы, а не услышав вдруг о них, вести расспросы. 10056

Понятно, что именно философ созерцает всякую сущность как она бывает, и рассматривает начала силлогизмов. Но кто лучше всего знает каждый род бытия, тот и должен уметь назвать самые несомненные начала происходящего. Значит, кто знает сущее как сущее, как самые несомненные начала всего, такой человек — философ.

Самое несомненное из всех начал — о котором мы не солжем. Это то, что самое знакомое (потому что ошибки всегда там, где чего-то не знают) и что не требует гипотез.

Если что-то осознается как необходимое, то оно уже не гипотеза. А что нужно знать познающему, то уже должно заранее быть. Так что понятно, что таковое начало несомненнее всех начал. Теперь скажем, что это за начало.

«Не может одно одновременно быть и не быть в одном и том же смысле» (здесь можно еще добавить уточнения, чтобы предупредить формульные трудности) — это самое несомненное из начал. Оно таково по названному определению.

Невозможно предполагать, чтобы одно и то же было и не было, как некоторые думают говорил Гераклит. Нет необходимости, чтобы если что-то можно сказать, это предполагать и в бытии. Если не допускается, чтобы противоположности проявлялись одновременно (эту привычную предпосылку потом уточним), и если

несовместимые мнения — противоречие, то невозможно гадать, чтобы одно и то же и было и не было одновременно. Иначе тот, кто так лжет, имел бы одновременно несовместимые мнения. Поэтому все, кто доказывают что-то, могут возвести доказательство к этому мнению как самому крайнему. От природы даже оно начало всех прочих аксиом.

4

1006a Но есть некоторые, как мы говорили, которые допускают одновременное бытие и небытие и делают такое предположение. Такая формула встречается и у многих сочинявших «О природе». А мы принимаем, что не может существование одновременно быть и не быть, доказывая это тем, что это самое несомненное из всех начал.

Но некоторые невежды требуют доказать и эту несомненность: невежество в том, что не знают, для чего требуются доказательства, а для чего нет. Невозможно доказывать вообще всё, потому что тогда мы уйдем в бесконечность, и никакого доказательства не будет. Но раз не всё нужно доказывать, могут ли они назвать какое-то более достойное начало рассуждений, чем это?

Можно доказывать, нападая, разоблачая невозможность, но если только спорщику есть что нам сказать. А если ему нечего сказать, то смешно отыскивать формулу против того, кому сказать нечего просто потому, что нет у него чего сказать. Такой человек именно как таковой человек подобен растению.

А доказывать, нападая, это отличается от просто доказывать. Когда мы доказываем, мы прибегаем к начальному, но если причина нашего доказательства — спорщик, то это уже не доказательство, а нападение. Ведь тогда начало доказательства не в том, чтобы до-

биться назвать данное существующим или не существующим, потому что это хотя бы какой-то поиск начала, но в том, чтобы это хоть что-то значило для спорящего и для другого спорящего.

Это неизбежно, когда спорщик что-то говорит, а если не говорит, то никаких формулировок у него и не будет. Если из этого исходить, то доказательство будет в том, что у нас уже есть что-то определенное. Но получается, что причина на стороне не доказывающего, а выдерживающего нападение: опровергая слово, он берет на себя слово. И согласившись с этим, он согласился и с тем, что есть правда, не требующая доказательств. Не может что-либо быть и не быть наличным.

Прежде всего понятно, что хотя бы то правда, что имя «бытие» имеет какой-то смысл, как и имя «небытие». Поэтому не может нечто быть и не быть наличным.

Еще, слово «человек» значит что-то одно. Допустим, «двуногое живое существо». Что такое «означать одно»? Если «человек — это то-то», то для всякого бытия человеком это «то-то» будет одинаково значимо. Нет различия, если кто скажет, что слово многозначно: лишь бы это были определенные значения.

Только тогда для каждой формулировки нужно другое имя. Скажем, если бы слово «человек» значило не одно, а много, и только один из смыслов «двуногое живое существо», но было бы много, хотя и ограниченное число, других смыслов, то тогда бы мы учредили собственное имя для каждого смысла. 10066

А если нет, не учредить, но сказали бы, что значений до бесконечности, тогда не сформулируешь ни одного слова. Значить не одно — ничего не значить. А если имена лишены значений, то невозможно друг с другом вести разговор, а по правде и с самим собой. Невозможно мыслить, не мысля сначала что-то одно;

а если можно мыслить, то можно уже для этого одного установить имя.

Итак, как мы и говорили в начале, имя что-то значит и значит что-то одно. Тогда «бытие человеком» не может означать то же самое, что «небытие человеком», если слово «человек» имеет не просто одно значение, но и означает одну вещь. Не то же самое «иметь одно значение» и «означать одно»; иначе обозначающие одно «человек», «белый человек», «музыкальный человек» имели бы одно значение. Тогда всё было бы одним, всё было бы синонимами.

И не может быть и не быть одно и то же, разве при омонимии, когда то, что мы называем человеком, другие называли бы не человеком. Но не в том наше недоумение, допускается ли, чтобы одно и то же именовалось и человеком и не человеком, но допускается ли такой факт.

Если бы «человек» и «не человек» означали бы одно и то же, то тогда быть человеком и не быть человеком было бы одно и то же, и человек был бы и не человеком: это было бы одно. Именно это значит быть одним: одна формула «накидка» и «плащ», и это одно и то же. Если бы было одним, то и значило бы «человек» и «не человек» одно. Но доказано, что значат не одно.

Поэтому неизбежно, если правильно говорить, что такое человек, то это двуногое живое существо. Именно это означает слово «человек». Тогда неизбежно, что человек не может не быть двуногим живым существом. Неизбежно и значит, что по-другому быть не может. Итак, не может быть правдой об одном и том же, что это и бытие человеком, и бытие не человеком.

Та же самая формулировка и о небытии человеком:
1007а бытие человеком и небытие человеком значит не одно.
Хотя быть человеком и быть белым тоже не одно и то

же, но здесь такое различие, которое уже противопоставление.

Но если кто скажет, что быть белым — то же самое, что быть человеком, мы скажем то же самое, что говорили до этого: тогда всё будет одним, а не только противоположности. Но раз такое недопустимо, то и получается что мы уже сказали, если надо отвечать на вопрос.

А если в ответе на вопрос просто добавить отрицания, то это не будет ответом на вопрос.

Конечно, ничего не мешает, чтобы одно и то же было и человеком, и белым, и еще десятки тысяч вещей. Но если спрашивают, правильно ли, что это человек, или не правильно, нужно отвечать только одним значением, не прибавляя, что бывает белый человек, бывает высокий человек... Невозможно обойти все признаки, потому что их бесконечно много: или все перечисляй, или ни одного.

Подобно даже если десятки тысяч раз одно и то же будет и человеком и не человеком, не нужно в ответ на вопрос, человек ли это, прибавлять что и не-человек. Тогда придется перечислить и все другие свойства, которые бывают и человеком, и не человеком; а если этого не сделать, то не о чем тут рассуждать.

Те, кто так говорит, целиком отрицают и сущность, и подлинную суть. У них неизбежно получаются одни признаки вместо вещей и небытие бытия человеком или бытия животным.

Ведь если что-то и есть бытие человеком, оно не будет не бытием человеком или бытием не человеком: потому что и то, и другое — отрицание первого. Значение одно, обозначающее сущность этого бытия.

А обозначать сущность — не что иное, как что «быть этим, а не чем-либо другим». А если бы бытие человеком было бы и не бытием человеком или бытием не человеком, то оно было бы и «чем-либо другим».

Так что придется им признать, что ни для чего нет формулы, но всё случайные признаки. Ведь чем сущность отличается от признака? Белое сопутствует как признак белому человеку, но не потому он — это белое. Если бы обо всем говорилось как о признаках, то не было бы ничего первого, с которого начинаем: ведь признак самостоятельной вещи просто относит ее к какому-то разряду.

10076 Так мы уйдем в бесконечность, — но это невозможно, потому что вписать друг в друга мы можем только два признака. Признак не может быть признаком признака, разве что они вместе наложились на одну и ту же вещь: скажем «белый и музыкальный человек» будет то же, что «белый человек музыкальный», раз оба признаны за одним человеком.

Но «Сократ образованный» не может стать двумя признаками для чего-то другого. Значит, можно говорить о признаках и как наложившихся, и как принадлежащих вещи по отдельности. Поэтому если мы говорим «Сократ белый», мы не можем до бесконечности добавлять признаки, скажем, чтобы нечто было признаком именно белого Сократа, а не Сократа, и т.д. Нельзя добиваться так единства признаков Сократа.

Но для «белого» не будет никакого признака, скажем, «музыкальности». Ведь не больше второе признак первого, чем первое признак второго. Также мы уже разграничили отдельные и наложившиеся признаки. Не может быть привходящее для привходящего, если только это не наложившиеся признаки. Значит, нельзя говорить о чем угодно как о привходящем. Что-то по смыслу означает сущность. Итак, доказано, что невозможно давать вещи противоречивые названия.

Затем, если противоречия об одном одновременно истинны, то понятно, что всё — одно. Тогда одно и то же было бы триерой (крейсером), стеной и человеком,

раз обо всём можно давать и утверждения и отрицания. Такое вынуждены будут признать приверженцы формулы Протагора. Ведь тогда мысль, что человек — не триера, будет мыслью, что человек — триера. Так и будет, если в противоречии все правда.

Тогда получается по Анаксагору, «всё что на пользу всё одно», и нигде не скажут правду. Они, похоже, говорят неопределенности; и думая, что называют существующее, говорят о несуществующем. Неопределенно то, что возможно, но не завершилось.

Но им придется во всём выбрать между утверждением и отрицанием. Никуда не годится заявлять отрицание вещи, но не заявлять отрицание уже этого отрицания. Скажем, если правильно было бы говорить о человеке, что он не человек, то все же надо выбрать, триера он или не триера. Утверждая, надо и отрицать. А если не за что утверждать, то скорее тогда заявим отрицание, чем не существование. Поэтому если отрицание заявлено, то нужно отрицать и что человек триера, а это будет уже утверждением.

1008a

Вот что выходит для приверженцев этой формулы: им вообще придется обходиться без утверждений и отрицаний. Ведь если правда и что человек и что не человек, понятно, что правда и что не человек и не нечеловек: на два утверждения два отрицание, а если только одно из них будет отрицанием, то тогда другое будет утверждением.

Еще, если это всегда так, то тогда всегда белое будет не белым, а существующее не существующем, и подобным образом и все прочие утверждения и отрицания. Если не всегда так, тогда будут признанные случаи, когда не так.

Но если всегда так, то будут признанные случаи, когда мы отрицаем утверждение и когда мы утверждаем отрицание, или когда мы утверждаем и сразу от-

рицаем, или когда отрицаем, не настаивая на утверждении. Если это так, то есть случаи, когда отрицание твердо, и когда мы в нем убеждены. Но если небытие несомненно и известно, то тем более будет известно противостоящее ему утверждение.

А если подобно что утверждать что отрицать, то получается, что либо правильно разделять, скажем, «белое» не то же, что «не белое», либо нет. Но если неправильно разделять, то тогда мы ничего и не сказали и ничего нет. Но как может то, чего нет, произносить слова и ходить? Да и всё будет одним, как мы уже сказали, будет одним и тем же человек, бог, триера (крейсер) и их отрицания. Ведь если подобно о каждом можно говорить да и нет, то ничто не будет ни от чего отличаться, если бы отличалось, это отличие было бы истинным и собственным.

А если правильно будет разделять, то получается то же самое, к тому же тогда все говорят правду и все лгут, и сам такой человек должен признать, что лжется. Вместе с тем понятно, что мысль для него ни о чем, потому что он ничего и не говорит. Он не говорит ни да ни нет, но и да и нет, или ни да ни нет, потому что иначе уже было бы что-то определенное.

Еще, если ложно отрицание правильного утверждения и истинно отрицание неправильного утверждения, то не может одно и то же правдиво утверждаться и отрицаться.

10086 Разве что скажет, что проверяется начальное положение (условие задачи).

Итак, обманчив ли тот, кто предполагает, что всё или так обстоит или не так обстоит, или правдив ли тот, кто утверждает и то и другое? Если правдив, то тогда невозможно говорить, что природа вещей именно такая. А если нет, то тогда первый прав. Первый предполагает, что именно так обстоит дело с существу-

ющими вещами, и если это правда, то это уже не будет неправдой.

А если все говорят и ложь и правду, то при таком качестве нельзя ничего сказать вслух. Всегда скажешь и то и не то.

А если такой человек ни о чем не догадывается, но только думает-не-думает, то чем он отличается от растений? Особенно это понятно из того, что никто этим не руководствуется, ни другие, ни даже кто говорит такие вещи. Ведь почему он тогда идет в Мегару, а не сидит на месте, думая, что это то же самое что идти? И почему он сразу поутру не кидается в колодец или ущелье, если рядом есть ущелье, но идет осторожно, вовсе не думая, что упасть всё равно добро или не добро?

Итак, понятно, что одно он назначает лучшим, а другое — худшим. Но если так, то тогда пусть он догадается, что человек — не не-человек, а сладкое — не не-сладкое. Он не на равных всего требует и настаивает, когда он ищет попить воды или с кем-то повидаться. Но ему было бы все равно, если бы подобно тождественны были человек и не человек.

Но как мы сказали, не бывает человека, который бы не знал, когда проявлять осторожность. Поэтому, вроде бы, все догадываются, что всё просто: если не во всем, то в различении лучшего и худшего. Даже если это не доказуемо научно, а только мнение, то тем более нужно здесь прилагать усилия для истины, как больной больше думает о здоровье, чем здоровый. Ведь мнение в сравнении с наукой — это не здоровое отношение к истине.

Еще, даже пусть всё обстоит и так и не так, но «больше» и «меньше» заложены в саму природу существующих вещей. Мы не можем подобно назвать и 2 и 3 четными, или уподобить число 4 числу 5 или числу 1000. Если нет подобия, то понятно, что кто из двух меньше

ошибся, тот более прав. Если чем лучше, тем ближе к истине, то тогда должно быть истинное, к которому чем ближе, тем истиннее.

А даже если нет, то уже всегда есть более несомненное и истинное, и мы поэтому свободны от неудержимой формулы, мешающей разумно определить что-либо.

5

Из того же мнения и формула Протагора, и неизбежно она тоже или вполне верна, или вполне неверна. Ведь если все мнимое и явленное истинно, то неизбежно все должно быть вместе истинным и ложным. Люди делают противоположные догадки, и другое мнение считают заблуждением: тогда получается, что одно и то же есть и не есть. Если так, то все мнения истинны; и мыслящие противоположное друг другу одновременно заблуждаются и говорят правду. Поэтому если так обстоят дела в мире, то все говорят правду.

Понятно, что от одного и того же размышления обе формулировки. Но не один и тот же способ дискуссии со всеми: одних надо убеждать, других — принуждать. Если кто держится такого поверья от безысходности, то его невежество легко излечимо, если отвечать не на слово, а на размышление. Но кто говорят только ради слов, тех только разоблачение вылечит, что их слово — одни звуки и одни имена.

Кто недоумевает, к тому пришло мнение от чувственных вещей. Они видели как из одного и того же делается противоположное, и решили, что одновременно заявляются противоречия и противоположности. Но если небытие возникать не может, то значит, прежде бытия вещь заявлялась как бытие-небытие. Так и Анаксагор говорит, что всё со всем смешано, и Демокрит. Демокрит говорит, что пустое и полное

подобно заявлены в любой частице, хотя последнее — существование, а первое — не существование.

К тем, кто исходя из этого делает такие догадки, мы скажем, что в каком-то смысле они правильно знают, а в каком-то смысле ничего не знают. Ведь «существование» имеет два значения, и в одном смысле существование делается из небытия, а в другом — нет. Поэтому одно и то же может одновременно существовать и не существовать, но в разных смыслах.

Так, вещь может стать тем-то, а может стать противоположным. Но завершившаяся вещь — уже нет.

Также мы считаем нужным, чтобы они предположили, что есть и другое существование существующего, в котором не сказывается ни движение, ни разрушение, ни какое-либо становление.

Подобно скажем и об «истинности всех явлений», к чему некоторые пришли тоже исходя из чувственных вещей. Они думают, об истине не большинство судит, и не меньшинство. Одно и то же одним на вкус кажется сладким, другим — горьким. Так что если бы все заболели или сошли с ума и остались бы двое или трое здоровых или в своем уме, то казалось бы, что они болеют и сошли с ума, а остальные нет. 10096

Еще: многим другим живым существам вещи кажутся противоположными, чем нам. И даже каждому человеку одно и то же не всегда то же самое для чувства.

Какое правда, какое ложь — непонятно. Одно не более правда, чем другое; всё подобно. Поэтому Демокрит и говорит, что нет никакой правды, или нам не понять никакой правды.

Всё потому, что они путают соображение с чувством, а чувство отождествляют с переменной. Поэтому всё явленное чувству им приходится назвать истинным. Из этого Эмпедокл и Демокрит и что называется (сказом

сказывается) каждый из прочих философов делаются виновниками таких мнений.

Ведь Эмпедокл и говорит, что меняется наше имя (габитус), меняется и соображение:

Ростом наличного мысль в умы влагается людям.

И в другом месте:

Перерождаясь в другое мышление другое встречали,
Мера ответила мере...

Еще Парменид заявляет тем же способом:

Как дано всякий раз смешенье частей многогибких,
Так в уме дается всем людям, единое сразу
Каждый мыслит в себе, и частна людская природа,
Всех и всегда, но мысль сама в избытке дается.

[И идет частей сплетенье, и в уме едино; хоть частичны впечатленья, мысль необходима.]

Вспоминают высказывание Анаксагора некоторым его товарищам, что таковы будут существующие вещи, какими мы их заранее видим. Говорят, что Гомер явно держался того же мнения, потому что придумал Гектора, который был в исступлении от удара, что он «инакомысля лежал». Но тогда и безумцы мыслят; просто не то же самое, что мы.

Понятно, что если и то и другое мысли, то существующее одновременно дано и так и не так. Отсюда получается самое трудное: если лучше всего увидевшие ожидаемую истину (а именно таковы те, кто больше всего ищет и любит истину) придерживаются таковых мнений и заявляют такое об истине, то как не впасть в отчаяние тем, кто только начал философствовать? Тогда искать истину, что гнаться за парящим.

1010a

Причина их мнения в том, что нацелившись на истину существований, они решили, что существуют только чувственные вещи. Но чувственное по большей

части оказывается неопределенной природы, и существует так, как мы уже сказали. Поэтому они говорят как будто как надо, но неправду. Но больше подходит так говорить, чем как Эпихарм против Ксенофана.

Еще, видя, что вся природа движется, а о превращающемся ничто не будет правдой, невозможно сказать правду о том, что всегда всячески меняется, — из этой предпосылки и расцвело пышным цветом самое крайнее из названных мнений, так называемых гераклитствующих, которого придерживался Кратил, каковой в конце концов пришел к тому, что не нужно говорить, но только выдвигал палец и порицал Гераклита, сказавшего, что дважды в одну и ту же реку не войти. Он думал, что и единожды не войти.

Мы на это слово скажем, что изменяющееся хоть при изменении и дает им некоторый повод думать, что его нет; но и это спорно. Если оно чего-то лишается, то пока лишается, что-то из этого удерживает, и становясь чем-то оно не может уже хоть немного не стать этим. В целом, если что-то распадается, то заявлено оно как существующее, и если что-то делается, то неизбежно есть откуда и с помощью чего делается, — и это не может уходить в бесконечность.

Но кроме этого скажем, что не то же самое меняться количественно или качественно. Пусть количество меняется, но мы узнаем вещь по виду.

Еще заслуживают упрека строящие такие догадки: за то, что зная, что даже среди чувственных вещей с меньшим их числом такое бывает, они заявляют подобное для всего неба-поднебесья. Наше место чувственности [земля] существует в гибелях и рождениях, но оно — ничтожная частица всего мира. Так что справедливее было бы проголосовать за здешние вещи в одном списке с теми, чем исключить из списка те ради здешних.

Ещё понятно, что им мы скажем то, что уже сказано. Что есть некоторая неподвижная природа, это им убедительно докажем.

Кстати, получается, что когда они говорят, что вещи одновременно существуют и не существуют, они называют скорее покой, а не движение. Нет того, во что превращаться: всё заявлено во всё.

10106 А об истине, что не все таково каким кажется, прежде всего скажем, что чувство не обманывается само по себе, просто чувство и воображение — не одно и то же.

Стоит только удивляться, когда философы в тупике, таковы ли величины и цвета, какими они кажутся издали или вблизи, и таковы ли они, какими кажутся здоровым или больным, и тяжесть их которая для немощных или для крепких, и истина их для спящих или бодрствующих. Понятно, что они так не думают: никто, если ему приснится, что он в Афинах, а он в Африке, не отправится на концерт.

Еще, о будущем, как и говорит Платон, не могут по подобию господствовать и мнение врача и мнение невежды, скажем, будет ли человек здоров или нет.

Еще, в самих чувствах не могут по подобию господствовать и восприятие чуждого и восприятие своего, иначе говоря, и соседского и собственного. Цвет воспринимает зрение, а не вкус; сок воспринимает вкус, а не зрение. И ни одно из этих чувство не скажет об одном и том же, что это так и одновременно не так. Разве что в разное время, да и то не о своем претерпевании, а об отдельных признаках претерпевания.

Скажем, вот одно и то же вино может со временем измениться, или тело пьющего может измениться: тогда было сладкое, а теперь не сладкое. Но сама сладость, как она есть, ни в чем не меняется; и мы никогда не ошибемся, что это сладкое, если оно должно быть сладким.

Но все эти формулы отрицают это: если ни одна вещь не существует, то и нет ничего необходимо получающегося. Ведь необходимость не допускает никакого «либо так, либо иначе»: и если что-то необходимо существует, оно не будет одновременно таким и не таким.

В целом, если бы существовало только чувственное, то не было бы одушевленных существований, потому что не было бы чувства. Всё было бы только чувственным; и значит, не было бы ни чувств, ни прочувствованного. А только почувствовав, можно обрести страсть. Без чувства где будет то, что и вызывает чувство?

Чувство не может быть чувством самого себя, но что-то другое должно быть кроме чувства, что первее чувства. Ведь движущее от природы первее движимого, неважно при этом, что от чего было названо. 1011a

6

Также некоторые не могут понять, по убеждению или только на словах, и спрашивают, кто именно судит, кто здрав и в целом может о каждой вещи судить правильно. Но такие недоуменные вопросы подобны недоумению, мы спим ли сейчас или бодрствуем. Все такие недоумения значат лишь одно: кто так сомневается, тот требует для всего формул. Тот ищет начало, хочет получить начало путем доказательства, хотя как видно по его поступкам, его ничего убедить не может.

Мы уже говорили, какова их страсть: они требуют формулы там, где формулы нет. Ведь начало доказательства доказать невозможно.

Они легко бы убедились, потому что понять это нетрудно. Но кто в формуле ищет только принуждения, тот ищет невозможного. Ведь они требуют, чтобы им сказали противоположное, раз они уже говорят противоположное о вещах.

А если не все вещи относительны, но некоторые существуют сами по себе, то не всё кажущееся — истинно. Ведь что кажется, кажется кому-то. Поэтому кто говорит, что все кажущееся правдиво, выдумывает, что всё существующее относительно.

Поэтому нужно остеречь тех, кто требуют в формулах принуждения и при этом настаивают на поддержке их формул, чтобы они знали, что нет «кажущегося», но есть «кажущееся тому, кому кажется»: всё кажется кому-то и как-то.

Если они будут отстаивать свою формулу, но уже не так как раньше, вскоре окажется, что они сами себе противоречили. Ведь допустимо, что что-то казалось медом на вид, а на вкус оказалось не мёдом. И у нас два глаза, и видят они не одинаково, если они не подобны.

Те, кто по давно названным причинам говорит, что кажущееся истинно, всегда уподобляют ложь и правду. Не всем одно и то же кажется тождественным, и даже одному человеку одно не всегда кажется тождественным, но часто противоположное за одно время. Скажем, при прикосновении пальцев осязаний два, а вид один. Но не может быть истинным, чтобы так было для одного чувства, одинаковым образом и одновременно.

10116 Поэтому получается у тех, кто не по недомению, но ради слов говорит, что не бывает никакой правды, но только правда для данного человека. И как прежде указано, тогда они приходят к тому, что совершенно всё делают относительным и подгоняют под мнение и чувство. Дескать, ничего не бывает и не будет, если прежде не иметь об этом мнения. Но если что-то бывает, если что-то будет, понятно, что всё это бывает и будет без всякого мнения.

Еще, если одно относительно, то относительно одного или определенного числа. Если одно — и одно, и по-

ловина, — то понятно, что оно половина относительно двух, но не равно двум.

Поэтому если человек и мнимость одинаково мнения человека, то человек уже не тождествен себе как имеющему мнение, но тождествен этой мнимости. Если каждая вещь будет соотноситься с мнением человека, то человек, имеющий мнение, будет соотнесен с беспредельностью видов.

Что самое достоверное из мнений — что противоречащие друг другу утверждения не могут быть истинными, и что выходит у тех, кто говорит об их истинности, мы об этом сказали много. Если невозможно, чтобы противоречивое об одном было истинно, то понятно, что не допускается, чтобы противоположное заявляло себя в одной и той же вещи.

Из двух противоположностей каждая есть прежде всего отсутствие другой противоположности, причем отсутствие существования другой противоположности. Но отсутствие — это отрицание, исходящее из родовой определенности. Поэтому если невозможно, чтобы одновременно были истинными утверждение и отрицание, то невозможно и чтобы противоположности были заявлены в какого-либо рода вещи; разве что они обе лишь «как-то» наличны, или одна прямо, а другая «как-то».

7

Но также не допускается ничего между противоречащими утверждениями: либо мы это утверждаем, либо это отрицаем. Это понятно, если сперва определить, что такое правда и ложь.

Говорить о существующем, что его нет, или о несуществующем, что оно есть — ложь. Говорить, что существующее есть, а не существующего нет — правда. Поэтому кто говорит «есть», говорит либо правду, либо

ложь. Он не говорит «существующее либо есть либо не есть» или «не существующее...»

Еще, нечто между противоречащими было бы либо как серое между черным и белым, либо как «не человек и не лошадь». Если последнее, то оно бы не превращалось. Превращаться — из неправильного становиться правильным, или из правильного неправильным. Но здесь тогда будет другое превращение: все промежуточное превращается в противоположность, а противоположность в промежуточное.

А если первое «между», то тогда бы белое делалось из «не белого», но такого мы не видим.

1012a Еще всё разумное и умное разум утверждает и отрицает, по определению, истинно это или ложно. Разум утверждает истину связно, говоря что правда, а что ложь, а неправильная связность будет ложью.

Еще тогда промежуточное должно было бы быть во всех противоречиях, если не ради слов мы говорим. И тогда было бы возможно говорить ни правду ни неправду. Тогда будет что-то существующим и не существующим. И тогда будет еще какое-то изменение кроме возникновения и гибели.

Еще не может быть промежуточное в тех вещах, где возникновение или отрицание дает противоположность: так, числа либо с остатком, либо без остатка. Такое там невозможно по определению.

Еще, промежуточные вещи уходили бы в бесконечность, и сущее увеличилось бы не в полтора раза, а больше. Ведь тогда отрицание промежуточного возможно было бы и по отношению к утверждению, и по отношению к отрицанию, и это отрицание было бы уже по сути другим.

Еще, если в ответ на вопрос «Белое ли это», скажут «Нет», то тем самым отрицают бытие этого белым. Отрицание — это небытие вещи.

Некоторым пришло это на ум как и прочие парадоксы: когда они не могут опровергнуть формулы спора, они сдаются и признают силлогизм на словах верным. Одни именно поэтому так говорят, а другие — потому что для всего ищут формулу.

Но начинать надо не с формулы, а с определения. А определение возникает из обозначения необходимого в этом бытии. Определение — формула, где имя и есть обозначение.

Похоже, формула Гераклита, говорящая, что все существует и не существует, делает всё истинным. А формула Анаксагора, что есть бытие между противоречащими вещами, делает всё ложным. Ведь если всё смешать, в смеси уже ничего не будет правильного и неправильного, и правды уже не скажешь.

8

Из этих подразделений понятно, что нельзя обо всех вещах говорить как о чем-то одном, как некоторые о них говорят. Одни говорят, что нет правды, потому что дескать ничто не мешает сказать «диагональ квадрата соизмерима со стороной». Другие — что всё правда.

Таковы собственные формулы Гераклита. Кто говорит, что всё истина и всё ложь, тот и по отдельности тем самым высказывает такие формулы. Так что если 10126 одно невозможно, то и другое невозможно.

Еще, явно есть противоречащие вещи, которые не могут быть одновременно истинными, но они все и не могут быть ложными, — хотя это кажется более приемлемым исходя из сказанного этими философами. Отвечая на все эти формулировки надо, как мы уже говорили в формулах выше, не требуя сказать, существует данное или не существует, но означает это что-то или не означает. Вести разговор надо, начиная

с определения, разобравшись, что означает «ложь» и «истина».

Если истина — утверждение, а ложь — отрицание, то не может все быть ложным. Получается, что в противоречии один из членов истинный.

И если нужно о любой вещи утверждать или отрицать, не может и то и другое быть ложным. Ложным может быть только один из членов противоречия.

Со всеми их формулами происходит самое расхожее: они сами себя опровергают. Кто говорит, что всё истинно, выдумывает как истинную и формулу противоположную этому, и тем собственную формулу делает не истинной. Ведь противоположное говорит о себе «не истинно». А кто — что всё ложно, тоже сам себя опровергает.

А если они сделают исключение, первый для противоположного утверждения что только оно не истинно, а второй для своего утверждения что только оно не ложно, — то получится, что они требуют бесчисленного числа истинных и ложных утверждений. Ведь тогда утверждение, что истинное утверждение истинно, само истинно, и так до бесконечности.

Понятно, что неправду говорят, что все покоится или что всё движется. Если всё покоится, то все вещи всегда и истинные и ложные. Но понятно, что вещи меняются. Кто так говорит, того самого когда-то не было и когда-то не будет.

А если все движется, то нет тоже никакой правды, всё будет ложным; но доказано, что это невозможно. Также неизбежно, что превращающееся существует, потому что превращение всегда происходит из чего-то во что-то.

Поэтому не может быть, чтобы все покоилось или двигалось не всегда, но ничто — всегда. Есть что-то, что вечно движет движущиеся вещи, и этот перводвигатель сам неподвижен.

КНИГА Δ (5)

**ПОНЯТИЯ, КОТОРЫЕ
ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ФИЛОСОФ**

Началом называют то, откуда первое движение вещи. Скажем, у длины и пути отсюда будет вот это начало, а оттуда — другое.

Начало — это откуда лучше всего данное делается. Скажем, обучение иногда нужно начинать не с первого и не с принципа вещи, а откуда легче всего выучить. 1013а

Начало — откуда всё в вещи начинает сбываться: скажем, у судна — киль, у дома — фундамент, у живых существ — одни предполагают, сердце, другие — мозг, третьи — что еще им попадетсЯ.

Начало — откуда то, чего уже не встретишь в самой вещи: откуда обычно начинается движение и изменение. Скажем, ребенок от отца и матери, драка — от оскорбления.

Начало — по чьему предписанию движется движимое и превращается превращаемое. Таковы начальства в городах, династии, царства и тирании.

Началами называются и искусства, особенно архитектурные (управленческие). И то, откуда первой узнается вещь, тоже называется началом для этой вещи, скажем, гипотезы для доказательств. И равно так называются причины: все причины — начала.

Итак, общее для всех начал, что они первые, будь то для возникновения или для познания. При этом одни начала продолжают быть в вещи, а другие оказываются вне ее. Поэтому началом будет и природа,

и элемент, и разум, и предписание, и существование, и цель существования. И для многих вещей начало познания и движения — добро и правда.

2

Причина, в одном понимании, то из чего возникает нечто заявленное. Скажем, медь — причина статуи, серебро — причина бокала, и их роды тоже.

В другом понимании, это вид и образец, и это формула подлинной сути вещи, и их роды тоже. Скажем, причина дипазона это 2:1 и вообще число. Это всё части определения.

Еще: откуда первое начало изменения или остановки. Скажем, советчик — причина. Отец — причина ребенка. Производство — причина производимого. Переменная — причина перемены.

Еще: как цель. Ради чего это. Скажем, здоровье — причина прогулки. Почему он гуляет? — спрашиваем мы. Чтобы быть здоровым. Так мы сказали и думаем, что указали причину.

10136 Также причина — это движение извне на пути к цели. Скажем, причина здоровья — похудание, очищение, лекарства или инструменты. Всё это ради цели, а отличается друг от друга тем, что то — инструменты, то — дела.

Итак, столько смыслов слова «причина» получилось. Но так как часто говорят о «причинах», во множественном числе и в разных смыслах, то и получается, что у одного и того же может быть несколько причин, причем не как признаков. Скажем, причина статуи — производство статуй и медь именно чтобы это была статуя, а не ради чего-то другого. Но причины они не в одном обороте смысла, но одна — материя, другая — источник движения.

Бывают причины друг друга. Скажем, труд — источник здоровья, а здоровье позволяет трудиться. Но смысл опять разный: первое — цель, второе — начало движения.

Ещё, одно и то же дает противоположности. Если оно присутствует — причина данного, если отсутствует — мы иногда видим в этом причину противоположного. Отсутствие капитана — причина кораблекрушения, а было его присутствие — причина спасения. Оба, присутствие и отъятие — причины движущие.

Все названные причины раскладываются на четыре самых понятных смыслообразования. Буквы слогов, материал изготовления, огонь, земля и все такого качества составные тела и части тел и гипотезы для умозаключения — это причины, из которых что-то возникает. Одни — причины самостоятельности вещи, скажем, ее части, а другие — причины ее подлинного бытия, скажем, «целое», «состав», «вид».

А сперма, врач, советчик и вообще любое творящее начало — причина как начало перемены или состояния. А другие причины — цель и благо для всего другого. «То, ради чего» хочет быть самым лучшим и целью всего другого. Не будет различия, говорим ли мы о благе как таковом или ощущаемом благе.

Таковы причины и столько их по виду. А смыслов причин по числу очень много; мало, только если смотреть на главное. Ведь о причинах говорят во многих смыслах, и среди причин одного вида одна бывает раньше, другая позже другой. Скажем, причина здоровья — и врач и технолог (провизор). Причина диапазона — и 2:1 и число. Всегда что-то охватывает частности.

1014a Еще как бы причина призрака и его роды. Скажем, причина статуи «Поликлет» и «изготовитель статуи»: потому что «изготовителя статуй» признак быть Поликлетом.

Причина и то, что логически охватывает признаки. Скажем, причина статуи — человек, или вообще живое существо, потому что Поликлет человек, а человек живое существо.

Среди признаков тоже одно ближе, другое дальше другого. Можно сказать, что белый и музыкальный причина статуи, а не только, что Поликлет или человек.

Кроме деления на причины в собственном смысле и причины по признакам есть и деление на причины возможные и причины действительные. Скажем, причина строительства — строитель или строящий строитель. Подобно сказанному о причинах говорится и о проистекающем из причин: скажем, причина данной статуи, или статуи, или вообще образа. Причина этой меди, меди или вообще материала. И если причины по признакам, то так же.

Еще. И те, и другие причины могут быть в связке. Скажем, не «Поликлет» и «творец статуй», но «творец статуй Поликлет».

Но всех причин числом шесть, причем делятся на пары. Причины бывают единичные и родовые, по признаку или по роду признака, связные или заявленные отдельно. Также всегда причины бывают действительные или возможные.

Различие в том, что действительные причины отдельных вещей существуют только вместе со своей действительностью и со своими вещами. Скажем, этот врач с этим пациентом, этот строитель с этим домом. А возможные причины — не всегда: дом и строитель не вместе гибнут.

Элементом называется то, из чего складывается заявленная вещь, и что по виду не делимо на вещи этого вида. Скажем, элементы звука, из которых звук складывается, и на которые делится конечным делением. Эти элементы уже не разделишь на другие такого же вида, и если и разделишь, то это будет частями, а не вещами этого вида. Воду поделишь на части воды, а части слога — не слоги, а элементы.

Подобно и те, кто говорят об элементах тел, говорят о конечном разделении тел, так что уже эти части не разделятся и не образуют тем самым новый вид. Такие вещи и называют элементами, будь их один или несколько.

Близкое говорят и об элементах диаграмм и вообще элементах доказательств. Первые доказательства, заявляемые в цепочке доказательств и называют элементами доказательств. Таковы первичные силлогизмы, состоящие из трех членов, включая средний [состоящие из большей предпосылки, меньшей предпосылки и вывода].

10146

Переносно элементом называют то, что существуя как одно и малое, используется во многом. Поэтому элементом называют малое, простое, неделимое.

Отсюда и пришло, что элементы — наиболее всеобщее бытие. А так как каждое такое, единое существующее и простое, во многих находится, во всех или большинстве вещей, — поэтому некоторым угодно считать единое и точку началами. А так как так называемые роды всеобщие и неделимые, для них нет формулы, то некоторые называют роды элементами. Скорее роды, чем различия, потому что род — скорее всеобщее. Где

сказывается различие, там появляется род, а где род, там не обязательно различие.

Но общее для всех этих значений: элемент есть первое заявленное в бытии каждой вещи.

4

Природой называется в одном смысле происхождение растущего, как если бы прирост стал «природостом». В другом смысле — из чего впервые растет то, что и заявляется как растущее. Еще, когда первое движение в каждом существе от природы заявлено именно как в существе от природы.

Расти — значит, иметь рост благодаря чему-то другому: соприкасаясь, срастаясь или проращиваясь как эмбрионы. Срастаться не то же, что соприкасаться: последнее не требует ничего кроме касания, а у сросшихся есть что-то тождественное в обеих, из-за чего они и сращиваются, — а не просто соприкасаются, становясь от соприкосновения чем-то единым по длительности и количеству, а не качеству.

Также природой называется и то, из чего есть или возникает что-либо существующее от природы, и что само не упорядочено и неизменяемо собственной силой. Скажем, для статуи и медных сосудов медь называется их природой, а для деревянных — дерево. Подобно и в других вещах, из таких природ состоит каждая вещь, так что первичная материя сохраняется.

Таким способом и элементы от природы существующих вещей называют природой: одни — огонь, другие — землю, третьи — воздух, четвертые — воду, другие — что-то еще такого качества, а другие — некоторые из них, а другие — всех их.

Еще другим способом называют природой сущность существующих от природы вещей. Скажем, те, кто на-

зывают природой первичный синтез, как Эмпедокл говорит, что

1015a

...нет природы у сущих вещей,
Только смешенье вещей и смешения их перемена,
Только люди решили дать этому имя природы.

[Когда смешение вещей лишь перемена ожидает,
земное мнение людей природе этой доверяет.]

Поэтому если вещь от природы есть или делается, и уже заявлено из чего она возникает или есть, мы еще не говорим, что у нее есть природа, пока у нее нет вида и облика.

От природы существуют те, в ком есть материя и вид, как животные и их части. А природа — это и первая материя и вид. Первая материя в двух смыслах — или как первая для этой вещи или как первая вообще. Скажем, для медных изделий первая материя — медь, но вообще вода, если всё что плавится — вода. Вид как сущность — предельная цель возникновения.

А переносно вообще любая сущность называется природой, потому что природа — некоторая сущность.

Из сказанного видно, что первая природа в собственном смысле — сущность тех вещей, которые имеют начало движения в самих себе как они сами есть.

Материя называется природой, как воспринимающая эту сущность. Возникновение и рост называются природой как движения от этой сущности. И начало движения от природы существующих вещей — сама эта природа, заявленная в них в возможности или в завершенности.

5

Необходимым называет то, без чего невозможно жить как без сопричинного. Скажем, дыхание и пища нужны для жизни, без них невозможно быть. Это

то, без чего правильное (благо) не сможет ни быть, ни возникнуть, а зло — быть отвергнутым и уничтоженным. Скажем, необходимо пить лекарство, чтобы не болеть. Необходимо плыть на Эгину, чтобы заработать.

Ещё, насилие и принуждение — это то, что сковывает и мешает вопреки порыву и предпочтению. Насильственное тоже называют необходимым, потому оно так печально. Как говорит Евен: «Всякая необходимость не даст никогда облегченья». Насилие принуждает. Как говорит Софокл: «Но насилие нудит меня это творить». И правильно думается, что неборима необходимость. Ведь она противоположна выбранному движению и рассудительному движению. Про то, чему не допускается быть иначе, мы говорим, что это необходимость. И поэтому необходимым называют и другое: всё хоть как-то необходимо.

10156 Принуждение называют необходимым, когда принуждают творить или страдать, потому что не допускается порыв из-за принуждения. Как бы необходимость сама такова, что не допускает ничего иначе.

Так же и с сопричинами жизни и блага. Когда не допускается жизнь или благо без каких-то условий, то в этих условиях есть необходимость, и такая причина — некоторая необходимость.

Еще, доказательство тоже «необходимое», потому что не может быть иначе, чем как доказано. Причины этого — первые предпосылки силлогизма, из которых не может получиться иначе чем получается.

Так что, у одних вещей причина их необходимости — что-то другое, а у других — нет, но из-за них необходимо существует что-то другое. Необходимое в первичном собственном смысле — простое. Оно не допускает множественности вариантов, никакого «так или сяк»: это уже было бы множеством вариантов.

Итак, если есть что-то вечное и неподвижное, для таких вечных вещей нет ничего насильственного и вопреки природе.

6

Единым называется и единое по свойству, и единое само по себе. По свойству едины «Кориск», «музыкальный» и «музыкальный Кориск». Ведь то же самое сказать «Кориск, музыкальный» и «музыкальный Кориск». Так же «музыкальный», «справедливый», «музыкальный и справедливый Кориск». Все называется единым благодаря признаку, потому что справедливость и музыкальность — привходящие свойства сущности, а музыкальность и Кориск — одно признак другого.

Подобно, при некотором подходе, музыкальный Кориск един с Кориском, потому что одна из частей выражения и так уже свойственна этой формулировке: мы знаем, что Кориску свойственна музыкальность. И музыкальный Кориск един со справедливым Кориском, потому что обе части свойственны одному.

Так же и когда называется родовой признак или признак всеобщего имени. Скажем, человек как таковой един с музыкальным человеком: или потому что музыкальным свойственно быть любому человеку, раз у всех людей одна сущность, или потому что кому-то частному, скажем, Кориску, свойственно и то и другое. Но не одним и тем же способом это то и другое заявляется: одно присуще как роду по существу, другое как имя (габитус) и страсть (претерпевание) сущности.

Всё, что по признаку называется единым, оно имеет только смысл единства признака. А что само по себе называется единым, что-то называется так из-за непрерывности: вязанка связана, деревянная мебель склеена. Линия, сколь бы она ни была кривой, если она не-

1016a

прерывна, то одна. Так же и каждая из частей тела, скажем стопа и предплечье. Из них более едино непрерывное от природы, чем непрерывное от искусства.

Называется непрерывным и то, движение чего одно само по себе и не может быть иначе. Но у того движение едино, когда оно не разделено временем.

Само по себе непрерывно то, что едино не соприкосновением. Если ты положишь доски плотно, чтобы они соприкасались, ты не скажешь, что это единство, или что это дерево, или что это тело или что-то еще непрерывное. Но в общем смысле непрерывным называется и искривленное, а еще больше — то, что без изгибов. Например, колено или бедро непрерывнее ноги, потому что они не сгибаются, тогда как нога по-разному движется.

И прямая линия более едина, чем кривая. А кривую до образования угла мы называем и единой и не единой, так как допускается и одновременное ее движение и не одновременное. А прямая линия всегда одновременна и не имеет частицы, которая бы покоилась, когда линия стала двигаться, — как с кривой линией.

Еще, в другом смысле называется единым подлежащее, в котором нет различий по виду. Нет различий — значит, вид не раскладывается чувственным восприятием. А подлежащее — это первое исходное или завершающее у цели.

Так и вино называется единым, и вода единой (не имеющими множественного числа), так как они неделимы по виду. Любые жидкости называются едиными, скажем, масло, вино, и всё плавящееся, потому что конечное подлежащее у них у всех одно: вода или воздух всё это.

Называется единым и то, что по роду едино, но отличается только противопоставляемыми различиями. Всё это едино, потому что за всеми различиями стоит один род. Скажем, лошадь, человек, собака — нечто

единое: все — живые существа. Близок способ к тому, как материя одна.

Такие вещи иногда называются едиными в этом смысле, иногда по тождеству с более высоким родом: для совершеннейшего рода роды разных уровней — виды. Скажем, равнобедренный и равносторонний треугольник тождественные и едины по облику как треугольники, хотя не тождественные треугольники.

Еще как о едином говорится о вещах, формула которых для обозначения их подлинного бытия неделима в сравнении с другой, обозначающей подлинно происходящее. А сама по себе любая формула делима. Так, растущее и убывающее едино, потому что едина формула. И всех плоскостей едина формула вида.

10166

В целом, наиболее едины те вещи, мысль о подлинном бытии которых неделима и не может разделить их ни по времени, ни по месту, ни по пропорции. А из них наиболее едины сущности.

Вообще, всё, что не несет в себе разделения, именно как не имеющее разделения называется единым. Скажем, если не делится именно как человек, то это один человек. Если не делится как живое существо, то одно живое существо. Если не делится как величина, то одна величина.

Большинство вещей называются едиными, потому что едино что-то другое, что они творят, имеют или претерпевают, или в отношении к чему состоят. Но в первичном смысле могут быть названы едиными те вещи, у которых одна сущность.

А одна сущность — или по непрерывности, или по виду, или по формуле. Мы считаем во множественном числе то, что прерывно, или не одного вида, или не одной формулы.

Еще, бывает что мы единым называем всё, что количественно и непрерывно, а бывает что нет, но толь-

ко целое, то есть имеющее вид. Скажем, мы бы не сказали тогда, что это целое, если бы увидели сваленными ремешки сандалии, разве что если мы их свяжем, но лишь тогда, когда они уже сандалия и имеют единый вид. Поэтому линия круга наиболее едина, потому что целая и совершенная.

Бытие единым в бытии началом числа. Ведь начало — первомера, по которой как по первому мы узнаем вещь: первая мера каждого рода. Значит, единое — начало известного о каждом роде.

Но единое не тождественно во всех родах. Это и диез, это и гласный-согласный. Для тяжести — одно, для движения — другое. Но везде единое или количеством или видом неделимо.

Что по количеству не делимо ни с какой стороны и не положено никуда, называется единицей. А что не делимо ни с какой стороны, но положено — точкой. Делимое единичными делениями — линия, делимое двоякими — плоскость, делимое отовсюду тройками по количеству — тело.

И перевернем: делимое двояко — плоскость, делимое единично — линия, а совершенно не делимое по количеству — точка и единица: единица без положения, точка с положением.

Еще: одни вещи едины по числу, другие — по виду, третьи — по роду, четвертые — по аналогии.

По числу — у которых одна материя.

По виду — у которых одна формула.

По роду — у которых один столбец в таблице рядов.

По аналогии — у которых отношение как другое отношение одного к другому.

Последующие единства всегда следуют за предыдущими: что едино по числу, едино по виду, но что едино по виду, не обязательно едино по числу. Что еди-

но по виду, всегда едино по роду, но что едино по роду, не всегда едино по виду, хотя всегда едино по аналогии. И что едино по аналогии, не всегда едино по роду.

Очевидно также, что «многое» говорится как противоположность «единому». Но одни «многие» потому что прерывны, другие — потому что их материя (первичная или окончательная) делится на виды, третьи — потому что их формулы называют более одного подлинного бытия.

7

Существующим называется и существующий признак, и существование как таковое. Как признак, скажем, мы называем справедливого музыкальным, называем человека музыкальным, называем музыкального человеком. Близко говорим, что музыкальный руководит, потому что случайное свойство руководителя быть музыкальным или музыкальному руководителем. «Быть ему им» означает, что одно — признак другого.

Именно так в названных случаях. Когда мы называем человека музыкальным, музыкального человеком, белого музыкальным, или его бледным, то последние два — оба признака одного и того же. Первое — признак сущего, а называя музыкального человеком, мы отмечаем, что музыкальность — свойство человека. Так же говорят «небытие белым», потому что есть то, чему бывает свойственно не быть белым.

Итак, бытие признака называется или если два названных признака заявлены в одном, или потому что признак заявлен в существовании, или потому что бытие заявлено как предъявляющее это свойство.

А бытие как таковое всегда обозначается столбцами в таблице разрядов: сколькими способами можно сказать о бытии, столькими способами оно обозначается. Можно сказать, ставя в разные ряды: что это, какого качества, какого количества, в каком отношении, что творит или чем страдает, где, когда, — и все эти ряды обозначают одно и то же бытие.

Нет никакого различия сказать «человек здравствующий» или «человек здоров»; или «человек идущий или разящий» или «человек идет или разит». Подобно и в других случаях.

Еще бытие означает истинное, а небытие — не истинное, а ложное. Все равно, в утверждении или в отрицании. Скажем, «Сократ музыкальный» истинно и «Сократ не белый» истинно. А высказывание «диаметр несоизмерим» ложно.

10176 Также бытие и существование означают, что что-то изрекается как возможное, а что-то из названного как завершившееся. Мы говорим «быть видящим» и если может видеть, и если вполне видит. Точно так же «знающий» и кто может воспользоваться знанием, и кто пользуется знанием. И «спокойный» в котором уже проявился покой, и который может быть спокойным.

Подобно и о сущностях: мы говорим, что в камне Гермес, что в линии половина, и незрелый колос для нас тоже хлеб. А когда возможно, а когда пока невозможно, в другом месте разграничим.

8

Сущностью называются простые тела, как земля, огонь, вода и т.п. И вообще тела и состоящие из них животные и духи и их части.

Всё это называется сущностями, потому что не они говорят о каком-то другом подлежащем, но они сами

выступают как подлежащее для всего другого. В другом смысле, потому что внутри них заявляется и сама причина их бытия, скажем, душа — причина живого существа.

Еще, потому что части, заявленные в них, оказываются определенными и что-то обозначающими; и если их уничтожим, уничтожим целое. Скажем, не будет плоскостей, говорят некоторые философы, не будет тела; не будет линий, не будет плоскости. А некоторым философам даже угодно, чтобы таким было число, что если его уничтожить, не будет никакого бытия, потому что число всё определяет.

Еще подлинная суть, которая и определяется формулой, называется сущностью каждой вещи.

Получается, что два подхода к сущности: как к предельному подлежащему, которое нельзя приложить к чему-либо другому, и как к обособленной данности бытия. Таковы облик и вид каждой вещи.

9

Тожественным называются признаки одного и того же, скажем, белизна и музыкальность одного и того же человека. Но также и «человек» и «музыкальный» тождественны, если одно — признак другого. Музыкален человек, потому что это — признак человека.

Данность тождественна обеим частям и обе части — данности. «Человек», «музыкальный», «музыкальный человек» называют одно и то же.

Вот почему всё это не говорится во всеобщем смысле. Неверно говорить, что всякий человек тождествен музыкальному человеку. Общее заявляет себя само по себе, а признаки не заявляют себя сами по себе, но на-
1018а
прямую отсылают к отдельным вещам. Видно, что

тождественны «Сократ» и «музыкальный Сократ», — но Сократ не говорят о многих. Можно сказать «любой человек», но нельзя сказать «любой Сократ».

Некоторые вещи тождественны именно так, а другие тождественны сами себе: в стольких же значениях, в каких едины. Тождественным называется то, материя чего едина по виду или числу. Тождественным называется то, сущность чего одна.

Отсюда ясно, что тождество — некоторое единство более одного бытия, либо одного, но употребляемого во множественном числе. Скажем, если сказано «само тождественно себе самому», слово «само» употреблено уже два раза.

Другими называют вещи, если их виды, или материи, или формулы бытия другие. И вообще «другое» говорится по противоположности «тождественному».

Различными называют вещи, которые будучи другими, в чем-то тождественно существуют: не только по числу, но и по виду, по роду или аналогии. Еще: род которых различен. Еще: противоположности. Еще: имеющие внутри своей сущности что-нибудь другое.

Подобными называют вещи, которые всегда претерпевают одно и то же, и вещи, которые претерпевают одинаковое больше чем другое, и вещи одного качества. Вещь подобна другой вещи, когда допускает те же перемены по большей части или в главном. Подобному противопоставляется неподобное.

10

Противоположностями называют противоречащее, противостоящее, противоположного отношения, или лишения, или присутствия, или происхождения,

или конечного возникновения и гибели. Также все то, что не может вместе встречаться в одном и том же носителе: противоположны и они сами, и их источники. Скажем, не может быть одно и то же белым и серым, поэтому и источники этих цветов противоположны.

Противостоящими называют те различные по роду вещи, которые не могут быть одновременно в одном и том же. И наиболее различные внутри одного рода. И наиболее различные в одном и том же носителе. И наиболее различные внутри одной и той же возможности. И что наиболее отличается или прямо, или по роду, или по виду.

Все прочее называется противостоящим или потому что обладает противостоящим, или потому что воспринимает их, или потому что творит их или страдает ими, или потому что сотворило их или перестрадало ими, отвергло или приняло, освоило или лишилось.

А так как единое и сущее говорится во многих значениях, то следовательно, всё что говорится про них, тождество, различие, противостояние, всё должно быть другим для каждого разряда.

Другими по виду называются вещи одного рода, которые при этом не зависят друг от друга. И вещи, которые одного рода, но различны. И вещи, которые в самой сущности скрывают противоположность. 10186

Противостоящие вещи отличны друг от друга по виду: или все, или называемые как первые, и все те вещи, у которых разные формулы для конечного вида рода. Скажем, человек и лошадь одинаково особи по роду, но формулы разные. Также и те, которые одной и той же сущности, но различаются существованием. О тождественных по виду говорят противоположно различным по виду.

Предшествующими и последующими называют некоторые вещи, исходя из наличия в каждом роде первого начала. Что ближе к началу, то первее: или от природы, или относительно, или по месту, или под действием чего-то.

Скажем, по месту вещи ближе, когда от природы есть определенное место, скажем, середина или край, или же может быть случайное место; а что дальше, то последующее.

По времени предшествует, если смотрим на события, что дальше от настоящего времени: скажем, Троянская война прежде Мидийских войн, потому что дальше отстоит от настоящего. А если смотрим в будущее, то что ближе к настоящему времени, то предшествует: Немейские игры будут раньше Пифийских, если настоящее время мы используем как первоначало.

По движению предшествует то, что ближе к первичному движению: ребенок предшествует взрослому. Первое движение — это простое начало.

По своим возможностям предшествует то, что превосходит возможностями и тем самым сильнее. Таково то, по воле чего должно следовать что-то другое, последующее. Если предшествующее не движет, последующее не движется, а если движет — движется. Проявление воли (предварительный выбор) — начало.

По порядку предшествует то, что ближе к чему-то определенному, от которого и считаем пропорциональные расстояния. Скажем, певчий в первом ряду предшествует певчому в третьем ряду, околобоковая струна — боковой. Там начало — корифей, здесь — центральная струна.

Всё это при таком подходе называется предшествующим. А при другом подходе что первое для знания то как будто и прямо первое. Правда, одно дело первое для ума (формулы), а другое — для чувства. Для ума предшествует всеобщее, а для чувства — частное. И в формуле признак предшествует целому, скажем, можно сказать «музыкальный», и станет понятно, что речь идет о человеке. Ведь для целой формулы нужны части, и не может быть «музыкального», если нет ни одного музыкального человека.

Еще предшествующей называют страсть предшествующего. Скажем, прямизна предшествует гладкости, потому что прямизна — страсть линии как таковой, а гладкость — плоскости. 1019a

Итак, в одних вещах предшествующее и последующее в этом смысле, а в других — согласно природе и сущности: предшествующее может обойтись без последующего, а последующее не может обойтись без предшествующего. Это различие ввел Платон.

А так как «бытие» имеет много значений, то так как подлежащее — первое, то и сущность предшествует, и так как различны возможность и завершенность, то предшествующая возможность не та же, что предшествующая завершенность. Скажем, в возможности половина линии предшествует линии, часть — целому, материя — сущности. В завершенности все это последующее: только после разложения завершенного мы получим эти части.

В каком-то смысле, о чем бы мы ни говорили, мы должны говорить именно так. Когда мы говорим о возникшем, то оно может обходиться без другого, скажем, целое уже обходится без своих частей. А когда говорим о распадающемся, то здесь части уже обходится без целого. Подобно и в других случаях.

Возможностью (динамикой) называется начало движения или превращения в чем-то другом или во что-то другое. Скажем, строительство — это возможность построить, которая не возникнет из самого дома: дом сам себя не построит. А вот медицина — это возможность и самого больного лечиться; но не от того, что он лечится, возникает такая возможность.

Итак, в целом называется возможностью начало изменения или движения в чем-то или во что-то, или же начало движения из чего-то или чем-то. Есть же возможность претерпевать, и мы можем говорить о такой способности, причем способности не просто претерпевать, но ради лучшего.

Еще возможность — совершение чего-то правильно и добровольно. Если кто-то идет куда-то и говорит, но не как надо и не по своему решению, то мы говорим, что он «не может» как надо говорить или ходить куда-то. Подобно и о претерпевании.

Еще называются возможностями те габитусы, благодаря которым всё бесстрастно и непреложно и с трудом меняется к худшему. Ведь что-то ломается, разваливается, гнется, вообще разрушается не потому, что имеет такую возможность, но потому что не имеет какой-то возможности. Бесстрастным остается то, что претерпевает такие страдания едва лишь незаметно, благодаря возможному, возможности и некоторому состоянию.

При таком количестве значений слова «возможность», «способным», имеющим возможность, в одном смысле называют то, что несет начало движения или изменения (стоять надо тоже уметь) в другом или себя в другое. В другом смысле, если данная способность приходит извне. В другом смысле, если умеет превра-

щаться в худшее или лучшее. Ведь что гибнет, явно может гибнуть; оно не погибло бы, если бы не могло погибнуть. Уже сейчас оно имеет какую-то расположенность, повод и начало этого страдания.

Иногда возможность видна в обладании, иногда в лишении. Ведь лишение — это некоторый габитус, и если всё способно благодаря тому, что обладает этой возможностью и некоторым началом, то тогда омонимично можно обладать лишением, если только омонимия допускает так говорить.

В другом смысле возможным будет то, что не может начать разрушаться при становлении другим.

Еще, возможным назовем или что может случиться возникнуть или не возникнуть, или что может это правильно сделать. Даже в бездушных вещах последняя возможность выделяется: скажем, в музыкальных инструментах. Мы говорим, что эта лира звучит, а эта не звучит, она неблагозвучна, она неправильно всё делает.

Невозможность — это лишение возможности и такого начала, о котором мы говорили: или в целом, или у того, что обычно этим обладает, или у того, что тогда должно было этим обладать. В несходных смыслах мы скажем, что ребенок не может произвести потомство, мужчина не может произвести потомство и евнух не может произвести потомство.

Еще, каждой возможности противостоит своя невозможность: только движущей и правильно движущей. Невозможное — это либо то, что не возможно сделать, а в другом смысле — когда противопоставляем возможное и невозможное, когда невозможное противопоставлено истинному. Скажем, не может диаметр быть соизмеримым, потому что такое высказывание ложно, и противоположно ему не просто истинное, но необходимое высказывание о несоизмерении

мости. Ведь соизмеримость не просто ложь, но необходимо ложь.

Противоположное невозможному возможное есть тогда, когда не необходимо, чтобы противоположное возможному было ложным. Скажем, человек может сидеть, потому что не сидеть — не необходимо ложно.

Итак, возможное в одном смысле, как только что было сказано, означает не необходимо ложное, в другом — истинное в бытии, в третьем — допускающее быть истинным. А переносно еще есть «геометрическое возможное» (возведение в степень).

1020a Не все, что может быть, имеет отношение к возможности, то что имеет отношение к возможности, имеет отношение к первоначальному смыслу возможности: начало превращения в чем-то или во что-то. Всё прочее называется возможным или потому что что-то еще может показать на нем такую возможность, либо потому, что не имеет возможности извне, либо потому, что имеет ее только в чем-то. Подобно скажем о невозможном.

Итак, главное определение первой возможности — она начало превращения в чем-то или во что-то.

13

Количеством называется заявленная делимость, при которой все части определяются как данные единицы. Количество множество, если исчислимо, и величина, если измеримо.

Называется множеством то, что делится на прерывные части, а величиной — на непрерывные. Из величин непрерывная в одном направлении — длина, в двух — ширина, в трех — глубина.

При ограничении количества множество — число, длина — линия, ширина — плоскость, глубина — тело.

Также одни вещи количества как таковые, а другие — как признак. Скажем, линия количество как таковое, а музыкальность — как признак.

Из количеств как таковых одни таковы как сущности. Скажем, линия и есть количество по существу, и в формуле линии называется, что только количество в ней проявляется. А другие таковы как страсти и габитусы таковой сущности: скажем, много и мало, длинное и короткое, широкое и узкое, глубокое и мелкое, тяжелое и легкое и т.п.

Большое и малое, больше и меньше говорится и само по себе, и по отношению к другому. Само по себе это страдание количеством. Но переносно употребляют эти слова и для других вещей.

Если что-то называется количеством как признак, то либо в том же смысле, как называют музыкальность и белизну сказавшимся количеством вещи (в скольких она вещах), либо в том же смысле, что движение и время, которые называются количеством, несмотря на непрерывность, — потому что делимо то, что страдает движением или временем. Т.е. речь не о самом движении, но как движется, насколько продвинулось, с какой скоростью. Тогда движение и есть количество.

14

Качеством называется в одном смысле отличие данной сущности. Скажем, человек — живое существо некоторого качества — двуногое. Лошадь — четвероногое. Круг — фигура некоторого качества: без углов. Итак, существенное отличие образует качество.

10206

Итак, в одном смысле качеством называется отличие сущности, а в другом — то как говорят о качестве неподвижных и математических вещей. Говорят о качестве чисел: сложные, неодномерные, но изображаю-

щие плоскость и объем (квадратные и кубические), и в целом что заявлено в сущности кроме количества.

Сущность каждого числа однократна. Скажем, сущность шести не дважды не трижды, но единожды. Шесть всегда только шесть, единожды шесть.

Еще качества — страсти движущихся сущностей, скажем, жар и холод, белизна и чернота, тяжесть и легкость и всё то, что если переменится, то и про тело будут говорить по-другому.

Еще доблесть и злоба, и вообще зло и добро.

Качество можно свести к двум поворотам, но из них один главный. В первичном смысле качество — отличие сущности. К нему относится и качество чисел, потому что это тоже некоторое отличие сущностей, пусть не движущихся или не в том, как они движутся. А затем качества — это страсти движущихся именно как движущихся, и различия движений.

Доблесть и злоба — некоторая часть этих пристрастий. Ведь они показывают различия в движении и в действительности, по которым находящееся в движении творит или страдает верно или криво. Что так может двигаться или действовать, в этом оно доблестно, а наоборот — порочно. Добро и зло более всего означают качество одушевленных существ, а из них более всего тех, кто свободен делать выбор.

15

Отношением называется что как двойное к его половине или тройное к его трети и вообще многократное к его столь же частному, и превышающее к превышаемому. Также: как нагревающее к нагреваемому, режущее к разрезаемому, и вообще творческое к страдательному. Также: как измеримое к мере, научное к науке, чувственное к чувству.

Прежде всего говорится о числовом отношении, просто отношении или определенном отношении: либо между числами, либо к единице. Скажем, двойное по отношению к единице — определенное число. А многократное — в числовом отношении к единице, но не в определенном, так что и не скажешь, в каком именно. Отношение увеличенного в полтора к уменьшенному в полтора — числовое к определенному числу. А отношение дроби к бесконечной дроби — неопределенное, как и отношение многократного к единице.

Отношение превышающего к превышаемому полностью неопределенное по числу: число соизмеримо, а о несоизмеримом не говорится «число». Превышающее превосходит превышаемое на его самого и еще, но это неопределенно. Ведь тогда может быть что угодно, равное число или неравное.

Отношения всегда к чему-то, выраженные числами как претерпевания чисел. Равенство, подобие, тождество выражаются через отношение. Ведь всякое отношение строится к одному, а тождество — одна сущность, подобие — одно качество, равенство — одно количество. Но одно — начало и мера числа; так что всё это выстраивается с числом один, но с разным смыслом.

А творческое и страстное отношение определяются возможностью творить и страдать и действительностью таких возможностей. Скажем, нагревающее относится к нагреваемому как могущее нагревать, а нагреваемое к нагревающему — как могущее нагреваться. И режущее к разрезаемому — как действующее.

У числовых отношений нет действительности, разве только таким способом, как в другом месте сказано. Действительность не может заявлять себя как только изменчивая.

Некоторые возможные отношения требуют указания времени, скажем, отношение производящего

к производимому не то же, что произведшего в будущем к произведенному в будущем. Так отцом может назваться отец сына, когда отец произвел сына, а сын претерпел стать сыном.

Бывают отношения по лишенности: немощное, невидимое и всё, что обозначается через «не».

Итак, всё относительное по числу или возможности всегда само соотносится с чем-то, а не что-то с ним вступает в отношение. А измеримое, познаваемое, разумное как раз требует, чтобы с ним вступили в отношение. Разумное означает, что к нему относится разум, но разумное не соотносит разум с собой, — иначе бы это было бы просто удвоение разума. Точно так же как зрение —
10216 это зрение чего-то, но не зрение этим чем-то, хотя так тоже говорят, — но зрение, обращенное к цвету или зрение чего-то такового. А иначе было бы одно и то же сказано дважды, что зрение — зрение данного зрению.

Что относительно само по себе, одно бывает в названных смыслах, другое — когда таков род: врачевание к чему-то относится, потому что наука как род к чему-то относится.

Еще относительным называют обладание количеством: скажем, чтобы равенство было равным и подобие подобным. Также обладание свойством: скажем, свойство этого человека быть вдвое больше, уже есть отношение. Или белое, как свойство человека, тоже тогда будет вдвое больше.

16

Завершенным называют то, вне чего нет ни одной части этого. Например, время завершилось, и нельзя ниоткуда взять время, чтобы оно стало частью этого времени. Также завершенное то, что по достоинству и красоте непревзойденное в этом роде. Скажем, со-

вершенный врач, совершенный флейтист — их доблесть по виду безупречна.

Мы переносно говорим и о злых так же: конченный негодяй, совершенный вор. Ведь можно говорить выдающийся вор и выдающийся негодяй, а выдающаяся доблесть совершенна. Всякая вещь тогда совершенна и всякая сущность тогда совершенна, когда по виду ее собственного достоинства нет никаких упущений в величии ее природы (или: в природной величине).

Совершенными называются вещи, которые достигли почтенной завершенности. Вещь завершенная, потому что достигла вершины. Но так как вершина — это нечто крайнее, то переносно мы говорим и о кривом, скажем, «совершенно погибшее», «совершенно уничтоженное», когда нет никакого упущения в гибели и зле, но зло дошло до крайности.

Поэтому и смерть переносно называют «завершением», потому что она — край жизни. Цель — это крайнее «ради чего».

Вот в скольких значениях говорится о завершенном как таковом. Они вещи называются завершенными, потому что они безупречно прекрасны, к ним нечего добавить и привнести извне. А другие — потому что в данном роде они просто непревзойденные, и ничего 1022a
вовне для них нет. А все прочее называется по этой первой завершенности: потому что творит ее, несет ее, связывается с ней или вообще как-то бывает с ней.

17

Пределом называется край каждой вещи, первое, вне которого нет ничего от вещи, первое, внутри которого всё прочее.

Это и «идея» величины или вещи, имеющей величину.

Это и цель каждой вещи, для чего она движется и действует, но не из чего она исходит — хотя бывает, что вещь исходит из того же, к чему приходит.

Это и сущность каждой вещи и подлинная суть для нее. Ведь подлинная суть — предел познания. А если так в знании, то и на деле.

Так что понятно, что в стольких смыслах говорится о пределе, в скольких о начале, и еще больше. Начало — всегда предел, но не всякий предел — начало.

18

«Почему» говорится во многих смыслах. При одном подходе так называют вид и сущность отдельной вещи. Скажем, почему добр — потому что добро. При другом подходе это первое, что бросается в глаза, как краска на поверхности.

В первом смысле это вид, а во втором — материя каждой вещи, точнее, первое подлежащее.

В целом «почему» показывает столько же значений, сколько причина. Говорят и «по какой причине пришел» и «почему пришел». Говорят, какова причина правильного или неправильного силлогизма и почему силлогизм правильный или неправильный.

Еще «по чему» говорится в смысле положения: по чему он идет, по чему он проходит. Всё это обозначает место и положение.

Так что и «само по себе» неизбежно говорится во многих смыслах. Одно «само по себе» — это подлинная суть каждой вещи. Скажем, Каллий сам себе Каллий, сам по себе, сам подлинная суть Каллия.

Другое — все, что проявляется в определении, что это за вещь. Скажем, Каллий сам по себе живое существо.

Другое — в чем первом что-то сказывается как целом или части: поверхность бела сама по себе, жив человек сам по себе, потому что душа — та часть человека, в которой первой будет сама жизнь.

Другое — что само себе причина. У человека много причин: он живое существо, он двуногое; но и сам по себе человек — человек.

Еще, что только в чем-то одном сказывается, и потому оно только одно, отдельно, само по себе.

19

Распределением называется порядок среди частей от места к месту или от возможности к возможности или от вида к виду. При этом всё должно быть в каких-то пределах, как и подсказывает слово распределение. 10226

20

Имением (габитусом) в одном смысле называется как бы действительность отношений обладания, как бы практика и движение. Когда один творит, одно творится, то творение посередине. Так и когда один имеет платье, а платье имеется, то посередине имение.

Нельзя «иметь» такое имение, потому что тогда мы уйдем в бесконечность, начав обладать обладанием, которым тоже надо обладать.

В другом смысле имением называется расположение, в котором расположенность располагается хорошо или плохо, само по себе или по отношению к другому. Скажем, здоровье — имение, потому что это расположенность расположения.

Еще имением называется частица такой расположенности. Посему и частичная доблесть тоже уже некоторое имение.

Страстью называется, в одном смысле, качество, в котором допускается отчуждение. Скажем, белое и черное, сладкое и горькое, тяжесть и легкость и т.п.

В другом смысле — уже сами действительные проявления и необратимые изменения.

Еще более — вредоносные изменения и движения, особенно болезненные повреждения.

Еще страстями называются великие бедствия и скорби.

Лишение (отсутствие) — в одном смысле, не обладание вещи тем, что у нее должно бы быть, даже если это не предусмотрено природой. Скажем, говорят «растение лишено глаз».

В другом смысле, если вещь или этот род вещей должны это иметь, но не имеют. Скажем, слепой человек и крот по-разному лишены зрения. Крот лишен по роду, а человек — сам по себе.

Еще, не обладание тем, что должно быть именно сейчас. Так, слепота — лишение, но слепым мы называем не человека любого возраста, но лишившегося зрения в том возрасте, когда надо еще быть зрячим.

Подобно и когда нет того, почему, для чего и как нужно это иметь.

Еще лишением называется отнятие силой.

В нескольких смыслах говорятся отрицания, начинающиеся с «не», в стольких смыслах называются лишения. Скажем «неравное», не имеющее равенства, хотя оно должно бы быть. «Невидимое» — и если вообще нет цвета, и если непонятный цвет. «Не ходок» — и если нет ног, и если ноги не ходят.

Еще если вещь обладает чем-то чуть-чуть. Скажем, «нет косточек», хотя мы не знаем до конца, точно ли совсем нет косточек.

Еще то, что получается медленно и неправильно: скажем, «не режется» означает не только что никогда не разрежется, но что режется туго и криво.

Еще полное отсутствие этого: слепым называется не одноглазый, а лишенный обоих глаз. Не всякий добр или зол, правдив или злодей, но бывает нечто промежуточное.

23

Обладание говорится во многих смыслах.

При одном подходе: вести себя, как велит природа или порыв, распоряжаться. Поэтому говорят «лихорадка объяла человека», «тираны обладают своими городами», «обладает надетой на него одеждой».

При другом: заявлять в себе как носителя. Медь обладает видом статуи. Тело имеет вид больного.

При другом: охватывать охватываемое. Говорят, что содержимое имеется. Скажем, сосуд обладает водой, объемлет воду. Город обладает жителями, корабль обладает моряками, так же целое обладает частями.

При другом: мешать двигаться и действовать по своему порыву, удерживать. Скажем, колонны имеют на себе нагрузку. Как поэты придумывают, что Атлант обладает небом, не давая ему упасть на землю, и некоторые философы природы (физиологи) говорят, как небо удерживается.

При том же подходе говорят о сообладании (совладании) как удержании вместе, иначе бы всё разбежалось что куда.

А «быть в чем-то» говорится тем же образом, что и «иметься».

Бытие из чего-то в одном смысле — быть из материи, причем два варианта: по первому роду или по конечному виду. Скажем, всё плавкое из воды, а статуя — из меди.

В другом смысле: бытие из первого начала движения. Из чего битва? Из ссоры. Ссора — начало битвы.

В другом смысле: бытие из составленного из материи и облика. Скажем, часть из целого, изречение из «Илиады», камни из строения. Облик — цель, а совершенное достигло этой цели.

В другом смысле: бытие облика, составленного из частей. Человек состоит из двуногости, а слог состоит
10236 из букв. И это другое чем статуя из меди. Статуя из меди — составная сущность из чувственной материи, а облик — из материи самого этого обличия.

Иногда так говорится, а иногда когда один из этих смысл применим к появлению из какой-то части. Скажем, ребенок из отца и матери, растения — из земли, как из некоторой своей части.

В другом смысле: бытие по прошествии времени: из дня ночь, из погоды непогода. Одно после другого. В названных случаях одно неуклонно превращается в другое, но бывает и простая временная последовательность: из равноденствия отправились по морю, из Дионисий Таргелии — они после Дионисий.

25

Частью в одном смысле называется то, на что можно разделить любое количество. Всегда то, что отнимаем от количества как количества, называется частью количества. Скажем, два — часть трех.

В другом смысле — только то, в чем можно измерить целое количество. В этом смысле два не часть трех, три не измеришь двойками.

Еще частями называются виды как не количественное деление: виды называют частями рода.

Еще на что делится и из чего состоит целое, вид или обладание видом. Скажем, у медного шара или медного куба медь часть, как материя, в которой вид, и угол часть.

Еще что в пояснительной формуле, тоже части целого. Поэтому и род называется частью вида, хотя иначе чем вид — частью рода.

26

Целым называется то, у чего не отсутствует ни одна часть, исходя из которых оно называется целым от природы. Также целое — то, что объемлет содержание так, что оно становится чем-то единым.

Это бывает в двух смыслах: либо каждая из этих вещей одна, либо из них складывается что-то одно.

Всеобщее и целостно названное как нечто цельно существующее потому всеобщее, что многое включает в себя и при этом в каждом из этих заметно. При этом каждое остается частным: человек, лошадь, Бог — всё это живые существа.

А непрерывное и ограниченное тогда целое, когда едино из многих частей, особенно если они заявлены как возможные, или по крайней мере как действительные. Из этих вещей природные более целые, чем искусственно приготовленные, как мы говорили о едином. Ведь цельность — некое единство.

В количестве, имеющем начало, середину и конец, «всем» называется то, в чем порядок мест не создает никаких различий, а если создает, то это «це- 1024а

лое». А если допускается и то, и другое, то это и «целое» и «всё». Таково то, что при изменении в нем мест остается тем же по природе, но меняется по облику: скажем, воск и плащ. Это и целое, и все: есть и то, и другое.

Вода, любая влажность и число называют «всё» («вся вода», «все числа»...), но не говорят «целиком число» или «целиком вода»; разве только переносно. О чем говорят «все», о том говорят «все» и к отдельным частям: «все эти числа», «все эти единицы»...

27

Ущербным называется не какое попало из количеств, но делимое и целое. Ведь число два не ущербное, если отнять одну из единиц: никогда не равны ущербность и остаток. Вообще число не бывает ущербным: сущность его должна оставаться. Если чашка с щербинкой, она чашка. А число ущербное уже не число.

Кроме того, не все неподобночастное ущербно, ведь бывает и неподобночастное число, скажем $2+3$. Вообще, там где место не определяет различия, там нет ущербности: не бывает ущербна вода или огонь.

Чтобы вещь была ущербной, местоположение должно быть частью сущности, к тому же, она должна быть непрерывной. Скажем, музыкальная гамма состоит из неподобных частей, у каждой свое место, но она не бывает ущербной.

Кроме того, вещи как целое, утрачивая какую-то часть, не обязательно становятся ущербными. Нельзя утратить главную часть сущности, равно как утратить то, что может где угодно существовать. Скажем, если чашка дырявая, она не ущербная, она просто уже не чашка; а ущербная, если край отбит. И человек, если

не мяса или селезенки лишится, но если чего-то с краю, да и то не чего угодно, но того, что удаляют насильственно. Поэтому лысые — не ущербные.

28

Родом называется то, в чем продолжается рождение имеющих один вид. Скажем, говорят «покуда жив человеческий род», т.е. пока люди продолжают рождаться.

Родом называется и то, от чего существуют в бытии как от перводвигателя. Так, Эллины и Ионийцы называют свой род от Эллина и Иона как прародителей. Люди больше от родителя, чем от материи; хотя род ведут и от женского пола, скажем, от Пирры.

Еще говорят, скажем, о плоскости как о роде фигур и об объеме как роде объемных фигур. Каждая из фигур есть или такая-то плоскость или такой-то объем; плоскость и объем — подлежащее различий. 10246

Когда мы говорим, что это за вещь, называем род и отличия как качества.

Итак, род называется в стольких значениях: продолжение рождения одного и того же вида; единство вида по отношению к перводвижению; материя, в которой сказываются качества и отличия, и которая выступает тогда как подлежащее.

Разнородными называются вещи, у которых первичное подлежащее разное и которые не раскладываются ни одна на другую, ни обе на одно и то же. Скажем, вид и материя — разнородные вещи, как и всё то, что говорится в разных столбцах таблицы разрядов: обозначение «что это» другого рода, чем обозначение качества и т.д., как мы разделяли разряды. Их не разложить ни друг на друга, ни на что-то единое для них обоих.

Ложным называют в одном смысле ложное действие, когда объявляют связным то, что не может быть совместимым. Скажем, когда говорят, что диаметр соизмерим, или что ты сейчас сидишь. Ложно первое всегда, а второе иногда: но и то, и другое обозначает то, чего нет.

Ложно также все то, что существует, но всегда кажется не каким есть, или кажется таким, чего нет. Таковы живописные иллюзии и сновидения: они «что-то», но не то, что они измышляют в нашем воображении.

Итак, действия называются ложными или потому что их нет, или потому что они воображают то, чего нет.

Ложная формулировка ложна потому, что описывает несуществующее. Поэтому всякая формулировка ложная, когда применяется не там, где она истинна. Скажем, что говорится о круге, ложно для треугольника.

Для каждой отдельной вещи есть одна формула, формула ее подлинной сути; хотя о вещи можно много говорить, если рассматривать ее вместе с ее претерпеваниями. Скажем, Сократ — это и музыкальный Сократ. Ложная формула — это просто формула ни о чем.

Поэтому Антисфен слишком простодушно думал, считая, что можно говорить о вещи только в ее собственном смысле, называя вещи только своими именами. Из этого следовало, что невозможно ни говорить противоречивое, ни даже лгать. Но всякую вещь можно назвать не только ее формулой, но и формулой другой вещи, что будет совершенно ложно, хотя в чем-то и правдиво: например, можно восьмерку назвать двойкой как двойку четверок.

Итак, сказано, что такое ложное. А лживый человек — кто легко кидается говорить ложные формулы, и не ради цели, но чтобы говорить. Он и в других внедряет такие формулировки: точно так, как мы назвали ложными действия, внедряющие ложное воображение.

Поэтому сбивает с толку формула в «Гипсии», что один и тот же человек лжив и правдив. Лживым там берется тот, кто может лгать, хотя он сам знающий и благоразумный. Также лучшим оказывается намеренный подлец.

Такая ложь получилась в диалоге благодаря индукции: дескать, нарочито хромающий лучше невольно хромого. Но в первом случае хромать — изображать хромого. Если бы кто-то намеренно становился хромым, то это было бы хуже, как мы и видим в нравственном мире.

30

Случайным признаком называется то, что заявлено в чем-то и называется правдиво, но не по необходимости и не в силу большинства случаев. Скажем, кто-то копает яму для посадки и нашел сокровище. Так случилось, не было неизбежности, он просто копал яму, а нашел сокровище. Так же точно музыкальный человек может быть бледным, не обязательно и не в силу большинства, поэтому мы и говорим об этом как о признаке.

Так как что-то заявляется в чем-то, и для некоторого еще оговаривается время и место, — то заявленное, но без всех этих оговорок, в чем оно, в какое время, в каком месте, и будет признаком. Для признака нет никакой определенной причины, но только случайная, которую не определишь.

Скажем, кто-то случайно прибыл на Эгину не потому, что туда отправился чтобы быть, но потому что вынесла буря или захватили в плен пираты. Случайность сбылась, но не в силу себя, но в силу чего-то другого. Буря стала причиной, что путешественник прибыл не куда отправился, а на Эгину.

Говорится и в другом смысле о признаке, когда говорят о признаке каждой такой вещи, который при этом не в ее сущности осуществляется. Скажем, признак треугольника — образовывать два прямых угла. Такой признак может быть вечным, а выше названные — никогда. Мы это формулируем в другом месте.

КНИГА Е (6)

**ФИЛОСОФИЯ КАК
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ НАУКА**

Надо отыскать начала и причины существующих вещей, существование которых уже стало для нас очевидным. Скажем, мы должны признать что-то причиной здоровья и бодрости; мы уже знаем, что в математике есть начала, элементы и причины; и вообще любое рассудочное знание, или знание, привлекающее на свою сторону рассудок, посвящено причинам и началам, когда оно добивается точности и прямоты. 10256

Все эти знания посвящены отдельным вещам и отдельным родам вещей, и толкуют лишь об этих отдельных областях, а не о том, что существует, и как существует. Они ничего не могут сказать о том, что такое существовать, а принимают существование вещей как должное. Они либо говорят, что из чувственных данных всё понятно, либо считают суть вещей лишь поводом для рассуждений.

Сведя ее к родовой принадлежности, они выдвигают строгие или не очень строгие доказательства того, как вещи могут существовать сами по себе. Но очевидно, что при таком подходе невозможно доказать ни что такое существование, ни что такое суть вещей, а разве что показать, как это бывает. Да и невозможно узнать, есть или нет тот род вещей, о котором зашло рассуждение, — потому что пока рассудок не знает, что это за вещь, он не знает, существует ли она.

Конечно, наука Физика работает с одним из родов существования. Она исследует существование, которое

может двигаться, а может не двигаться. Очевидно, что Физика — не практическая наука и не поэтическая наука. Ведь поэтическое не «может», а зависит от поэта, будет ли то ум, или искусство («готовка»), или динамика. А практическое тоже не «может», а зависит от практического деятеля: мы никогда не знаем, что он выберет на этот раз. Где практическая деятельность, там всякий раз непредсказуемые предпочтения.

Любой рассудок либо практический, либо поэтический, либо теоретический. Физика — это теоретический рассудок, причем теоретизирующий о способном двигаться существовании, и о сущности, которую можно уложить в формулу («логос»), хотя такие сущности в большинстве случаев невозможно обособить от материи. Не будем забывать, что есть суть вещей и есть формула для нее, и исследование без нее — всё равно что поэзия ни о чём.

Итак, будем давать определения сути вещей. Одни вещи «торчком», другие «изгибом». Различие сразу видно: «торчком» можно быть только на материальном носителе (нос с изгибом стоит торчком), а вот «изгиб» понятен и без чувственного материала.

1026а Предметы физики все как будто «торчком»: нос и глаз, лицо и мясо с костями, да вообще живое существо, лист, корень, кора, да и вообще растение. Формула всех этих вещей включает движение, а движется всякий раз материя. Очевидно, что нужно находить и определять суть вещей в физических предметах. Можно и науку о душе включить в физическую теорию, потому что мы не знаем души вне материи.

Итак, стало очевидно, что физика — теоретическая наука. Но математика — тоже теоретическая наука. Мы пока не выяснили, занимается ли математика только неподвижными и отдельными вещами. Но можно с уверенностью сказать, что при решении мате-

математических задач мы берем вещи как неподвижные и отдельные.

Если существует вещь вечная, неподвижная и отдельная, то очевидно, что она — предмет теоретического знания, но не физического (которое занимается движущимися вещами), не математического, но предшествующего им обоим. Физика занимается отдельными вещами, но не неподвижными, а математика, вероятно, занимается неподвижными вещами, но не отдельными, потому что они берутся из материи.

А Первая наука занимается отдельными и неподвижными вещами. Нельзя не признать, что все причины должны быть вечными, особенно причины вещей, которые явлены нам богами.

Итак, есть три теоретических философии — математика, физика и богословие. Совершенно очевидно, что если налично Божество, то можно изучать его природу как наличную. Самое уважаемое знание должно быть посвящено самому уважаемому роду вещей. Теоретические знания стоят выше всех прочих знаний, а Первая наука стоит выше всех теоретических знаний.

Сразу вопрос: первая философия посвящена вообще всему или какому-то одному роду и какой-то одной природе? Даже в математике бывает по-разному: геометрия и астрология посвящены только одной из природ, а общая математика занимается вообще всем. Если мы исходим из того, что нет никаких сущностей, кроме тех, которые от природы, тогда Первая наука — это Физика. Но если существует неподвижная Суть, то тогда она предшествует вещам, и тогда Первая наука — это Философия. Философия занимается первичным как всеобщим. Такая Первая философия — теория сути, исследующая, как суть существует, и что такое вещи «по сути».

Но хотя слово «суть» простое, его употребляют по-разному. Иногда говорят о существенных признаках, иногда говорят об истинной «сущности» вещей, и называют ложь «не существующим». Также можно образовывать разряды («категории») существования, и тогда «суть вещей» будет в одном ряду с качеством и количеством, местом и временем и прочими обозначениями разрядов. Кроме того, различаются динамика и действительность («энергия»).

Начнем с существенного в смысле существенных признаков. Это совсем не предмет теоретического знания. Вы же знаете, что ни одна наука этим не занимается, ни практическая, ни поэтическая, ни теоретическая. Кто «поэт» дома, строит дом, не думает в своей поэзии о всех признаках дома. Ведь таких признаков наберется сколько угодно: для одних дом приятен, других он раздражает, третьим удобен, да хоть что, какую вещь ни взять — но тот, кто строит дом, ни о чем таком даже не думает.

Равно как и геометр не обращает внимания на существенные признаки своих фигур: ему всё равно сказать «треугольнику» и «треугольник, сумма углов которого равна двум прямым углам». Это вполне закономерно: любой существенный признак — это просто еще одно имя. Поэтому Платон весьма удачно обличил софистику как науку о том, чего нет.

Софисты больше всего любят говорить о существенных признаках, выясняя, тождественны или нет «музыкант» и «грамматик»; или «музыкант Кориск» и «Кориск»; или «существовать не всегда» и «становиться»; или «музыкант стал грамматиком» и «музыкант бывает грамматиком», и прочие формулировки. Сразу мы видим, что существенный признак скорее не существует, чем существует.

Очевидно это из таких формул: у существующего по-своему есть происхождение и кончина («возникновение и уничтожение»), а у существенных признаков нет ни начала, ни конца. Мы еще скажем о существенном признаке, насколько хватит места, что это за природа и почему он вообще бывает, — чтобы в конце концов объяснить, почему нет науки о существенных признаках.

Среди существующих вещей одни остаются всегда сами собой по необходимости — не в том смысле, что над ними совершено насилие, но в том смысле, что по-другому не бывает. Другие вещи столь же необходимым образом не всегда остаются собой, и это бывает так часто, что это и начало и причина существования признаков. Мы называем существенным признаком то, что встречается не всегда и даже не часто.

Если летом подует холодный ветер, мы скажем, что это признак, а не закономерность, а если наступит удушливая жара, то мы скажем, что так бывает «всегда» или «часто». Если человек белый — это признак, потому что люди не всегда и не совсем часто бывают белыми. А вот быть живым существом для человека — это уже не признак, а суть.

Если строитель вылечил кого-то — это признак, потому что лечат не строители, а врачи, но по сути дела так получилось, что строитель поработал врачом. Шеф-повар, не ставящий никаких других целей, кроме как доставить удовольствие, сочинил что-то полезное для здоровья — но это не свойство поварского искусства (поварской «готовки»), а оказалось свойственно ему: да, он сочинил это, но не прямо по своей работе.

Действительно, чтобы создавать вещи, надо обладать поэтическими способностями, но нет искусства по

1027a

созданию признаков, и даже способность создания признаков не выделяется. Признаки возникают просто от того, что возникновение признаков — это тоже признак. Итак, не все вещи существуют всегда и необходимым образом, и не все вещи возникают всегда и необходимым образом, но только большинство в большинстве случаев.

Отсюда необходимо следует, что существуют также признаки. Если человек белый, то далеко не всегда он при этом музыкальный, и если станет музыкальным, то просто появится случайно еще один признак, иначе бы все белые люди сразу стали бы музыкальными. Итак, причина признаков — материя, допускающая кроме обычного состояния самые разные состояния.

Сначала надо разобраться, может ли существование быть не всегда и не часто, или это невозможно? Мы выяснили, что есть вещи во власти случая — признаки. Но может быть, всё существует только в силу большинства случаев, и ничего нет вечного? Или есть вечные вещи?

Об этом мы подумаем потом; но пока просто очевидно, что не существует науки о существенных признаках. Всякая наука посвящена либо вечным, либо закономерно случающимся вещам. Иначе как можно учиться или учить? Когда учат и учатся, сначала определяют, что так всегда или так закономерно в большинстве случаев: например, что обычно медовуха сбивает высокую температуру. Но нельзя сказать, когда медовуха точно не сбьет высокую температуру, скажем, в новолуние. В новолуние действуют те же обычные закономерности, что и всегда, а не какие-то существенные признаки.

Итак, мы сказали, что такое существенный признак, и по какой причине нет посвященной ему науки.

Итак, очевидно, что начала и причины имеют происхождение и кончину, хотя не обязаны начинаться и заканчиваться. Иначе бы всё было бы по необходимости; но возникающее и кончающееся имеет свои начала и причины без вмешательства признаков. Откуда мы знаем, что будет или чего не будет? Мы говорим, что если будет это, то будет то; а если этого не будет, то и того не будет? А чтобы было это, нужно чтобы еще что-то было.

Отсюда понятно, что если мы будем брать всё более ограниченный промежуток времени, то мы всегда будем приходить к тому, что происходит сейчас.

Мы говорим, что человек умрет от болезни или насилия, если выйдет из дома. Но выйдет он, если пойдет на колодец, пойдет на колодец, если почувствует жажду, и так далее дойдем до того, что налично сейчас, что обозначилось на настоящий момент. Он почувствует жажду, если съест острое, и про это можно сказать, налично это сейчас или нет. Уже сейчас мы можем сказать, что неизбежно будет с ним или что неизбежно не будет с ним. 10276

Так же можно формулировать, перепрыгнув к уже сбывшемуся. Всякое событие рано или поздно становится наличным. Поэтому всё, что будет, будет неизбежно: скажем, любое живое существо рано или поздно умрёт, — потому что уже что-то в нем сбылось для этого, скажем, в нем борются противоположности. Но умрет ли это живое существо от болезни или насилия, мы не знаем, потому что для этого надо знать, что еще произойдет.

Итак, понятно, что мы доходим в наблюдениях до такого-то начала, — но это не значит, что это начало дойдет до другого начала. Поэтому мы принимаем его

как начало события, просто потому, что не видим другой причины того, что всё произошло именно так. Но к какому началу или причине нужно возвести особенности события, к материи, цели или движению, об этом надо серьезно подумать.

4

Теперь оставим в стороне существенные признаки, потому что с ними мы уже вполне определились. Нужно теперь говорить об истине как о сущем и лжи как о несуществующем. Для их разграничения лучше рассматривать связность и разграничение понятий, смотря, не противоречит ли высказанное этим пунктам связности и разграничения.

Истинным высказыванием будет утвердительное утверждение о связи понятий («Это — то-то») и утверждение с отрицанием о разделенных понятиях («Это — не то»), а ложно то, что противоречит этим пунктам. Как можно мыслить вещь одновременно «этим» и «не этим» — это отдельный разговор: просто важно, что вещь не последовательно становится сначала «этим», а потом «не этим». Она такова всегда, и не другая.

Поэтому сами дела не бывают истинными или ложными, нельзя сказать, что «благо — истинное», а «зло — ложное». Только наш рассудок отличает истину от лжи. А если говорить о простых сущностях как они есть, то даже рассудок тут не справляется.

Как нужно теоретизировать о таких сущностях и не сущностях, мы посмотрим позже. А так как связь и разделение понятий — дело рассудка, а не самих дел — ведь это рассудок решает, что есть суть этой вещи, какое у нее количество или качество, признавая или отрицая («связывая или разделяя»), — то пока что оставим в стороне как существенные признаки, так

и существующее в смысле истины. Ведь причина первого — неопределенность, а причина второго — некоторое переживание (страсть), которому оказывается подвластен рассудок.

И то, и другое — род сущего на отшибе, они нам ничего не сообщают о существовании, что бы не рассказала уже природа вещей. Поэтому оставим это сбоку, а рассмотрим причины и начала существующего как сущности. Конечно, мы должны всякий раз давать себе отчёт, что мы говорим: потому что о существовании говорить можно по-разному. 1028a

КНИГА Z (7)

УЧЕНИЕ О СУЩНОСТИ

О существующем говорят в различных смыслах, и выше мы уже называли, в скольких. Можно говорить о существовании чего-то вообще и чего-то определенно-го, о существовании такого-то количества и такого-то качества — о любом разряде бытия говорят, что он «существует».

Но при таком большом количестве значений очевидно, что первое из них «что это существует» — так обозначают существование. Когда мы говорим о качестве вещи, мы говорим, хорошая она или плохая, но не что она в три аршина или что она человек. А когда говорим, что это за вещь, не говорим, что она белая, горячая или в три аршина, но говорим, что это человек или что это Бог.

Но так же как о вполне существующих мы говорим о количествах, качествах или страданиях или о самых разных понятиях. Поэтому вы, небось, встали в тупик — походка, здоровье или приседание «существуют» или происходят? Слишком много о чем можно так спросить.

Но ни одна из этих вещей не существует сама по себе и не отделяется от существующей вещи. Поэтому по-настоящему существует тот, кто ходит, тот, кто сидит, тот, кто здоров. А эти вещи только кажутся существующими, а на самом деле всем известно, что за ними стоит, какое частное существование.

Это очевидно из того, как мы выносим суждения: мы не можем сказать «хорошее» или «сидящее», не указав, что именно.

Понятно, что благодаря существованию есть и те вещи; так что существующее в первом смысле этого слова, а не существующее в каком-то отношении, только и может быть названо существованием как таковым.

Конечно, и первый смысл существования может пониматься различно. Но в этом первом существовании сходятся все смыслы: мы и определяем, и познаем, и первым по времени видим такое существование.

Из других обустроенностей ничто не может быть отделено, а существование может. Оно и по учету первое: ведь нельзя ничего учесть, не сказав заранее, что это существует. И тогда мы вполне думаем, что что-то знаем, когда можем сказать что это такое, что такое человек или огонь; больше чем сказать о качестве, количестве или месте, — потому что об этом можно говорить, только когда мы узнали что такое качество или что такое количество.

Вот о чем с давних времен и теперь и всегда спрашивают и всякий раз заходят в тупик: что такое существующее, иначе говоря, что значит существовать. Они говорят, что существование одно, другие — больше чем одно; одни — что оно исчерпаемо, другие — что неисчерпаемо. Поэтому нам нужно сперва и как говорится «только о нем», рассмотреть, что такое сущее как таковое.

2

Думается, что существование легче всего разглядеть в телах. Мы и говорим как о «существующих» о животных, растениях и их частях; равно как и о природных телах, как огонь, вода, земля и всё такое, или их частях и состоящем из этих частей или целых. Например, небо существует, и его части существуют — звезды, луна, солнце.

Только ли тела существуют, или какие-то еще вещи, и если да, то существуют ли они как что-то особое в телах, или независимо от тел, об этом сейчас подумаем. Некоторые полагают, что существуют и границы тела: плоскость, линия, точка, единица; что их существование важнее существования объемного тела.

Также одни думают, что нет никаких существований кроме доступных чувствам, а другие — что есть вечные сущности, которых больше и которые лучше. Так, Платон выделяет два существования — «видь» и «исчисления», а существование тел — только третье. Спевсипп, начиная с одного существования, числит их еще больше, находя для каждого свой принцип: одно дело быть числом, другое дело быть величиной, и совсем другое — душой, — и так у него разрастаются вширь существования.

А некоторые говорят, что виды и числа от природы одно и то же, а прочее выводится из них — линии и грани, вплоть до сущности неба и чувственных вещей.

Кто прав, а кто не прав, и зачем нужно признать существования, и есть ли какие существования кроме чувственных, и как именно они существуют, и есть ли какое-то обособленное существование, на чем и как оно основано, или нет ничего кроме чувственных вещей? Об этом мы подумаем, сперва набросав кратко, что значит существовать.

3

Слово «существование» имеет четыре значения, если не больше. Это «самая суть», «существование вообще» и «существование такого-то рода» — всё это, ясное дело, существует. Четвертое — это «основа». Эта основа стоит за вещами, и по ней мы рассуждаем о вещах, а о ней самой мы можем сказать только, что она есть.

Поэтому нужно сперва разобраться с ней. Первичная основа, думается, и существует с наибольшим правом. Но можно положить в основу материал, можно — способ или форму, можно — состав. Скажем, материал — медь, форма — наглядная фигура, состав — скульптура целиком. Так что если вид раньше материала и скорее него существует, то вид по этой же причине — раньше состава.

Теперь все запомнили, что такое существование? Это то, что стоит за вещами, благодаря чему мы и можем видеть вещи. Но не только это, этого мало. Мы еще не объяснили, почему мы говорим о «существовании» материала.

Если мы не признаем существования материала, мы не знаем толком, что именно существует. Ведь материал включает в себя свойства, по которым мы определяем вещи. В ней изменения тел и создание новых тел, возможности. А длина, ширина и глубина, и разные количества не существуют (как может количество «существовать»? — его можно только посчитать); но в чём они сбылись, то и есть существование.

Попробуем отказаться от длины, ширины и глубины. У нас ничего не останется, потому что любая вещь существует в этих границах; и потому мы не сможем разглядеть ничего, кроме существования материала. А материалом я называю то, что дано, но это не «что-то», не количество, не что-либо еще, чем определяется существование.

Если мы говорим о чем-то, что определяет отдельные вещи, то оно отличается от разрядов вещей. Так, о вещах мы судим по их сущности, а о сущности судим по материалу. Тогда то, из чего мы начинаем выводить суждения, не может быть «чем-либо»: его нельзя посчитать и вообще что-либо о нем сказать. Даже отрицательно о нем сказать нельзя: любые отрицания опираются на привходящие свойства.

Но если мы только так будем рассуждать, тогда материал существования и будет существованием. Но такое невозможно. Ведь мы понимаем, что как сущность выступает обособленная вещь, о которой можно сказать, что это такое. Поэтому мы думаем, что вид и сочетание вида и материала с большим правом существует, чем материал.

Мы сейчас не будем говорить о таком составном существовании из материала и формы, потому что оно вторично и очевидно. Про материал тоже довольно понятно. А вот с формой уже возникают трудности. Все признают, что воспринимая вещи чувствами, мы понимаем их существование — с этого и начнем.

4

Вначале мы перебрали по числу определения существования, и одно из них было «самая суть». Сейчас на нее и посмотрим. В любом деле надо начинать с самого знакомого. Так мы всегда учимся: чтобы разобраться с менее известным, обращаемся к более известному. В этом наша работа. Так мы и в делах творим, когда совершаем благо: что хорошо для всех, то будет хорошо и для каждого.

Итак, чтобы все всё поняли, нужно, чтобы понятна стала природа вещи, и тогда все всё поймут. Часто люди понимают, но понимают по умолчанию, и не знают толком или вообще не знают, существует ли это на самом деле. Поэтому нам нужно дерзновенно перейти от ложно понятого к тому, что совершенно понятно, исходя из самой природы вещей.

Прежде всего скажем о «самой сути» то, что и уместно о ней говорить. Самая суть отдельной вещи — то, что о ней можно сказать как о таковой. Быть собой — не то же самое, что быть музыкальным: ты не сам по

себе стал музыкальным. А твоя суть — то, что всегда с тобой.

Но не всегда так. Например, внешний вид по сути белый, но мы не скажем, что суть внешнего вида в том, чтобы белеть. Даже если мы соединяем «внешний вид» и «белое», мы еще сути не видим. Нам нужно узнать, что это за вещь.

Самую суть мы определяем, когда говорим о вещи, но в этом разговоре саму вещь не называем. Если бы мы сказали, что белое на вид и гладкое на вид одно и то же, мы бы утверждали тождество существования белого и гладкого.

Но разные разряды вещей вступают в разные сочетания. За каждой вещью что-то стоит: качество, количество, время, место, переменчивость... Поэтому подумаем, какова мера самой сути для каждого из таких сочетаний вещи и обстоятельств. Итак, вообще есть ли самая суть у таких сочетаний, например, самая суть «белого человека». Можем мы сказать, «белый человек» — само существование?

Вот, есть такая вещь, «пальто». Что значит для пальто «быть»? Ясно, что мы не назовем существование словом «пальто». Но если мы не сводим вещь к бытию, то перед нами две возможности. Можно дополняться до определенности существования, а можно просто быть хоть чем-то.

Первая возможность: определяя вещь как существующую, мы смотрим, что она дополняет. Например, «белое» существует только потому, что белый человек — это нечто определенное.

Вторая возможность: мы смотрим, чем это еще может быть. Допустим, мы могли бы «белого человека» называть словом «пальто». Такое пальто, конечно, было бы белым и никаким иначе. Поэтому белый человек и бел, хотя «белое» не есть самая суть.

А вот «существование пальто» — это существование по самой сути? Или нет? Мы и можем говорить о вещи как таковой, если в ней есть самая суть. Если мы какую-то вещь называем по другой вещи, мы тем самым не говорим о том, что есть эта вещь на самом деле: если мы человека будем определять просто как «белого», то существование его не ухватим.

Итак, мы можем говорить о самой сути лишь тех вещей, определение которых знает меру. Определение не сводится к тому, что мы что-то обозначили словом. Тогда все слова у нас были бы определениями, и какое имя ни дашь, оно станет определяющим: тогда и «Илиада» всё будет определять в нашей жизни. Чтобы что-то определить, надо начать сначала. Поэтому не надо определять одну вещь сравнением с другой вещью.

Поэтому самая суть есть у вещей, которые виды внутри родов, но нет у видов (идей) как таковых. Мы же не можем определять вещи только по их причастию другим вещам, или по влиянию их на другие вещи, или по приобретению существенных признаков. Конечно, этим видам можно придумать имена, позаимствовав их у других вещей, сказав, что мы наблюдаем такие-то проявления, и можем даже уточнить эти проявления, а не просто сказать о них. Но мы всё равно не доходим до самой сути.

Вы возразите: что может как выражение «что это» имеет много значений, так и определение существования имеет много значений? Скажем, на вопрос «что это?» мы можем в ответ назвать сущность вещи, что она такое, но можем отнести ее к какому-то разряду, назвать ее количество и качество и т.п. Конечно, во всех вещах мы видим, что они есть, но в разном смысле слова «есть»: мы не спутаем первичное и вторичное (третичное и т.д.) существование.

Так и выражение «что это» по умолчанию относится к существованию, но в контексте — к другим вещам.

Скажем, мы можем спросить о качестве вещи, что это за качество, и тогда качество «существует», но не в первоначальном смысле этого слова. Некоторые со всей условностью говорят о «существовании» небытия, имея в виду, что оно существует в качестве небытия — опять мы выходим на качество.

Нужно задумываться, как именно говорить о каждой вещи, хотя и не больше, чем что с какой вещью на самом деле. Раз мы добились ясности в нашем рассуждении, то скажем, что самая суть проявляет себя прежде всего и в прямом смысле в существовании, а затем уже и в других вещах, потому что они тоже «что-то», тоже «существуют», но только как количества или качества или что-то еще. Поэтому в последнем случае — омонимия слова «существование», и нужно делать пояснения или делать скидку, примерно как мы говорим «известно» про то, про что известно только то, что это совсем неизвестно.

Но если нам дорог прямой смысл слов, то лучше не злоупотреблять омонимией и не употреблять слово как попало. Можно говорить, как говорят слово «медицинский», в смысле одной и той же области, хотя и в разном смысле: одно дело «медицинское обслужива-
10306 ние», другое дело «медицинская профессия», а третье «медицинский инструмент». Везде разное значение слова «медицинский», но они относятся к одной и той же области — медицине.

Конечно, можно говорить и так, и так. Но очевидно, что если мы хотим прямо и непосредственно определять самую суть, то нужно обращаться к сущностям. А в других смыслах, конечно, можно говорить о «существовании» чего угодно.

Не следует, чтобы определение подчинялось значению слова, но только вещественной определенности слова. Определение должно относиться к чему-то одному, к «одному» не в смысле связности, как «Илиада»

одна, но к «одному» как к чему-то отдельному. «Одно» тоже может значить разное, как и «существование» значит разное: то «что-то», то «одно по количеству», то «неповторимое по качеству». Можно подобрать слова и определить «белого человека», но иначе, чем мы определяем и «белое», и «существование».

5

Мы зашли в тупик. Если мы отказываемся называть определением формулу присоединения («это когда...»), то как можно дать определение не простым вещам, а сочетаниям? мы поневоле будем говорить сначала об одном, а потом о другом.

Например, есть нос, он изогнутый и курносый, и мы будем говорить, что «когда он такой-то с таким-то». Ведь нос не страдает курносостью или изогнутостью, но таков сам по себе. Это не то что «Каллий белый» или «Человек белый», где это приводящее свойство человека, — но это как для животного мужской пол, или для количества наличие равного количества, или для всего заявившего о себе то, что о нём заявляют.

Если мы что-то формулируем или о чём-то говорим, то мы не можем свести это к тому, чем вещь страдает, но можем мыслить это только вместе с вещью. Скажем, белый цвет можно мыслить отдельно от человека, но невозможно мыслить женский пол отдельно от живого существа. А то, что мы мыслим только вместе с вещью, не имеет ни собственной сущности как таковой, ни определения; разве что мы будем определять «это когда...»

Но мы уже в другом тупике. Если курносый нос и изогнутый нос имеют одно определение «нос», то курносость и изогнутость — одно и то же? А раз не одно и то же, так как нельзя назвать курносость, не назвав нос, который страдает этой курносостью, потому что

курносость — это изогнутость носа. А если мы будем давать определение «курносому носу», то получится удвоение сказанного: «это курносый 'курносый нос'» (курносый нос равно курносый нос с курносостью). Поэтому бессмысленно предполагать в таких вещах подлинную сущность. А иначе «курносости курносого носа» понадобится еще одно определение, и так до бесконечности.

1031a Поэтому доказано, определять можно только существование. А если мы даем определение другим рядам, то только путем прибавления, например, говоря «еще такой» или «с остатком». Нельзя сказать «с остатком», если нет чисел; нельзя сказать «женского пола», если нет живых существ. Когда мы прибавляем, то и получается, что называем одну вещь дважды, как мы только что говорили.

Если это так, то нельзя дать определение ничему двойному, например, числу с остатком. Мы даже не замечаем, что формулировки этих вещей не точны. Но если для этих вещей и найдутся определения, то на каком-то другом повороте мысли, или же нам придется признать многозначность «определения» и «самой сути». Тогда с одной стороны определять можно только существование, и самая суть может заявить о себе, только сбывшись в существовании, а с другой стороны можно определять всё.

Итак, определение — это формула самой сути, точнее, только у сущностей есть самая суть, или лучше сказать, есть в прямом и первичном смысле. Доказано.

6

Подумаем над тем, тождественна или нет отдельная вещь ее подлинной сущности. Такое размышление потребует от нас труда: с одной стороны, каждую вещь мы мыслим именно как ее сущность, но

и самую подлинную суть вещи мы называем ее «сущностью».

Если мы говоря о вещи, говорим о ее свойстве, то скорее всего, тождества нет. «Белый человек» — одно, «бытие белого человека» — другое. Если бы было тождество, то совпадали бы «бытие человека» и «бытие белого человека», — и любой человек оказался бы белым.

Но нет никакой нужды судить о вещи по свойствам: тогда концы даже если совпадут, останутся разными. Конечно, кто-то представил, что так может случиться, что концы случайно совпадут; скажем, все белые люди окажутся музыкальными людьми. Но даже здесь никто не скажет, что белое тождественно музыкальному.

Если же мы говорим о вещах как они есть, то совпадет ли здесь вещь с самой своей сутью? Допустим, даны существования, некоторые из которых раньше всех прочих существований и природ: некоторые философы называют их «идеями». Если добро и осуществление добра, жизнь и торжество жизни, бытие и сбывшееся — не одно и то же, то еще прежде них окажутся 10316 какие-то еще существования, природы и идеи; и все они окажутся первичными существованиями, раз всякая подлинная суть и есть существование.

Кроме того, оторвем мы одно от другого, о первых мы ничего не будем знать, а вторые не будут существовать. Отрывом я признаю, когда благо не заявляет о бытии для блага, и значит, о благом бытии для блага.

Мы знаем каждую вещь, когда знаем ее по самой сути. Но так же мы знаем благо и прочее. Поэтому если бытие для блага — не благо, то тогда и бытие для бытия — не бытие, и стать одним — не стать одним.

Либо подлинная суть везде, либо нигде. Если нет бытия для бытия, то нет бытия ни для чего. В чем не выражено благо для бытия, то и не благое.

Итак, получается, что одно и то же благо и бытие для блага, красота и бытие для красоты, как и всё, что называется не чужим именем, но своим в основном смысле.

Такое бытие достаточно заявило о себе без всяких идей, или лучше сказать, безотносительно к идеям. Ведь сразу ясно, что если идеи такие, как о них говорят, то за вещами ничего стоять не будет. Ведь если идеи имеют самостоятельное существование, они сами вещи, и не могут стоять за вещами, — а иначе бы существование идеи получали только в таком состоянии, и не существовали бы самостоятельно.

Итак, из всего сказанного ясно, что не по признакам отдельная вещь тождественна ее подлинному бытию. Ведь точно, знать каждую вещь — это знать ее подлинное бытие, так что если мы представляем (можем представить) себе вещи, то вещь и бытие — одно.

Если мы называем какую-то вещь по признакам, например, человека называем «этот музыкальный» или «этот белый», то из-за двусмысленности нельзя говорить, что названа именно подлинная сущность. Ведь слово «белый» может означать как белую вещь, так и белизну как признак: и в первом случае мы называем подлинную сущность, а во втором — не называем. «Стать человеком» — это не то же самое, что «стать белым человеком», разве что человек всегда страдает белизной.

Налицо нелепо давать отдельное имя для каждой подлинной сущности. Потому что тогда пришлось бы подбирать имя, скажем, и для лошади и для бытия лошадей. Но что мешает чтобы по отдельности вещи были бы сами своей подлинной сутью, раз они существуют в своем подлинном бытии? И не только вещь и ее суть — одно, но и формула их — одна, как очевидно из уже сказанного. Ведь не по признакам быть одним — это то же, что быть в единственном числе. В противном случае мы бы ушли в бесконечность: самая суть

единицы была бы отдельно от единицы, и понадобилась бы единица для учета этой единицы и т.д.

Итак, стало очевидно, что если мы говорим о самостоятельных существованиях в первичном смысле, вещь совпадает с ее особым существованием. Нападки софистов на это положение легко разрушаются тем, что то же самое — Сократ и существование Сократа: не важно, спрашиваем ли мы о существующем Сократе или о существовании Сократа — вот и всё решение. Итак, мы теперь знаем, как именно самая суть бывает тождественна, а бывает не тождественна вещи.

7

Вещи возникают либо от природы, либо от искусства, либо сами просто так. Все вещи возникают под действием чего-то, из чего-то и как что-то. Я имею в виду «что-то» по всем разрядам: вещь может стать тем-то, а может приобрести новое количество, или качество, или сменить место.

В природе всё возникает от природы. Материал — то, из чего возникает, а возникает это под действием чего-то уже существующего от природы. Всё возникает как «что-то»: человек, растение, или что угодно. Мы и называем это «существованиями».

Возникает ли вещь от природы или от искусства — в ней есть материал. Ведь что есть, того могло бы и не быть, и материал помогает вещи состояться.

Если определять природу вообще, то это и источник, и правило возникновения вещей. У всех вещей есть своя природа: у растений, у животных... А под действием чего вещь в природе возникает — это всегда какой-то из природных видов, обычно того же вида, хотя и другой как самостоятельная особь — человек рождается только от человека.

Так возникают вещи в природе, а возникающие иным образом вещи называются творениями. Творения создаются либо по правилам искусства («готовки»), либо от избытка сил, либо благодаря способностям разума.

А некоторые вещи возникают сами по себе, можно сказать, «на счастье»: такое возникновение почти как в природе — ведь некоторые вещи могут возникать и при осеменении, и без осеменения. Дальше мы всё это рассмотрим.

10326 От искусства («готовки») возникает то, образ чего в душе. Образом я называю самую суть каждой вещи, точнее, первоначальное существование. Отметим, что у противоположных вещей один образ в каком-то смысле: отсутствие сущности противоположно той же сущности. Так, здоровье противоположно болезни, при том, что болезнь — это отсутствие здоровья, а здоровье — это сформулированное в душе знание.

Чтобы выздороветь, надо рассуждать так: если здоровье состоит в том-то, то чтобы быть здоровым, и нужно соблюдать именно это: скажем, вести умеренный образ жизни, или еще и согреваться. Так всякий раз нужно рассуждать, перебрав всё необходимое, и только напоследок переходить к делу.

Такой ход мысли и позволяет «создать» здоровье, и получается, что в каком-то смысле здоровье происходит из здоровья, как дом происходит из дома, то есть материальный дом из нематериального дома (проекта). Медицина — образец здоровья, архитектура — образец дома. Если вычесть материю, то останется существование в самой своей сути.

Всё возникает и всё движется либо на уровне мысли, либо на уровне создания нового. Когда мы говорим о принципе и виде вещи, то мы ее мыслим; а создавать вещь позволяют окончательные выводы из нашего мышления. Нужно рассуждать о промежуточных со-

стояниях, исходя из этого. Например, прежде чем выздороветь, нужно начать вести умеренный образ жизни. Но чтобы вести умеренный образ жизни, нужно сидеть в тепле. Теперь мы можем определить каждое из этих состояний, и тем самым превратить возможное в наличное.

Чтобы принять созидательное решение, с которого начинается лечение, врач должен усмотреть идею в своей душе. А если сам человек выздоравливает, то тогда он тоже опирается на условия, которые могут воспроизводиться врачебным искусством. Например, он может начать выздоравливать, потому что потеплело, а может — потому что врач его растер.

Тепло в теле — или составляющая здоровья, или предшествующее составляющей здоровья, или предшествующее предшествующему и т.д. — но всё равно в конечном счете составляющая здоровья. Точно так же как кирпичи составляют дом, прямо или косвенно, и любые другие примеры подберите. Как говорится, ничего не бывает просто так, обязательно что-то перед этим заявило о себе.

Очевидно, что какая-то составляющая вещи прежде всех о себе заявляет. Материал — это такая составляющая: она и существует в самой вещи, и становится самой этой вещью.

Но разве материя не входит также в формулу вещи? Когда мы говорим «медный круг», то называем и материал — медь, и вид — фигуру, и по этому виду можем говорить о роде. Итак, формула «медного круга» включает материю. 1033а

Если из материала что-то сделано, то как отдельную вещь мы называем ее не «материалом», а «материальной»: скажем, статую назовем не «камнем», а «каменной», и человека выздоровевшего уже не назовем «нездоровым». Он был лишен здоровья, но при-

обрел материю здоровья, и поэтому здоровый человек здоров как человек после мук нездоровья.

Но чаще когда мы говорим об изменении состояния, мы говорим о состояниях, чего было и чего не было. Мы говорим «больной стал здоровым», а не «человек вообще стал здоровым человеком». Мы говорим о здоровом человеке, и так зная, что он человек.

А если мы не можем объяснить и назвать, какого свойства лишена та или иная вещь: например, если медь бесформенна, или если перед нами простая груда кирпичей и досок, то мы должны выяснить, откуда взялось медная статуя и дом. Но и тут мы не будем называть деревянную статую деревом, но продуктом из дерева. Мы будем говорить «медная статуя», а не «медь»; «каменный дом», а не «камень»; «кирпичный дом», а не «кирпичи».

Даже нельзя, если приглядеться, так наспех говорить «статуя из дерева», «дом из кирпича». Ведь когда вещь из чего-то сделана, материал не остался тем же самым, но подвергся изменениям. Поэтому мы и говорим «материальная вещь», а не «материя».

8

Чтобы сделать вещь, нужно начать ее делать, и у всякой вещи есть начало. Также должно быть из чего ее делать: не из отсутствия вещи ее делают, а из материала, и мы уже разобрались, что значит слово «материал». Наконец, вещь должна стать чем-то: стать шаром, кругом или чем угодно. Но как нельзя создать то, что стоит за многими вещами, скажем медь, так же нельзя создать и шар вообще — но только свойство: медный шар создан со свойством шара.

Сделать какую-то вещь — значит, сделать ее чем-то из материала вообще. Так, сделать изогнутую медь —

это не создать изгиб и не создать медь, но сделать что-то иное: вид, осуществленный в материале.

Если бы мы делали медь, то ее бы пришлось делать из меди, и медь сводилась бы к меди. Но когда мы делаем медный шар, то делаем его так, что из одного (меди) делаем другое (шар). А если бы мы делали медь из меди, то и медь бы прежде сделали, и так до бесконечности. 10336

Очевидно, что вид, или как бы мы ни называли возникшую перед нами чувственную форму, не создается и не возникает, как и самая суть. Вид возникает только в какой-то другой вещи, под действием искусства, природы или динамики. Сделать можно медный шар: взять медь и сделать ее шаром. Шар будет видом, и тогда получится медный шар.

А если нам важно, откуда взялись шары, то тогда нужно спрашивать, из чего они сделаны. Всё возникшее не может не делиться на две части: на материал и вид. Если шар — фигура с равным удалением от центра, тогда понятно, как его создать и что создается. Тогда мы видим создание как целое, например, медный шар.

Теперь нам стало ясно, что нельзя говорить «вид возник» или «существование возникло», но возникает только целое, заимствующее имя от этого существования: потому что ничто не может возникнуть без материи; и потому мы не спутаем материю, вид и целое.

Итак, возможен ли шар без мысли о шаре и возможен ли дом без кирпичей? Если бы так было, ничего бы и не возникало. Мы знаем, что означает что, но когда мы производим, то берем одно и получаем другое, и тогда говорим, что возникла данная вещь.

Всякий человек, Каллий или Сократ, есть, — как есть данный медный шар; а человек вообще или живое существо вообще есть в общем смысле, — как в общем смысле есть медный шар. Поэтому очевидно, что «видовые исто-

ки», как некоторые привыкли называть виды, если вообще они есть помимо отдельных вещей, бесполезны для возникновения и для существования. Если они и существуют сами, то не ради существования вещей.

Для некоторых вещей сразу видно, что родившийся такой же как родившийся: но это не одна единица, а один вид. Человек рождает человека. Разве что рождается что-то против природы: лошадь рождает мула. Но и здесь на самом деле то же самое: просто нет имени для общего между лошастью и ослом, чтобы был какой-то близкий к обоим род, и поэтому приходится говорить «мул».

1034a Итак, очевидно, что не следует изготавливать из идеи образец для вещей. Наоборот, лучше всего годятся на роль идей именно существующие вещи. Порождения достаточно для создания вещи, и порождение — причина того, что вещь обладает видом. Всякий раз мы видим данный вид в данном мясе и костях, Каллия или Сократа. Они разные по материи, потому что сделаны отдельно, но тождественны по виду, потому что вид — наименьшая единица.

9

Кто-то из вас задаст недоуменный вопрос, почему что-то может возникнуть и благодаря искусству и само по себе, как здоровье, а что-то только благодаря искусству, как дом.

Причина в том, что материя, которая берется для творчества и для искусного производства, в которую уже отчасти заложена будущая вещь, не всегда может меняться сама по себе, и даже если может меняться, не обязательно может меняться так, как нам надо. Многое может меняться само по себе, но не как нам надо: например, вещи не могут сами по себе выступить на театральной сцене.

Одни материальные вещи, как камни, могут двигаться только под внешним воздействием, а другие материальные вещи, как огонь, могут двигаться сами по себе.

По этой же причине одни вещи не могут возникнуть без мастера, а другие могут. Последние приведены в движение не мастером, но способными двигаться вещами или же какой-то своей частью. Из сказанного понятно, что хотя разными способами, но каждая вещь возникает из одноименной вещи, как дом из дома в уме (ведь искусство и есть вид дома) или в качестве какой-то части, — раз возникновение не сводится к изменению свойств. Ведь творчество и становится первым вкладом в создаваемую вещь.

Тепло при движении вкладывает тепло в тело. А тепло — само здоровье или часть здоровья: или за теплом следует какая-то часть здоровья или само здоровье. Поэтому мы говорим «тепло творит здоровье», потому что оно непосредственно измышляет здоровье, или в свой особый черед содействует здоровью.

Как и в логических формулировках, существование ставится в начало. Нельзя ничего сформулировать, если не знать, что именно; но и от существования идет дальнейшее производство.

Похоже держится собранное природой. Сперма столь же поэтична, сколь и искусства: она тоже может создавать вид, и ее производное получает то же имя, что и ее производитель. Впрочем, это неточно сказано: не нужно твердить всегда «человек происходит от человека», иногда можно «мужчина происходит от женщины». И только убудок не наследует производящему: мулы происходят не от мула. 10346

А что возникает внезапно, то здесь просто материя может сама двигаться тем движением, которое там вызывалось спермой. Если материя здесь так не движет-

ся, то тогда здесь вещи могут произойти только от других вещей.

Не только в области существования данная формула показывает, что вид не возникает. Формула оказывается равно общей в области всех первичных вещей, будь то количество, качество или любой другой разряд.

Вещь возникает, как возникает медный шар — это уже не медь и уже не шар, но шар из меди после возникновения — а материя и вид были налицо до этого всегда. Так же точно нужно рассуждать и о том, что это за вещь, и какая она, и сколько ее, и так по всем разрядам. Не возникает качество, но возникает качество дерева; не возникает количество, но возникает количество дерева или животного.

Из сказанного понятно самое родное в существовании: ему необходимо предшествует другое существование, существующее как действительность. Например, живое существо возникает от живого существа. Но количество не возникает от количества, или качество от качества; разве только в том смысле, что такое количество или качество стало возможным.

10

Всякое определение — мера. Но всякая мера состоит из частей; и как мера соотносится с вещью, так и ее части — с частями вещи. Сразу вопрос. Выводится ли мера частей из меры целого или нет? Мы видим, что иногда выводится, а иногда нет.

Так, чтобы измерить круг, не надо мерить его отрезки. Но чтобы измерить слог, надо учесть все буквы. Хотя круг так же делится на отрезки, как слог делится на буквы.

Если бы части всегда предшествовали целому, то раз острый угол — часть прямого угла, а палец — часть че-

ловека, то оказалось бы, что острый угол возник раньше прямого угла, а палец возник раньше человека. Но вероятно, первое здесь целое: ведь мы этим целым мерим то, что без этого целого и не существует: не может быть острого угла без прямого, или пальца без человека.

О частях говорят в разных смыслах, в том числе и в смысле частей, которыми можно измерить количество. Но сейчас об этом говорить не будем, а посмотрим, из чего складывается существование.

Если материал, вид и состав — три разные вещи, но сущностью называют все три вещи, то материя может включаться в сущность, а может не включаться, и тогда формула строится исходя из вида. 1035a

Так, мясо — не часть изгиба, но изгиб появляется на мясе как на материале, но мясо — часть курносости. И медь — часть статуи как целого произведения, но не часть внешнего вида этой статуи.

Если мы говорим о вещи, то скорее скажем о виде: потому что каждая вещь имеет вид, но не будем говорить о ее материале как таковом.

Вот почему формула круга не делится на части, а формула слога делится на буквы. Буквы, в формуле в том числе, это части вида, а не материя. А если поделить круг, у нас останутся только материальные части — хотя они ближе к виду, чем, допустим, медь, когда из меди делают шар.

Нужно сказать, что не все буквы слога входят в формулу: например, мы не будем упоминать, начертили мы буквы на воске или в воздухе, хотя это тоже «части слога» как чувственная материя.

Да и линии у нас не будет, если ее всё время резать пополам, и человека не будет, если его разрезать на кости, жилы и мясо. Поэтому нельзя назвать это настоящими частями существования, но только материальными частями как частями целого, а не вида. Поэ-

тому они и не входят в формулу, потому что формулы мы определяем по виду.

Итак, в одних формулах формулируются части, в других можно без этого обойтись, если только это не формула чего-то сборного. Некоторые вещи состоят из частей как из начальных частей, на которые распадаются при разрушении, а некоторые нет.

Всё составное из вида и материи, скажем «курносый нос» или «медный круг», при разрушении распадается на эти части, и одна из частей — материя. Но что не включает в себя материя, но может обходиться без материи, как формулировки вида. Ведь это не разрушается вообще или не разрушается путем распада. Итак, у составных вещей есть начальные части, а у видов нет частей и начал.

10356 Можно разрушить глиняную статую, обратив ее обратно в глину, можно и от шара оставить только медь, и Каллия зарезать на мясо и кости, и даже круг поделить на секторы, если круг берется вместе с материей. Ведь одним именем называется и просто круг, и данный круг — не для каждой вещи существует отдельное имя.

Итак, мы сказали всю ясную правду. Но еще яснее мы скажем при повторении. Части формулы, на которые формула делится, прежде целой формулы или все, или некоторые. Так, формула прямого угла не делится на формулы острых углов, но формула острого угла восходит к формуле прямого угла. Ведь определить острый угол можно только сравнивая его с прямым: «Острый угол — это угол, который меньше прямого».

Сходным образом соотносятся круг и полукруг: полукруг определяется через круг. И палец определяется через целое: «это такая-то часть человека». Поэтому части материальные, на которые можно разъять материю, идут после, а части формулы и выраженного

в формуле существования идут впереди, все или некоторые.

А так как душа живых существ (как сущность одушевленных существ) — это формульная сущность, точнее сказать, вид и подлинная суть данного тела (ведь если определять верно каждую часть тела, нужно указать, какие действия она производит; а для этого требуется наше чувство), то тогда ее части (все или некоторые) стоят прежде живого существа как целого. Со всеми живыми существами это так.

Тело и его части стоят после существования, и на них распадается как на материю не само существование, но целое. В каком-то смысле эти части предшествуют целому, а в каком-то — нет, потому что они бы не смогли существовать бы отдельно до целого: как мог бы палец быть до живого существа? А палец мертвого существа только по имени палец.

Но некоторые части, части в главном смысле, они вместе с целым, потому что в них сама формула и само существование живого существа. Таковы сердце или мозг: нет различия, что из двух. Человек, лошадь и всякое общее понятие, относящееся только к этому отдельному, обозначает не существование, но некоторое целое из данной формулы и данной материи — взятых как всеобщее. А отдельное, из материи взятой с конца, это данный Сократ, и так и в остальных случаях.

Итак, и вид делится на части (вид я отождествляю с бытием как таковым), и целое делится на части — на вид и материю, и материя делится на части. Но части формулы — это только части вида, и формула формулирует всеобщее. Бытие по кругу и круг — это одно и то же, бытие в душе и душа — это одно и то же. 1036a

Если мы берем целое, скажем, данный круг и вообще любую отдельную вещь, чувственную или умственную (умственными я называю математические круги,

а чувственными — деревянные и медные круги) — то у него нет определения, оно познается мыслью или чувством. Если такие вещи лишились завершенности, то не очевидно, есть они или их нет. Но всё равно мы всегда называем их и познаем всеобщей формулой.

Материя как таковая непостижима. Ведь бывает материя чувственная и умственная: чувственная — медь, дерево и любой изменчивый материал, а умственная — которая в чувственных вещах, но сама не подвластна чувству, как математические вещи.

Итак, мы сказали, как соотносятся целое и часть, и что раньше и что позже. А если нужно отвечать, что раньше — прямой угол, круг и живое существо, или те части, на которые они делятся и из которых состоят, то ответить непросто.

Допустим, душа — живое существо по своей одушевленности, душа каждого живого существа и есть данность живого существа, круг всегда идет по кругу, и прямой угол всегда прям. Тогда эти вещи следуют за частями по определению. Например, и материальный медный прямой угол — после материальных составляющих, и данный прямой угол из линий — после линий. А нематериальный угол — после частей, содержащихся в формуле, но прежде любых отдельных частных углов. Но обо всем этом не скажешь просто. А если душа не то же самое, что живое существо, то нужно сказать, как мы уже говорили, что одни части раньше, а другие — нет.

11

Закономерен тупик: какие части относятся к виду, а какие — нет, но только суть части целого произведения. Пока мы это не объяснили, мы не можем давать определения вещам.

Определяем мы всеобщее и вид; а пока неясно, какие части становятся материей вида, а какие нет, мы не можем вывести ясную формулу вещи.

Если что возникает общего вида в разных вещах, например, можно сделать медный круг, каменный круг, деревянный круг, то понятно, что медь или камень не воспринимают «сущность круга», потому что круг отдельно, а они отдельно. А если мы встречали то и другое только вместе, допустим, круги бы существовали только медные, то судя по всему, было бы точно так же: медь так же не имела бы никакого отношения к виду. Простым разумом было бы непросто оторвать одно от другого.

10366

Скажем, вид человека всегда встречается только в мясе, костях, тела частях. Но значит ли, что это части вида и что они входят в формулу вида? Никак нет, это материя, но из-за того, что мы не видели это в других вещах, то мы и не можем отделить одно от другого.

Но так как мы не знаем, когда именно надо начать отделять, то некоторые встают в тупик перед кругом и треугольником — мол, не нужно ограничивать их линиями и замкнутостью, но что всё это то же, что мясо и кости в человеке или медь и камень в статуе. Они сводят все к числам, и формулируют линию как число два.

А те, кто рассуждают об идеях, одни считают число «два» уже-линией, другие говорят об идее линии, а некоторые — что идея совпадает с ее вещью: двойка и есть вид двойки — хотя с линией уже не так.

Тогда получится, что вид многих вещей один, хотя и грезится нам разным — к этому пришли пифагорейцы. Тогда придется придумать, что один вид вообще для всех вещей, а прочие вещи не виды. Вот вам и всеединство.

Итак, определения иногда нас заводят в тупики; и мы уже сказали, почему. Поэтому лишний труд всё

сводить к одному, убирая материал. Гораздо лучше сказать, что именно так устроено то-то. Сравнение с живым существом (как целым), которое обычно приводил Сократ Младший, ошибочно: оно далеко от очевидной истины и заставляет воображать, будто человек может быть без частей тела, как круг может быть без меди.

Но здесь нет сходства: живое существо — чувственное, и невозможно его определить, не учитывая движения и не учитывая устройства соотношения частей. Не всегда рука часть человека, но только когда она способна выполнять работу — когда она одушевленная; а неодушевленная — даже не часть.

Если говорить о математических вещах, то понимаете, что формула не может распадаться на формулы, и круг определяться как два полукруга. Ведь мы говорим не о чувственных вещах. Или вы не видите разницы?

Да, конечно, и вещь не воспринимаемая чувством, **1037a** может быть из материи; более того, материальны любые вещи, которые не подлинное существование и не вид как он есть, но данная вещь. Поэтому как бы мы ни делили круг, мы не получим составных частей круга, потому что круг — общее понятие. А вот круглые вещи, как мы говорили, состоят из частей, даже если материя этих вещей не чувственная, а умопостигаемая.

Очевидно, что душа — первичное существование, тело — материал, а человек или любое животное существо как целое состоит из тела и души. «Сократ» или «Кориск» может означать либо душу Сократа или Кориска, либо целое Сократа или целое Кориска. Но в простой душе мы можем говорить просто о такой-то душе и о таком-то теле, в целом и по отдельности.

А есть ли какая-то еще материя кроме материи существований, и нужно ли искать какое-то иное суще-

ствование, скажем, числа или что-то такое, об этом поразмышляем потом. Ради этого мы и пытаемся разобратся с чувственными существованиями, хотя в некотором смысле это дело физики как второй философии, созерцать чувственные существования. Физик занимается не только вопросами материи, но и формулами даже в большей степени.

Также мы позднее рассмотрим, в каком смысле формула состоит из частей, и почему определение — одна формула. Конечно, вы скажете, потому что вещь одна, но почему вещь одна, если в ней есть части?

А что такое подлинная сущность, и что такое она как таковая, мы уже сказали в общих словах о любых вещах. Также мы сказали, почему формула подлинной сущности иногда включает в себя части определяемого, а иногда нет. Также мы сказали, что в формулу существования не включатся материальные части — ведь они не части этого существования, но части вещи как целого.

Для существования формула и есть и не есть. Если существование вместе с материей, то формулы нет, потому что материя — сама неопределенность. А если первичное существование, то есть формула, например, человек — это душа.

Существование — это внутренняя идея, из которой и из материи и складывается целостное существование. Скажем, изгиб (из изгиба и носа курносый нос и курносость — «курносость курносого носа»). В целостное существование, курносого носа или Каллия, будет включена также материя.

Также в некоторых вещах подлинное бытие совпадает с отдельностью этой вещи, как в первых существованиях: например, «кривая» и «кривизна» будет одним и тем же, если это первичное существование. Я называю первичным существованием то, что осу-

10376

ществляется не в какой-то другой вещи, за которой стоит материя, а осуществляется само. Если же вещь выступает как материя или как привязанная к материи, совпадения не будет. Так, «Сократ» и «музыкальный» не одно и то же. Тождество может быть только если совпали все признаки.

12

Сейчас мы скажем об определении то, о чем не сказали в «Аналитиках». Там мы не могли понять, как формулы позволяют нам работать с сущностью.

Я говорю о тупике, почему формулой определяется что-то одно. Допустим, мы определяем человека как «двуногое живое существо», пусть будет такая формула. Но тогда почему «живое существо» и «двуногое» — одно, а не два? «Человек» и «белое» — это два понятия, если одно не заявляет о себе в другом, и одно понятие, если одно заявляет о себе как о претерпевании в другом как носителе: «белый человек» — тогда понятие одно.

А здесь одно не участвует в другом: ведь род, как мы все понимаем, не участвует в различиях. Иначе он бы был разорван противоположностями: видовые различия внутри рода доходят до противоположностей. Даже если род причастен различиям, то формула та же, а вопрос стоит о множестве различий: человек «сухопутное двуногое бесперое». Почему это одно понятие, а не много?

Не потому что одно слово вкладывается в другое: тогда бы все сложилось бы внутрь одного. При этом все слова должны быть в одном определении. Определение — это некоторая формула, формула существования, а значит, должна быть формулой чего-то одного. Ведь существование, как мы всегда говорим, это что-то одно и определенное.

Прежде всего нужно разобраться с составом определений. В определении нет ничего, кроме рода, который и ставится на первое место, и особенностей. А если в определении берутся несколько родов, то первый — это род, а следующие — это только включаемые в эти роды особенности.

Скажем, первый род «живое существо», далее следует «двуногое живое существо», а затем «бесперое двуногое живое существо»; так может быть даже больше звеньев.

Но нет в целом различия, говорим ли мы многими или малыми словами, или вообще двумя словами. Если два слова, то одно обозначает род, а другое — особенность. Скажем «живое существо двуногое», «живое существо» — род, «двуногое» — особенность. 1038a

Бывает, что род не существует, а есть только виды рода, или же существует, но только как материя. Скажем, звук — это род как материя, а особенности звука, которые делают из него виды — буквы. Тогда очевидно, что в определение будут входить только формулировки различий.

Можно различать внутри различия; различие различию рознь. Мы отличаем животных с ногами от других животных. Если мы начинаем среди животных с ногами отличать, то нужно отличать именно по этому признаку ног. Нельзя сказать, что одни из них с оперением, а другие бесперые. Если мы так делаем, то только потому, что придумать иначе не можем. Правильно будет говорить, что у одних животных есть пальцы на ногах, а у других нет. Тогда это различие именно ноги: когда мы говорим о пальцах ноги, думаем о ноге. Вот так и надо идти, пока не исчерпаем возможные отличия. Мы получим столько видов ноги, сколько насчитали отличий, и столько же видов животных с ногами.

Если это так, то очевидно, что последнее различие и будет сущностью и определением вещи, потому что мы же не будем в определении несколько раз повторять одно и то же — зачем это надо? Но такое повторение будет, только если сказать «живое существо с ногами двуногое»: тогда мы назвали дважды эти две ноги. А если продолжать деление, то тогда одно и то же мы скажем даже несколько раз, по числу отличий.

Итак, при различии внутри различия последнее различие будет видовым и сущностным. А если различать по признакам, скажем, разделять имеющих ноги живых существ на черных и белых, то число различий зависит от числа выделенных признаков.

Итак, мы объяснили, что определение — формулировка различий, причем при правильном определении берущая последнее различие. Это доказывается при перестановке в определении. Скажем, если сказать, что человек «живое существо двуногое и с ногами» — последние слова будут излишни, мы и так уже знаем, что он с двумя ногами. При этом само существование не ведаёт последовательности: как мы в нем помыслим, что позже, а что раньше? Итак, что до различий в определениях, на этот раз сказано достаточно об их качестве.

13

10386 А так как мы занимаемся существованием, то вернемся к нему. Существованием называют и то, что стоит за вещами, и подлинную суть вещей, и сочетание того и другого, и нечто всеобщее. О первых двух мы уже говорили, и о «самой сути» и о «стоящем за ними», что здесь бывает два смысла: и смысл «данности», как живое существо данность для своих страстей, и смысл «материи» для осуществленности.

Некоторым кажется, что всеобщее — это самая причина вещей, и что начало всеобщее. Вернемся и к этому вопросу. Судя по всему, мы бессильны назвать сущностью что-либо, о чём мы говорим в общих словах.

Прежде всего, сущность у каждой вещи своя у каждой, какой нет у другой вещи, а в общих словах мы и говорим об общих свойствах. Поэтому всеобщее, конечно, приложимо ко многому. Тогда сущностью чего будет общее? Или всех вещей, или ни одной. Невозможно быть сущностью чего угодно. А если оно будет сущностью какой-то вещи, то и все другие вещи станут той же вещью. Если одно существование и одна подлинная сущность — то и вещь одна.

Далее, сущность сама не определяет положение вещей, а общее всегда определяет положение вещей.

Но может быть, общее не существует как подлинная сущность, но заявляет о себе внутри другой сущности, как внутри человека и лошади заявляет о себе живое существо? Конечно, тогда сущность как-то формулируется; но непонятно, всё ли в сущности схватывает эта формула. Пусть формула схватывает не все, но сущность уже успела заявить о себе: в человеке вполне заявила о себе сущность человека, и произошло наложение. Скажем, «быть живым существом» — это существовать как тот, в ком заявляет о себе как «своё» бытие живым существом.

Невозможно и немислимо, чтобы «данность» и «существование», если они сложные, складывались не из сущностей и не из данных вещей, но из качеств. Тогда качество существования, только указывающее на определенность, возьмет верх над существованием. Но такого быть не может: ни по формуле, ни по времени, ни по возникновению не могут качества и перемены встать выше существования, иначе бы они давно бы вели самостоятельную жизнь.

Тогда внутри сущности Сократа заявило бы о себе сократовское существование, и существование стало бы двойным. Итак, получается, что ели человек, со всем что о нём говорится — сущность, то ничто из входящего в формулу не может стать сущностью и заявить о себе отдельно или в качестве чего-то другого. Скажем, нет никакого «живого существа» кроме отдельных живых существ, и формулу мы не можем разобратить на отдельные существования.

1039a Если охватить взором всё это, ясно, что никакое из общих заявлений не сущность, и если мы что-то относим к общему разряду, то указываем не на саму вещь, а на общее качество. Иначе у нас получится всякое разное, особенно «третий человек».

А так еще яснее: нельзя существование сложить из существований, заявленных как сбывшиеся. Если сбывлись два существования, то это не одно сбывшееся существование. Только если это две динамики, только тогда они могут сбыться как нечто одно: скажем, двойчатка состоит из двух половин, которые — возможности двойчатки: как только она завершилась, на половине она только делится.

Если дано существование, то в его составе не могут заявить о себе другие существования. В этом смысле правильно говорит Демокрит: нельзя из одного делать два или из двух одно. Поэтому Демокрит придумал, что сущности — неделимые величины.

Очевидно, что так же будет и с числом, потому что число состоит, как некоторые говорят, из единиц. Тогда двойка или не единственного числа, или же единица в ней не довершилась.

Здесь мы опять в тупике. Если из всеобщего никакая сущность не сложится, потому что общее не может указывать на данность, но только на качество, и если невозможно составить сущность из довершенных сущ-

ностей, то никакая сущность не сможет быть составной, и ни для какой сущности тогда нельзя подобрать формулу.

Но все думают, и мы уже об этом говорили много раньше, что определяем мы сущность или по преимуществу сущность; а теперь оказывается, что сущность мы определить не можем. Тогда ничего вообще мы определять не можем, или определять можем только на каком-то повороте речи, а на каком-то — не можем. В дальнейшем мы достигнем ясности в этом вопросе.

14

Очевидно из сказанного, что получается у тех, кто говорит, что идеи — отдельные сущности, и одновременно придумывает, что вид состоит из рода и отличительных особенностей. Ведь если «идеи» есть, и «живое существо» и в человеке и в лошади, то либо это одно «живое существо», либо всякий раз разное. Если исходить из формулы, то одно, потому что мы говорим о разных вещах, но всякий раз говорим одно: «живое существо». А также если есть «человек сам по себе», как определяемое отдельно, то необходимо, чтобы его составные части, как «живое существо» и «двуногое» тоже имели бы свое значение и имели бы обособленное существование. И то же самое нужно сказать о «живом существе».

Но если и в человеке и в лошади это одно и то же самое, как ты сам для себя один, то как же одно и то же будет оставаться одним в отдельных вещах, и не получится ли, что «живое существо» отделится от самого себя?

10396

А если еще приобщить к живому существу «двуногое» и «многоногое», то выходит что-то невозможное: в одном заявляют о себе противоположности, а оно остается од-

ной и той же данностью. А если эти слова не приобщаемы, то как можно говорить, что животное на двух ногах и оно обитает на суше? Может, эти слова сваялись, слиплись и уже смешались? Но это совсем уж никуда.

А если каждый раз «живое существо» значит другое? Тогда, как говорит поговорка, сколько случится, столько сохранится. И так до бесконечности: ведь мы извлекаем «человека» из «живого существа» не как случайный признак.

Тогда и само «живое существо» превратится во множество: в каждом живом существе «живое существо» будет сущностью. Нельзя было бы тогда употреблять слово «живое существо» в одном значении для живого существа в другом значении, потому что иначе, например, свойства человека сводились бы к родовому свойству «живое существо». Тогда еще и всё, из чего состоит человек, было бы идеями. Но не может быть идея одной вещи существованием другой вещи: это невозможно. Тогда, получается, каждая из составляющих каждого живого существа будет тоже живым существом... Но как может быть живое существо от другого и от себя самого? И как вообще возможно такое живое существо, которое само себе существование, но существует вовсе не оно, а его составляющие?

А если распространить сказанное об идеях и на чувственный мир, то получится еще больше негодного. Но если это невозможно, то стало очевидно, что нет тех «идей», о которых так говорят некоторые философы.

15

Так как слово «сущность» имеет два смысла — «целое» и «формула» (можно говорить о сущности как о соединении формулы с материей, а можно говорить как о формуле вещи), то сущности в смысле целого разру-

шимы (и возникают), а в смысле формулы нерушимы (и не возникают: нельзя стать просто домом, но можно только вот этим домом). Так что сущности не знают возникновения и уничтожения, и поэтому бывают и не бывают: ведь доказано, что никто их не производит и не придумывает.

Поэтому для чувственных существований отдельных вещей нет определений и доказательств. Они имеют материю, природа которой такова, что данная вещь может быть, а может и не быть. Поэтому все такие отдельные существования разрушимы.

Но доказывать можно только необходимое. Определять можно только научное. Поэтому как наука не может быть то знанием, то невежеством, хотя мнение может быть таким, так не может быть то тем, то другим доказательство или определение, — а иначе оно будет лишь мнением.

Очевидно, что тогда не останется ни определений, 1040a
ни доказательств. Разрушимое неясно для пользующихся наукой, как только исчезает из нашего чувства: и хотя меры этих вещей и остаются в душе, уже нет им ни определения, ни доказательства. Поэтому если кто-то решит по правилам определения определить отдельную вещь, он должен не забывать, что всегда такое определение опровержимо, потому что такие вещи не допускают определения.

Также невозможно давать определения идее. Ведь про идею говорят, что она есть у каждой отдельной вещи и что она всегда отдельная. Но неизбежно формула состоит из имен; и тот, кто дает определение, не придумывает имена (ведь они тогда были бы неизвестны всем остальным людям), но говорит полагающиеся слова, общие для всех таких вещей. Неизбежно тогда те же имена можно выявить и для других отдельных вещей.

Допустим, кто-то будет давать определение тебе. Он скажет, что ты «живое существо худое, белое и т.д.» — но всё это проявилось и в ком-то еще.

Если же кто скажет, что нет никаких препятствий к тому, что эти определения предназначены для многих, но в таком сочетании они заявлены только в каком-то одном человеке — то нужно ответить, что во-первых уже к двум, «двуногое живое существо» — это и «живое существо» и «двуногое». А вот в вечных вещах даже неизбежно такое, раз они предшествуют любому такому сочетанию как части. Тогда и вечные вещи могут все существовать отдельно, если отдельного человека делает отдельным слово «человек». Если всё одно, то и род это вид, но если род — не вид, то тогда они отдельные. Во-вторых, род и вид предшествуют отдельной вещи, и отдельная вещь не может их отменить.

Далее, если идеи из идей (более сложные из более простых), то тогда и части идеи, «живое существо», «двуногое», будут идеями ряда вещей, а иначе они не будут познаны. Допустим, есть какая-то идея, которая не пускает к себе в ряд больше одной вещи. Никто так не думает: любая идея допускает приобщение к себе.

Как-то люди забывают, что нельзя давать определения вечным вещам, особенно единичным, как солнцу или луне. Они погрешают не только тем, что прибавляют к определению что-то, без чего солнце останется солнцем, вроде «идущее вокруг земли» или «не видимое ночью», как будто если солнце остановится и будет видно всю ночь, оно перестанет быть солнцем — что никуда, если солнце — это некоторое существование.

10406 Итак, формула всегда общая. А солнце — единичная вещь, как Клеон или Сократ.

Вот почему никто из говорящих об идеях не дал определения ни одной идее? Из этих попыток стало бы ясно, насколько правы мы в только что сказанном.

Очевидно, что хотя многое считается существующим, по большей части это существует только в возможности. Таковы части животных — их нельзя отделить от животного; а если отделить, то это будет просто материя. Таковы же земля, огонь, воздух. Они не едины, но как болтанка, пока не выпадет всё в осадок, ничего единого из них не получится.

Конечно, допустимо говорить, что части одушевленных существ и части души стоят очень близко: их существование и завершенное, и динамичное. В своих складках они имеют источники движения. Поэтому некоторые животные даже разрубленные всё равно живы.

Но части животных — это возможности; а животное одно и неразрывно от природы, а не от насилия или сращивания, что было бы уродованием.

Так как об «одном» мы можем сказать то же, что о «существующем», и существование одного едино, и что числом единица то и единственно по числу, — то ясно, что ни «одно», ни «существующее» не может быть сущностью всех вещей; как нельзя свести бытие и к элементу или к началу. А сейчас посмотрим, что такое начало, чтобы пойти от более известного.

Сущность и единство ближе к понятию существования, чем принцип, элемент или причина. Но они еще не само существование, потому что одно существование не может быть общим для многих. Существование знает себя и знает своего носителя, который и существует этим существованием.

То что существует «разу», не может быть во многих местах, а общее заявляет о себе сразу во многих местах. Так что очевидно, что всеобщее нигде не может проявиться, кроме как в каждой вещи по отдельности.

Те, кто говорят об «идеях», те правы в том, что если идеи существуют, то они должны быть отдельными, но неправы в том, что приписывают одну «идею» сразу многим вещам. Дело ведь в том, что невозможно воспроизвести такие нетленные существования иначе, чем в отдельных чувственных вещах. Поэтому такие философы изобретают идеи по виду те же, что и уязвимые мирские вещи, которые мы как раз знаем, «самочеловека», «самолошадь», — просто прибавляя к чувственной вещи наречие «само».

1041a Но хотя мы и не рассматривали звезды всю вечность, думаю, что они не меньше могут быть признаны вечными сущностями, чем те, которые мы могли бы узнать. Поэтому, хотя мы и не знаем, что это за вечные существования, нужно признать их необходимость.

Итак, мы выяснили, что то о чём мы говорим в общих словах, это не сущность; и что сущность нельзя складывать из других сущностей.

17

Что нужно говорить и в каком качестве о сущности, мы скажем, как бы придумав совсем новое начало. Может, мы уясним себе из этого и ту самую сущность, которая далека от чувственных существований. Так как сущность — как-никак начало и причина, пойдём отсюда.

Поиск причины возникновения всегда ведется так. Ставится вопрос: «Почему в чём-то одном заявило о себе что-то другое?» Чтобы найти причину музыкальности человека, нужно указать, что именно делает человека музыкальным; и так во всех случаях. Ведь просто указывать на причину данного состояния — значит, ничего не искать. Ведь тогда и предмет разговора, и заявленное в вещи бытие уже понятно, как понятно,

что именно происходит при затмении луны: мы просто это называем. А чтобы сказать, почему данная вещь именно такая, достаточно одной формулировки и одной причины: человек он и есть человек, музыкальный человек он и есть музыкальный человек. Конечно, кто-нибудь скажет, что быть одним — это еще и быть неделимым, и оставаться самим собой... Но это общее для всех вещей, поэтому и сводится к одной формуле.

Но может, кто-то спросит, почему данное живое существо — человек. Тогда очевидно, что вопрос не в том, почему тот, кого мы называем человеком, человек, но именно в том, почему человек заявил о себе в данном живом существе. Очевидно, что заявил, иначе и спрашивать не о чем.

Такие же вопросы: Почему гром? — Почему возникает шум в облаках? Искомое здесь: почему нечто проявляется в чем-то другом? И почему это из этого? Почему были только кирпичи и камни, а теперь дом? Очевидно, что нужно найти причину.

Причина, если рассуждать логически, это самая глубинная суть. У некоторых вещей причина — это цель их создания: у дома, у кровати. У некоторых вещей — то, что их в начале привело в движение: чем это не причина? Но такую причину как исток ищут, когда выясняют, как вещь возникла и как разрушается, а причину как цель ищут, когда выясняют, как вещь существует.

Чаще всего мы забываем сами, что мы ищем, когда мы не сопоставляем одно с другим, скажем, спрашиваем «Что такое человек?» не уточняя и не разграничивая, что быть таким-то это быть тем-то. Но задавать такие вопросы можно только членораздельно. А иначе вообще безразлично, всё равно что ищем мы, что не ищем.

А так как бытие должно держаться на себе и заявлять о себе, то очевидно, что вопрос о том, почему мате-

10416

рия есть и «что-то». Например, почему это — дом? Потому что в нем заявило о себе осуществление дома. Почему это — человек, почему это — его тело, так устроенное? Итак, спрашивают о причине материи, делающей ее чем-то, каким-то видом, а делает ее такой сущность.

Итак, очевидно, что о простых вещах нельзя спрашивать и нельзя учить, но как-то иначе надо с ними разбираться.

Но какова составная вещь, ставшая всеединой — не такой как куча, а такой как слог. Слог — это не просто буквы, россыпи букв недостаточно для слога. Таково же мясо: огонь и земля. Рассыпешь их, и нету уже мяса. Слог как мясо, а буквы как огонь и земля.

Итак, слог это что-то определенное: не только гласные и согласные буквы, но и что-то еще, как и мясо не только огонь и земля, или тепло и холод, но и что-то еще. Неизбежно это «что-то еще» или элемент, или сложено из элементов. Если элемент, то мы просто еще раз повторим то же умозаключение: «мясо состоит из огня, земли и элемента икс» и так до бесконечности.

А если «что-то еще» сложено из элементов, то элементов тогда больше одного, больше по числу, чем это «что-то». Так что мы к нему просто применим ту же формулировку, что к мясу или слогу.

Поэтому согласимся с тем, что данная определенность — не просто элемент, но причина того, что одна вещь — мясо, а другая вещь — слог. Так же будем судить и о других вещах.

Такова сущность всякой вещи; а сущность — первопричина бытия. А так как не все вещи сущности, но только те вещи сущности, которые образовались от природы и как велит природа, то ясно, что сама природа — сущность. Природа — не элемент, но принцип. А элемент — это то, на что раскладывается вещь как на свое материальное содержимое, как А и Б в слоге.

КНИГА 8 (8)

УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ

Сказанное позволяет уточнить формулировки и подвести итоги главы. 1042а

Мы говорили, что при исследовании сущностей нужно обращать внимание на причины, начала и элементы. Среди этих сущностей некоторые признаются всеми, а отдельные сущности признаны только частично. Все признают физические сущности, как огонь, землю, воду и воздух и прочие простые тела; также все признают живых существ, и что живые существа состоят из частей; наконец, все признают существование неба, и что небо делится на части. Некоторые также признают существование идей и математических явлений.

Мы смогли сформулировать, что существуют и такие сущности, как самая суть вещей и как стоящий за вещами субъект. Говорят также, что род существеннее идей-видов, а всеобщее — отдельных вещей. Но тогда приходится наряду со всеобщим и родом признавать идеи, — потому что все эти три вещи будут сущностями по одной и той же формуле. Так как самая суть вещей — это сущность, и формула ее и есть ее определение, — то что содержится в определении ее, то содержится и в ней самой. И раз определение — формула, а формула состоит из частей, то нужно рассматривать все эти части, какие части составляют сущность, а какие не могут составить сущность; иначе говоря, какие входят в определение,

а какие не входят. Мы убедились, что ни всеобщее, ни родовая принадлежность — не сущности, а об идеях и математических явлениях подумаем потом. Некоторые говорят, что это сущности, но не чувственные сущности.

Теперь приступим к признанным сущностям. Все признают существование чувственных сущностей, а любая чувственная сущность имеет материальный носитель. Подлежащее (субъект) — это тоже сущность, включающая как материю (материя еще не стала вещью на деле, но всегда успеет стать вещью), так и формулу и форму, которая своей вещественностью обособляется от формулы, а также соединение материи и формы, из-за чего она появляется и исчезает, и наконец, способность быть просто и отдельно, которую формула может дать, а может не дать.

Очевидно, что материя — это тоже сущность. Несмотря на все переходы в противоположное состояние, за этими переменами стоит самостоятельная сущность. При перемене мест, остается то бытие, которое сейчас здесь, а завтра там. При росте есть бытие, которое сейчас такого размера, а потом больше или меньше. При измене себе бытие сейчас здоровое, 10426 а после изможденное. Даже если сущность меняется, то что-то стоит и за ее возникновением, и за ее концом: просто это будет тогда субъект присутствия, а после субъект отсутствия. За изменением сущности следуют и прочие перемены; а если просто происходит одна или две перемены, прочее не торопится меняться. Скажем, материя изменила место, но за этим не следует, что она возникла или кончилась. В книгах по Физике мы говорили, в чём различие между простым возникновением и сложным возникновением.

Все признают, что субъект и материя — сущности, хотя еще и не на деле. Поэтому нужно сказать, как чувственно воспринимаемые вещи существуют, проявляясь на деле.

Демокрит, видимо, догадался о трех различиях: у него стоящее за всем тело — материя — одно и тождественно себе, а различаются вещи либо ритмом (наличной формой), либо обращением (местом), либо смежностью (порядком расположения). Но ясно, что различий гораздо больше.

Некоторые вещи мы называем по особенностям соединения материи: бывает слияние, как в медовухе, бывает связь, как в пучке, бывает склейка, как в книге, можно соединять гвоздями, например, сундук, и т.д. Некоторые вещи различаются только положением, как порог и притолока — разница только в какой они части дома. Некоторые — по времени, как завтрак и ужин. Некоторые — по месту, как разные ветра. Некоторые — по воздействию на наши чувства: жесткое и мягкое, густое и разреженное, сухое и влажное. Некоторые вещи различны по отдельным из названных признаков, а некоторые — по всем признакам; и бывает, что в одной вещи этого признака больше, а в другой меньше.

Отсюда очевидно, что и о бытии вещей говорится в огромном количестве смыслов. Можно сказать, что порог «есть», потому что положен снизу; и тогда для порога «быть» это и значит лежать внизу. А «быть» льдом — это быть вот таким замерзшим.

У некоторых вещей в бытии сошлись все эти определенности: в них и смешение, и слияние, и связь, и густота. Можно найти и другие различия, скажем, выделяя руку или ногу.

Поэтому сначала сведем различия к родам различий, потому что без этих родов никакое бытие у нас не начнется. Таковы различия «больше-меньше», «гуще-жиже» и другие такие же, работающие на увеличение или уменьшение. Если что-то отличается формой, которая может быть гладкой или шершавой, то это различие в конце концов между прямой и изгибом. У таких вещей бытие всегда смешанное, уберем смешение — исчезнут сами вещи.

1043а Из этого очевидно, что если существование — причина бытия всякой вещи, то среди всех отличительных особенностей каждой вещи и нужно искать эту причину бытия. Конечно, существование не сводится ни к различиям, ни к парным свойствам, но только к пропорциональному их сочетанию. Скажем, мы не можем понять, как в материи возникает существование, пока не увидим материю в действии. Только смотря на действие, мы определимся с существованием.

Скажем, надо определить, что такое порог. Мы скажем, что вот там положена вещь из дерева или камня. Или что такое дом — скажем, что здесь стоит и состоит из кирпича и дерева. Для некоторых вещей надо указать также предназначение. Или что такое лед — это застывшая или сгустившаяся здесь вода. Или что такое гамма — это смесь мажора и минора. Так же нужно определять и все прочие вещи.

Итак, понятно, что различная материя различается на деле и требует различной формулы. Для одних вещей формулой будет разложение на части, для других — смещение частей, и всё, что мы говорили. Если кто скажет, что дом — это просто камни, кирпичи и дерево, то он определит только возможность дома, ограничившись материей, а если сказать, что дом позволяет держать вещи под крышей, и лицам («телам») укры-

ваться под крышей, или еще что доскажем, то показываем, как оно на деле.

А можно из материи и дела составить третье определение, двойного их существования. Мы догадываемся, что отличая вещь от других, мы создаем формулу ее видовой принадлежности и проявлений на деле, а указывая на внутреннее содержание вещи, мы занимаемся ее материей.

Так выглядят и определения Архита: они и про материю, и про проявление на деле. Скажем, что такое безветрие? Спокойствие воздушной массы. Воздух — материя, а дело ее и существование ее — покой. Что такое штиль? Ровно легшее море. За этим определением стоит материя моря, а ровная поверхность бывает всегда на деле и оказывается ее формой. Очевидно из сказанного, какое существование и как открывается нашим чувствам. Мы видим его то как материю, то как форму и действие, то как итог их сложения.

3

Следует твердо знать, что иногда путаются, что означает имя — сложную сущность, или дело и форму. Скажем, «дом» — это общее обозначение для крыши, положенной на кирпичях и камнях? Или это описывается дело и видовой принадлежность: крыша как то, чем вещи накрыты? Или линия, это «два уходящие в длину конца» или «о двух концах»? И живое существо, это «душа в теле» или «одушевленное»? Ведь душа — это существование тела на деле.

Живое существо определяется и по видовой принадлежности, и в деле: не потому, что всё это вписывается в одну формулу, но потому что относится к одному предмету. Бывает, что видовой принадлежность и дело расходятся, но это ничего не значит при исследова-

10436 нии чувственной сущности: ведь самая суть и отражается в видовой принадлежности, и проявляется на деле. Всё равно сказать «душа» и «бытие души», но не всё равно сказать «человеку» и «человеческая жизнь»; разве что мы будем называть человеком только человеческую душу, но это не всегда уместно.

Исследование показало, что нельзя сказать «слог состоит из букв („элементов“) и связей» или «дом состоит из кирпичей и состава». Действительно, от того, что мы соединяем или смешиваем вещи, мы не получаем соединения или смешения вообще, как такового. Так всегда: если мы определяем порог по его месту, то от этого не начинает существовать «место порога», но есть только порог, который стоит на своем месте.

Также нельзя определять человека как «двуногое живое существо», но найти еще что-то для определения. Если это будет материальный носитель, то это должен быть не элемент и не производное от элемента, но само существование. А иначе у нас останется только материя; но раз причина, по которой человек стал человеком, и есть сущность человека, то можно определять человека, а не существование человека.

Ведь если мы определяем не вещь, а существование, то существование будет вечным или возникающим и тленным. Но само по себе существование не может возникать или уничтожаться, а только вещь. В другом месте мы доказали и объявили, что невозможно сочинить или произвести видовую принадлежность, но можно сочинить вещь или произвести вещь от другой вещи. Мы еще не выяснили, можно ли обособить существование от тленной вещи. Очевидно только, что есть вещи, которые обособления собственной сущности не допускают. Таковы все составные вещи, как любой дом или любой инструмент.

Получается, нельзя говорить о существенном существовании ни домов с инструментами, ни всего, что не природа составила. А лучше признавать природу существованием (сущностью) всех подверженных распаду [тронутых распадом] вещей.

Отсюда последователи Антисфена и другие малообразованные люди зашли в тупик и тупят, не без повода, конечно, отказываясь определять, что есть что. Они говорят, что определять вещи — громоздкое занятие. Они говорят, что можно только показать и научить, какой бывает вещь: например, нельзя сказать, что такое серебро, но можно сказать, что оно блестит как олово.

Мы скажем, что для сущности вещи есть определение и есть формула, если она состоит из частей; независимо от того, доступна ли она чувствам или только уму. А первые начала определить нельзя, потому что определяющая формула всегда соотносит равные вещи, разлагая их на материю и форму.

Очевидно, что если мы сведем существования к числовым параметрам, то это потому, что в них всё можно посчитать, а не потому, что, как некоторые говорят, вещи — это единицы. Определяя, мы ведем подсчеты, рассматривая, что в определении делится, а что не делится, чтобы не множить формулы до бесконечности, а получить числа. Как если от числа отнять или прибавить часть, это уже будет другое число, — даже если отнимаем и прибавляем наименьшее значение. Так же точно определение вещи и самая ее 1044a суть изменятся, если хоть какую-то часть отнять или прибавить.

Поэтому число должно срабатывать как именно это число, а вот те философы не могут сказать, какая часть делает число этим числом. Нам же нужно единство, а не нагромождение признаков; а для этого нужно

уметь вычислить, когда признаки мы смогли объять одним числом. Определение тоже должно быть одним, но эти философы не могут даже с этим справиться. Иначе и быть не могло: мы получаем сущность, когда мы получили формулу.

Мы получаем числовое выражение вещи не потому, что сама вещь — это единица или точка, но потому, что сама она живет и сама знает свою природу. Как число есть число, а не «большее» или «меньшее», так и существование не может довольствоваться только видовой принадлежностью, а исходит из материи.

Итак, мы разобрались с появлением и гибелью существований, что возможно, а что невозможно; и как сущность возводить к числу.

4

О материальном существовании прежде всего нужно знать, что даже если в начале было только одно начало или один набор начал, и даже если мы будем считать, что одна и та же материя всё производит, всё равно у каждой вещи окажется знакомая именно ей материя.

Скажем, слизь восходит к сладкой и жирной пище, а желчь — к горькой, и т.д. Но может быть, вся пища — это одна материя. Но точно мы встречаем много материй, когда материя — материя для материи. Например, слизь восходит к сладкой и жирной пище, а жирной пищей становится та пища, которая сладкая; и желчь тоже чем-то становится, если ее вернуть к ее истоку. Одно становится другим или когда уходит прочь, или когда возвращается к истоку.

Но также из одной материи можно произвести разные вещи, привнеся движение: из дерева можно сделать и сундук, и кровать. А можно по различию вещей

догадаться о различии материй: не делают пилу из дерева, как ни бейся — ни из шерсти, ни из дерева пила не получается. А если одну вещь можно сделать из разных материй, то значит, для разных материй будет употребляться разное искусство («готовка»), которое и будет стоять при начале изменений. А если и материя другая, и изменение, то и возникнет что-то совсем другое.

Если мы ищем причину вещи, то так как слово «причина» имеет много значений, то лучше назвать все предполагаемые причины этой вещи. Например, какова материальная причина человека? Месячные циклы. А какова движущая причина? Сперма. А какова видовая причина? Самая суть его бытия. А какова целевая причина? Итог его жизни, хотя возможно «цель» и «итог» значат одно и то же.

10446

Нужно называть ближайшие причины вещей. Что такое материя? Не надо говорить, что огонь или земля; но что это — материя данной вещи. Если мы говорим о вещах, созданных природой, следует предпочитать самые простые объяснения, какие это причины, сколько их, и почему мы именно их распознали.

А для существований природных, но вечных, формула другая. Некоторые из них могут не иметь материи, или же их материя будет сводиться только к перемещению с места на место. Если вещь от природы, но нельзя сказать, что она существует, то тогда у нее нет материи, а просто за ней стоит некоторая сущность. Так происходит при затмении: затмение не существует, а просто луна что-то претерпевает. А почему свет изменился и исчез? Земля вмешалась. А целевая причина затмения какая? Догадываюсь, что ее просто нет. А видовая причина — это сама формула затмения, которая не очевидна, пока мы не знаем, зачем и почему бывают затмения.

Мы определяем, что такое затмение, и говорим, что это обесшечивание. А если мы прибавим «из-за вмешательства земли», то в формуле появится причина. А когда мы говорим о сне, то не видим, что в первую очередь спит сном. Допустим, живое существо спит. Но когда живое существо засыпает, что в нём начинает спать? Сердце или что-то иное? И что воздействует тогда на сердце, что оно начинает спать? И как можно погрузиться в сон только сердцем, а не всецело? Можно ли сказать, что сон — это неподвижность? Да. Но тогда что приводит в действие эту неподвижность?

5

Затем, некоторые вещи не возникают и не исчезают, как скажем, точки, если можно вообще говорить о них как о существованиях, и вообще виды. Не бывает просто белого, бывает белое дерево, про которое мы можем сказать, что это и откуда. И не все противоположности возникают друг от друга: одно дело — получить белого человека из черного человека, а другое — белый цвет из черного цвета. И материя есть не у всякой вещи, но только у произведенных вещей, способных превращаться в другие вещи. А если вещь может исчезнуть, не превратившись при этом во что-то другое, то материи этой вещи нет.

Мы в тупике: а можно ли найти противоположные материи? Например, тело бывает здоровым, здоровью противоположно болезнь, — и можно ли сказать, что тело бывает точно так же больным? Можно ли сказать, что вода может стать вином, а может стать уксусом? Или здоровье и вино — это действительные виды вещей, а болезнь и уксус — враждебные природе разрушение вещей? Тупик здесь в том, что вино — не материя уксуса и даже не возможность уксуса, хотя уксус

и получается из вина, иначе можно было бы сказать, что если живой может умереть, то жизнь — материальное содержание смерти.

Или же разрушение — это свойство существования, а не существование, а материя жизни, подвергаясь разрушению, становится не только материей смерти, но и возможностью смерти? Также и вода после не просто изменения, но и разрушения становится уксусом; так и ночь сменяет день, и отменяя его, и продолжая его. Поэтому если что-то превращается в свою противоположность, нужно сразу идти к материи всех этих возможностей превращения: для мертвого существа этим будет не живое существо, но сама живая материя, и для уксуса — не вино, но вода.

6

Также мы встаем в тупик перед определениями и исчислениями, потому что не можем понять, почему разные параметры относятся к одной вещи. Вещь состоит из нескольких частей, но они не сложены грудой, а соединяются в целое, существующее помимо частей. Но какова причина существования этого целого? В некоторых телах целое получается, когда мы вещь собрали, в других — когда вещь склеили, или как-то еще с ней обошлись. А определение становится единой формулой вещи не потому, что в нем есть связность, как в «Илиаде», но потому что оно относится к одной вещи.

Что делает человека единым, и почему человек — это единица, а не множество, состоящее из «живого существа» и «двуногого»? Тем более, некоторые считают, что существует «живое существо» вообще и «двуногое» вообще. Но эти два существования — еще не человек: и вряд ли можно считать, что человек не остается че-

ловеком, но принадлежит к «живым существам» и принадлежит к «двуногим», так что на самом деле человек — это два человека, «живое существо» и «двуногое».

Очевидно, что если исходить из логики определений, то невозможно дать себе отчет и выйти из тупика. Но если мы, как и раньше, будем различать материю и форму, и будем различать возможность и проявление на деле, то все тупики исчезнут, будто их и не было.

Конечно, мы зайдем в тупик, если будем определять панцирь как изогнутую медь. Да, такое обозначение делает из именованной формулу, заставляющую задуматься, почему изгиб и медь образуют нечто одно. Но нет никакого тупика, если мы знаем, что изгиб — форма, а медь — материя.

А какова причина возникновения и производства вещей, когда возможность проявляется на деле? Нет никакой другой причины для того, чтобы возможный шар стал действительным шаром, кроме того, что самая суть шара всегда та же. А материя меняется: в возможности она доступна только уму, а на деле доступна и чувству. Если мы определяем саму формулу, нужно уже различать материю и действительность и определять круг как фигуру на плоскости.

А если вещь не имеет ни доступной уму, ни доступной 10456 чувству материи, то она всегда имеет только какой-то один параметр: место, качество или количество. Определяя такие вещи, мы не будем говорить ни о существовании, ни о единстве, но только, что в самой сути своей эти вещи существуют только как единицы.

А если самая суть этой вещи в том, что она существует как единица, то нет никакой другой причины ее единства, кроме ее существования в качестве данной вещи. Любая такая вещь и существует, и едина не

потому, что она принадлежит к такому роду как бытие и к такому роду как единство, но потому что ее существование может состояться только как что-то одно.

Некоторые пытаются выйти из тупика, вводя слова «причастность», но при этом сами не знают, как получить причастность и как ей пользоваться. Некоторые говорят о сосуществовании: скажем, Ликофрон определяет науку как сосуществование знания и души. Некоторые говорят о союзе или связи, определяя жизнь как связанность души с телом.

Но плохо то, что тогда одна и та же формула годится для любых вещей: можно сказать, что здоровая жизнь — это и сосуществование, и связь, и соединение здоровья и души, и что медный треугольник — союз меди и треугольника, и что белый цвет — соединение явленности и белизны. Такие философы пытаются найти объединяющую формулу и признак различия для возможности и для сбывшегося.

Но как мы уже говорили, материя в конце концов совпадает с формой просто потому, что материя — возможность вещи, а форма — ее же действительность. Поэтому всё равно ли, спрашивать о причине вещи или о причине ее единства: если у нас есть вещь, то она будет вещью и в возможности и в действительности; и единственной причиной такого единства будет само ее движение от возможности к проявлению на деле. А где нет материи, там есть только простейшая единичность.

КНИГА ⑨ (9)

**УЧЕНИЕ О ВОЗМОЖНОСТИ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Мы сказали о первом существовании, к которому восходят все разряды существования — его мы и называем самим существованием. Ведь о чем бы мы ни говорили, мы вводим формулу существования: мы говорим «существующее количество» или «существующее качество», а не просто количество или качество, и т.д. В формулу любой вещи входит ее существование, как мы и говорили выше.

Но говорят не только о существующем количестве и качестве, но и о возможном или сбывшемся существовании, о проявленном на деле существе. Поэтому разберемся, чем возможность отличается от события; а для этого нужно сначала узнать, что называется «возможностью» в собственном смысле слова, словно мы пропадем, если не решим этой задачи.

О затаенной возможности и проявлении на деле пока говорят в основном только, когда изучают движение. Мы скажем об этом; и когда мы разграничим разные проявления действительности, можно будет сказать и о том, как еще могут осуществляться возможности. 1046a

В другом месте мы уже разобрались, что слово «возможность» и понятие о возможном употребляется в самых разных значениях. Мы опустим все значения, совпадающие только по имени, как скажем «возможностью» называют взаимное подобие, когда в геометрии говорят о взаимно возможных или взаимно невозможных величинах.

В вещах одного вида возможности всегда стоят при начале существования этого вида, восходя к первичной возможности вещи превратиться в другую вещь или остаться другой. Затронутая этой возможностью, вещь и начинает быть уже не совсем собой.

Но также вещь, еще не проявив себя, недоступна худшему развитию событий, когда она будет испорчена или погибнет в ходе изменений. Разграничивая область возможного для вещи еще непроявленной, мы и уточняем формулу первичной непроявленности.

Сокрытость вещи может означать, что вещь еще ничего не сделала и ничему не подверглась, а может означать, что ничего не сделала и ничему не подверглась правильно (так чтобы мы могли это изучать): поэтому формулы вещей должны включать формулы первичной нераскрытости.

Очевидно, что и действовать и страдать — одна динамика. Ведь если вещи хватает сил, чтобы перенести страдание, то в отношениях другой вещи с ней, это сила действием причинить страдание. Но в этой одной динамике есть и различие.

Ведь когда вещь страдает, она страдает не только потому, что есть исток страдания, но и потому что есть материя страдания, и они заражают друг друга страданием: жир воспламеняется, гнущееся ломается, и т.д. Равно и поэзия жизни всегда требует субстрата: чтобы что-то обжигало, оно должно воспламениться, и чтобы строить дом, нужен строитель. А если вещь сама себе природа, то она не причиняет себе страданий, а просто всегда остается собой.

Отсутствие сил и возможностей — это бессильная невозможность, хотя и направлена на то же, что и возможность. Это отсутствие будущих проявлений, в разных смыслах. Можно назвать и просто отказ что-то иметь, и привычку ничего не иметь, или полную не-

хватку, или обычную нехватку, или нехватку именно этого — полностью или частично. А в отдельных случаях мы говорим об отсутствии, когда привычное имущество отнято силой.

2

А так как в неодушевленных вещах кроется одно, а в одушевленных совсем другое, как и в самой душе и в самой формуле души, то ясно, что возможности 10465 даются или не от разума, или от разума. Все искусства и поэтические науки существуют и до проявления, но именно они позволяют превратить одну вещь в другую.

Внушенные разумом возможности могут привести к противоположным действиям, а возможности, в которых нет разума, проявляются только в каком-то одном действии. Тепло может только согревать, а врач может вылечить, а может не вылечить.

Дело в том, что разум — это всегда знание, и в нем формулируется как то, что на самом деле, так и то, чего еще нет на самом деле, хотя и не одинаково: знание всегда склоняется к тому, что проявилось на деле. Так что хотя знание охватывает необходимо и присутствие, и отсутствие дела, первое оно берет как само собой разумеющееся, а второе не как само собой разумеющееся. Первое формулируется как оно есть, а второе — по какому-то признаку, так как доказывает от противного, отказывая формулам и отрицая понятия. Ведь отсутствие само существует от противного, и для понимания нужно уметь отвергнуть противоположное.

И так как противоположные начала не сойдутся и не примирятся в одной вещи, а знание — это возможность формулировать мысли, а душа — источник любых изменений, то знающий человек может прими-

рить и противоположные вещи, меняя одну на другую. Тогда как здоровая пища не даст ничего кроме здоровья, а теплая печь — ничего кроме тепла.

Ведь формула вмещает противоположности, хотя не поровну, а в душе и начинается движение этих понятий: так что они могут, соотносясь с одной мыслью, при этом отталкиваться друг от друга. Если в неразумных вещах такого взаимодействия противоположностей не бывает, то в разумных вещах оно сплошь и рядом. Противоположности вместе окружены исток разума.

Очевидно, что даже самая благая возможность всегда влечет за собой просто возможность действовать и претерпевать, а наоборот бывает далеко не всегда. Кто хорошо сочиняет, тот сочинитель, — но просто сочинитель не обязательно хороший сочинитель.

3

Некоторые, например, мегарские философы, признают только действительную возможность. Что не проявилось на деле — то для них невозможно. Пока ты дом не построил, ты не строитель, а строитель только потому, что построил дом. И так они рассуждают и о других вещах. Несложно заметить, сколько из этого обрушивается на нас нелепостей. Ведь тогда строитель не будет строителем, когда он не строит дом, и тогда он никогда и не построит дом, раз он не строитель. Так же и в других искусствах.

1047a А если невозможно овладеть искусством без обучения и тренировок, и невозможно перестать владеть искусством кроме как из-за особого лишения — забывания, тяжелого испытания или хода времени, но не из-за гибели самого хозяйства этого искусства, которое сохраняется всегда — то разве тогда получается, что

человек, перестав строить дом, уже не обладает искусством строителя, а начав строить дом, сразу его приобретает?

То же самое можно сказать о неодушевленных вещах. Ничего не станет холодным или теплым или сладким или вообще чувственным, пока мы этого не почувствуем. Они тогда должны объявить себя последователями Протагора. Но не бывает чувственного восприятия без того, чтобы мы это прочувствовали, и тем самым чувство бы пришло в действие, на деле. Слепым мы называем того, кто не видит, и получается, что при таких событиях мы будем много раз на дню слепыми, раз многого не видим, и много раз глухими, раз многого не слышим.

Если то, что не динамично, то обессилело, то не бывшее, согласно этим философам, уже никогда и не будет. Если же они скажут, что этого не «может» быть, потому что это уже есть или наверняка будет, то они лгут, потому что понимают значение выражения «не может быть» в искаженном смысле «не может, а действительно существует», в такой формулировке отвергая любое изменение и любое возникновение.

Тогда то, что всегда стоит, то и останется стоять, а что сидит, останется сидеть, и никогда не встанет с сидячего места: в чем нет динамики вставания, то будет объявлено не умеющим вставать. Но раз такое рассуждение неприемлемо, то очевидно, что возможность отличается от проявления на деле (а те формулы, которые пытаются отождествить непроявленное и проявленное, уничтожают самое важное).

Так что наша мысль легко переносится к тому, что умение быть еще не бытие, и бытие могло бы и не сбыться. То же можно сказать о прочих разрядах существования: можно уметь ходить, но не пойти, а можно пойти, хотя и не думал пойти.

Мы умеем видеть способность действовать: ведь когда она проявлена на деле, нам понятно, что она была. Если кто-то может сесть и решает сесть, — то если мы видим, что он сел, значит, он явно умеет сидеть. То же самое можно сказать, если вещь перемещают или она сама перемещается, если ее ставят или она сама становится на место, если вещь есть или ее произвели, или ее нет и ее не произвели.

Выражение «на деле», которым описывают «вполне сбывшееся», изначально относилось к изменениям: мы прежде всего угадываем изменение как то, что происходит на деле. Поэтому если чего-то нет, то и не говорят о его изменчивости, но вспоминают другие разряды: «об этом можно думать», «этого можно желать». Никто не скажет, что то, чего нет, вдруг переменилось. Иначе бы оказалось осуществленным на деле то, чего на деле нет. Конечно, чего-то пока нет, потому что оно не проявилось; но его нет, раз оно не сбылось на деле.

4

Если мы последовательно раскрыли, что такое возможность, то стало понятно, что неправильно говорить «это может быть, но этого никогда не будет», потому что иначе что мы будем называть «невозможным»? Скажем, кто-нибудь скажет, что возможна квадратура круга, но никогда она не будет осуществлена — не подумав, что это значит «невозможна» квадратура круга.

Он думает, что что-то может навсегда остаться не проявленным. Но из сказанного выше приходится невольно признать, что можно предполагать, что чего-то нет, но это будет. Но квадратура круга невозможна, ее нельзя осуществить. Если что-то невозможно, это не значит, что это ложно. Например, я вам скажу, что вы

сейчас стоите. Это ложно, но вы можете встать со своих мест.

Но также очевидно, что если из «А есть» следует «Б есть», то и из «А может быть» следует «Б может быть».

Если возможность перестает быть необходимой, то становится возможным несуществование этой вещи. Допустим, А возможно. Если мы постулируем возможность А, то ничего не будет невозможного в том, чтобы А сбылось в действительности. Тогда и Б становится не только возможным, но и действительным.

Но вот Б перестало быть возможным. Допустим, Б невозможно. Если Б стало невозможно, то неизбежно невозможно и А. Когда Б невозможно, то и А невозможно. Если А станет возможным, то и Б окажется возможным, и если окажется, что А есть, то будет и Б.

Если так обстоят дела А и Б, но окажется, что А возможно, а Б — нет, то тогда отношение А и Б не такие, как мы постулировали. Итак, если А возможно, то возможность Б необходима, и Б получает возможность быть, если А обладает такой возможностью. Это значит, что если А получило возможность существовать, то неизбежно будет существовать и Б.

5

Наши возможности либо рождаются вместе с нами, как чувства, либо входят в привычку, как дудение в дуду, либо даются обучением, как любые искусства. Те возможности, которые одобряют привычка и ум, требуют действительных усилий, а если эти возможности просто положены как есть, то можно обойтись и без усилий.

Любой замысел если проявляется, то в определенной вещи, в определенное время и в определенном месте. Сама его определенность требует необходимых па- 1048а

раметров. Одни замыслы ведут себя разумно, и потому и устроены они строго разумно. А если замысел не знаком с разумом, то тогда и устроен он как он сейчас есть.

Разумные движения мы находим только в одушевленных существах, а не разумные — и в одушевленных существах, и в вещах. Неразумные способности всегда оказываются к месту: когда творческое желание прикасается к своему материалу, то проявляются сразу и творческая способность, и способность материала претерпевать.

Но разумный замысел вовсе не обязан сопровождаться отзывчивостью материала. Ведь способность, не узнавшая разума, поэтична только в чем-то одном, а наша разумная способность может проявляться в противоположных вещах; так что если бы ее проявление было вынужденным, она бы сразу бы делала два противоположных дела, что невозможно.

Поэтому над разумными проявлениями должно господствовать что-то еще: это мы называем охотой или решимостью. Разумное существо всегда к чему-то стремится как очень важному, и создает то, что получает возможность создавать, и сразу хватается за материал.

Поэтому разумная способность тогда проявляется с необходимостью, когда она охотно хочет проявиться и умеет действовать как надо. Такая способность требует материала и должного настроения; а если этого нет, то ничего у нее не получится.

Можно прибавить к определению, что не должно быть никакой внешней помехи. Но это говорить не обязательно: мы же уже сказали, что замысел поэтически проявляется только когда есть должный настрой, а для настроения нужно, чтобы не было внешних помех; поэтому мы и не стали включать внешние помехи в определение.

Итак, никто не может одновременно творить два противоположных действия, даже если он желает, даже если он вожделеет их вершить. Ведь в самом замысле нет такого настроения, чтобы делать противоположные вещи: потому что когда ты творишь, ты творишь сейчас именно это, а не что-либо другое.

6

Сказав, как замыслы меняют мир, мы должны разобратся с проявлениями их на деле. Проявление на деле — что это за вещь и что это за качество? Как мы выяснили, разобравшись, про непроявленную возможность, что это не только свойство менять вещи или свойство меняться под действием вещей, непосредственно или при каких-то ухищрениях, но и разумное свойство, так же мы разберемся и с действительностью.

Действительность — это осуществление дела, которое уже не хочет оставаться в своей затаенности. Так мы можем говорить, что Гермес уже заключен в бревно или что луч уже заключен в линии; нужно только вычесть часть, чтобы получить действительность Гермеса и луча. Знающий человек, пока он не теоретизирует, только способен к теории: но теорию надо проявить на деле.

Переход от возможности к действительности всякий раз понимается индуктивно. Не нужно изобретать всеобщего определения, но всегда просто подмечать соответствие: как строительство относится к строению; как спящий относится к бодрствующему; как закрытые глаза к открытым зрячим глазам; как материя к найденному в материи; как грубость относится к отделке. Мы видим различие: что первое пока таится, а второе проявлено на деле.

Но не всё, что мы видим в деле, одинаково находится в деле, но всегда в соотношении с другими делами: одно дело проявиться как движение, расставшись со своей темнотой, среди других движений, а другое дело обрести существование, вынырнув из материи, среди других существований.

Когда мы употребляем понятия «бескрайняя сущность», «пустая сущность» и т.д., то можно говорить об этом как о непроявленном и как о проявленном, но не в том смысле, в каком мы говорим о зрячих, ходящих и на виду у всех пребывающих. В последнем случае мы с полным правом можем говорить и о возможном, и о проявившемся на деле: что видимо, то мы и видим — потому что возможность увидеть это проявилась на деле. Но бескрайнее существование всегда возможно, а действительность обретает не как отдельная вещь, но как предмет знания. Конечно, бескрайне сущее можно сколь угодно долго делить, и потому оно сколь угодно будет долго проявляться, но отдельной вещью от этого не станет.

Действия, доходящие до своего предела, не могут быть целью, но могут только указывать на цель. Так, худеть можно только до тех пор, пока худеется: похудение — это изменение, но не какое-то совершенное свершение, потому что оно не есть цель, но цель определяет, каким будет такое действие.

Кто видит, тот уже видит, кто понимает, тот уже понял, кто думает, тот уже подумал. Но нельзя сказать, что кто учится, тот уже выучился, или что кто выздоравливает, уже здоров. Но кто рад в жизни, тот уже рад, и кому выпала удача, тот оказался удачлив. В других случаях дело идет к концу: человек уже долго худеет (тощает) или уже долго живет. Такие случаи будем называть движениями, в отличие от явлений действительности.

Всякое движение само по себе не заканчивается, будь то худение, учеба, ходьба или сооружение дома. Эти движения еще могут продолжаться. Нельзя сказать про идущего человека, что он уже прошел путь, или глядя на строящего дом, что он уже построил дом, или про рождающегося, что родился, или взглянув на движение, что движение уже состоялось. Но вот взглянувший уже увидел, и понявший уже понял. Поэтому взгляд и понимание — это действительности, а то, о чём сказал прежде — это движения. Что вещь всегда действительна в своем качестве, становится очевидно из приведенных и других примеров.

7

Нужно определиться, когда вещь возможна, а когда нет: ведь не всегда она возможна. Например, можно ли сказать, что земля может стать человеком? Может стать, если она стала спермой, а может даже и потом. Так и вылечить можно не все и не по счастливой случайности, но лишь то можно вылечить, что может стать здоровым. 1049a

Некоторые вещи выходят из потаенности в действительность благодаря работе мысли. Их можно определить как возникающие по чьему-то решению, в случае, если не встретилось ни одной помехи извне. Так, скажем, выздороветь можно, если выздоровлению не создаёт помех сам выздоравливающий. Точно так же материя может стать домом, если материя годится и проект годится, и если при постройке не будут что-то самовольно привносить, урезать или менять. Так со всеми вещами, исток возникновения которых вне их самих.

А если вещь в себе хранит собственный исток, то она сама по себе еще даже не вещь в возможности, не-

зависимо от помех. Так, сперма — это еще не человек даже в возможности, ей нужно попасть в другое тело и преобразиться, чтобы стать тенью будущего человека. Как только такая вещь оказывается способна проявиться на деле, она уже стала собой в возможности. Но сперма нуждается в другом начале, как руда еще не статуя даже в возможности — чтобы она стала даже статуей в возможности, ее надо переплавить в медь.

Мы привычно говорим про вещи не что они сделаны быть такими-то вещами, но что они сделаны из такого-то материала. Мы не говорим «дерево в виде ящика», но «деревянный ящик», не говорим «земля в виде дерева», но «дерево, растущее на земле». И земля тоже из чего-то сделана, в свою очередь. Тогда по отношению к действительному возможным будет только ближайшее по очереди. Мы не можем говорить, что «ящик из земли» из-за того, что ящик из дерева, а дерево из земли. Ящик деревянный: дерево есть возможность ящика именно как материал ящика: из любого дерева можно сделать ящик, но этот ящик был сделан именно из этого дерева. Если же что-то было еще раньше, то оно не прилагается к этой вещи, а считается первичной материей.

Так, допустим, земля из воздуха, и воздух — не огонь, а из огня. Тогда огонь будет первичной материей, а не какой-то из существующих вещей. Ведь субъект можно признать как то, что с чем-то сравнивается, при выяснении, вещь это или не вещь. Например, субъект пережитого — человек, как совокупность души и тела. Пережитое — это музыкальность или белизна человека. Когда в человеке появляется музыкальность, мы называем его не музыкальностью, а музыкальным. Когда в человеке появляется белизна, мы называем его не белизной, а белым. Мы не назовем человека ходьбой или перемещением, но идущим

и куда-то приходящим, как мы говорили о сделанном из материала.

Если мы смотрим на вещь, то мы в конце концов приходим к существованию. А если мы смотрим не на вещь, а только на вид или разряд вещи, то в конце концов приходим к материи и ее существованию. Поэтому правильно называть вещи, сделанные из материи, и по материи и по пережитому; а иначе материя и пережитое застынут в неопределенности. Итак, мы разобрались, когда можно говорить о непроявленности, а когда нет. 10496

8

Итак, мы разобрались, в каких смыслах говорится о возможности и о действительности. Теперь можно сказать о том, что действительность предшествует возможности. Она предшествует не только определенной возможности превратиться из одного в другое, но и вообще всякой возможности меняться или оставаться на месте. Ведь и природа сама по себе, хотя она постоянно меняется, ее род предшествует ее возможности меняться: ведь меняется она не в вещах, но всегда сама по себе.

Итак, действительность предшествует любому другому существованию вещи и по смыслу, и по осуществлению. Во времени она может предшествовать, а может и не предшествовать.

Что она по смыслу раньше, очевидно. Любая возможность потому и возможность, что может стать действительностью, догнать действительность. Строительство как действительность оказывается способностью строить, зрение — способностью видеть, а зримое — способным быть увиденным. Тот же смысл и в других вещах: поэтому смысл предшествует знанию, и знание знанию.

А по времени действительность тоже раньше возможности: действует прежде всего в вещи то, что совпадает с ней по виду, а не по числу. Например, человек и хлеб и зрение заявили о себе в действительности раньше, чем материя, зерно и зрительная способность, потому что они уже были в возможности человеком, хлебом и зрением даже еще не проявившись в действительности. Но прежде них по времени в действительности было то, из чего они возникли. Всегда из сокрытого возникает проявленное, человек делается действительным человеком, музыкальный человек действительно музыкальным человеком и т.д. Всегда что-то послужило началом движения, но это начало движения уже было действительным, а не возможным!

В словах о существовании мы говорили, что всё возникающее возникает из чего-то или под действием чего-то, только бы вид был тот же самый. Поэтому мы признали, что нельзя быть строителем, ничего не строя, или скрипачом, никогда не играя на скрипке. Кто учится на скрипке, учится в ходе игры; мы всё изучаем на деле. Отсюда софистическая уловка: как это человек, не умея играть на скрипке, уже играет на скрипке. Конечно, пока мы учимся, мы еще не умеем делать того, чему учимся. Но так как любое возникновение уже возникло, любое движение уже пришло в движение (как мы уже рассуждали о движении), то и кто учится, тот уже поневоле хоть что-то знает. Тем самым мы ясно видим, что действительность и так тоже предшествует возможности по бытию и по времени.

Но и в самом существовании действительность раньше возможности. Во-первых, что позже достигает завершеного бытия, то прежде бытия по виду и существованию. Скажем, взрослый порождает ребенка, человек производит сперму, производящее имеет уже

вид, а производимое — нет. Во-вторых, всё в бытии с самого начала течет к какой-то цели. Исток вещей — то, ради чего вещи существуют, а цель — ради чего вещи утверждают себя в бытии.

Цель всегда действительна, и всякая возможность оказывается в распоряжении ради самой цели. Живые видят не чтобы обладать зрением, но обладают зрением, чтобы видеть. И строительство нужно, чтобы строить, и теория, чтобы созерцать. Никто не созерцает, чтобы развивать способности к созерцанию, разве что когда учится решать задачи. Но и когда решают задачи, то задачами все и ограничивается, не выходя к созерцанию.

Материя таится, пока не приобретет вид. Когда она начинает проявляться на деле, у нее уже есть форма. Так же и в других вещах, включая те, для которых цель — двигаться. Как учителя, показывая, что ученики умеют на деле, доказывают, что достигли цели, так и природа. А иначе знание было бы как Павсониев Гермес, не поймешь, что готово, а что не готово. Цель требует усилий, а усилия проявляются на деле, и само слово «действительность» происходит от слова «дело», которое непременно должно сбыться и осуществиться.

Для некоторых вещей их конечное состояние — нахождение в употреблении. Скажем, зрение используется, чтобы видеть, и больше ни зачем оно не нужно. Для некоторых вещей конечное состояние — производство чего-то еще: строительство не может только совершенствоваться как строительство, мы еще ждем от него построенных домов. В первом случае вещи сами ставят себе цель, во втором проявляют свои способности ради поставленной перед ними цели. Строительство возможно, когда можно построить, и осуществление строительства — в домах.

Итак, где производится новая вещь, а не употребляется старая, там действительностью производства становится сама новая вещь. Строительство мы видим в постройках, ткачество в одежде и т.д., вообще изменение вполне проявлено в измененном. А где нет никакого нового изделия кроме самой действительности вещи, там вещь проявляет саму себя. Зрение позволяет видеть видящему, созерцание — созерцать созерцающему, жизнь — жить душе и быть счастливой, так как счастье — качество жизни. Итак, мы выяснили, что существование и вид имеют смысл только на деле.

Из этих сопоставлений стало очевидно, что действительность предшествует возможности в самом своем существовании. Как мы говорили, также одна действительность предшествует и по времени другой действительности, пока мы не дойдем до первичного вечного движения.

Но действительность перее и в собственном смысле слова. Вечные вещи в самом существовании предшествуют тленным вещам, и в вечности всё раскрыто и проявлено.

Довод такой: всякая возможность есть и возможность противоположного. Чего быть не может, того и не будет; но что быть может, не обязательно сбудется. Итак, что может существовать, может осуществиться, а может и не осуществиться: одно и то же и может сбыться, и может не сбыться. Но что может не сбыться, то может так и остаться не сбывшимся, а что может не сбыться, то и тленно. Или тленно во всем, или только в том, в чем оно может не быть: оно может никогда не оказаться в таком-то месте, или не дойти до такого-то количества, или не приобрести такого качества. А «во всё» значит вообще не осуществиться. Итак, что неизменно во всем, то уже проявилось; хотя в чем-то оно

может оставаться непроявленным, скажем, не показать какого-то качества или не занять какого-то места. Тогда всё вечное уже действительно. Также и то, что неизбежно существует, уже существует — оно же и первично: если бы его не было, ничего бы не было.

Также уже существует вечное движение: как только оно есть, оно уже действительно. Если что-то движется (изменяется) вечно, то оно в этом движении всецело проявлено, разве что может быть еще неизвестно, откуда это движение и куда — такое движение само себе подбирает материю. Поэтому солнце, звезды и весь небосвод всегда даны в действительности, и можно не бояться, что они остановятся, как боятся в разных «О природе». В небесных телах не накапливается усталость. В отличие от тленных вещей, они не допускают противоположности их действиям. Поэтому их движение не обременено никакими последствиями движения, как это происходит в материальных существованиях не до конца осуществленных.

Нетленному подражает то, что постоянно переходит из одного состояния в другое, как земля и огонь. Всё это постоянно действует в действительности: они сами движутся и в себе хранят движение. А все прочие способности по определению подразумевают противоречие. То, что может двигаться так, может двигаться и иначе; и это относится и к движению мысли. А вещи, не умеющие мыслить, равно допускают обе противоположности, потому что им всё равно, как они себя проявят.

Поэтому если бы были такого качества природные вещи или такого качества существования, которые некоторые формулируют словом «идеи», то они были бы более знающими, чем сама наука, и более подвижными, чем само движение. Они были бы самой действительностью, в сравнении с которой вещи остались бы

1051a

возможностями. Итак, мы выяснили, что действительность предшествует и возможности и всякому началу перехода одного в другое.

9

А что действительность лучше и благороднее даже самой весомой возможности, ясно видно из следующего. Одна и та же вещь способна на противоположности: всё, что способно быть здоровым, то способно быть и больным, и наоборот. Одна и та же способность: быть здоровым и изнемогать от болезни, лежать в покое и находиться в движении, строить и сносить, быть возводимым и падать.

Способность к противоположному всегда налицо, но сами противоположности не могут быть одновременно, и их осуществления не могут быть одновременны: нельзя одновременно быть здоровым и лежать больным. Поэтому нельзя не признать, что благо — это только одна из двух противоположностей, а возможность блага — возможность одной из двух противоположностей или вообще их невозможность, — если уже есть действительность, которая лучше любых возможностей.

А в злых делах невольно цель и действительность хуже начальной непроявленности. Ведь пока способности не проявились, есть не только приведшая ко злу способность, но и ей противоположная. Из этого очевидно, что зло не существует вне вещей: ведь в природе зло всегда хуже возможности зла. Поэтому в исконных и вечных вещах нет никакого зла, погрешности или порчи, потому что и любая порча — тоже зло.

В чертежах мы результат получаем на деле: чтобы получить результат, надо провести дополнительные линии. Если бы весь чертеж был уже расчерчен, всё

было бы сразу понятно; но нам еще нужно показывать и доказывать.

Почему сумма углов треугольника равна двум прямым углам? Потому что эти же углы, сведенные в одну точку, образуют два прямых угла. Если провести параллельную линию одной из сторон, то посмотрев на чертеж, мы сразу всё поймем.

Почему всякий угол, вписанный в полукруг, прямой? Потому что если провести перпендикуляр к диаметру и посчитать сумму углов в получившихся двух треугольниках, то и получится, что сумма двух углов образует прямой угол, — и значит, как поймет всякий, кто решил предыдущую задачу, угол на окружности будет прямым.

Итак, стало ясно, что потенциальное существование заявляет о себе, когда проявится. Дело в том, что и наше мышление тоже может быть только на деле. И на деле оно обретает возможности, и познать можно, только действуя таким образом. Хотя если перечислять все действия, то производство их предшествует их проявлению.

10

О существующем и не существующем мы говорим и по таблице разрядов, и по проявленности и непроявленности, включая противоположности, и в собственном смысле — по истинности или ложности, устанавливаемой в вещах при сопоставлении и различении. Истину говорит тот, кто различает различное и сопоставляет сопоставимое, а лжет тот, кто иначе поступает с вещами. Когда утверждение «это есть» или «этого нет» правда, а когда — ложь? Нужно поразмышлять над устройством самой нашей речи. Не потому ты белый, что мы правдиво думаем, что ты бе-

10516

лый, — но потому что ты белый, мы правдиво говорим об этом.

Одни вещи всегда сопоставимы и их нельзя размежевать, а другие вещи всегда различны и их нельзя свести вместе, а третьи вещи могут быть и сопоставлены, и различены. Тогда «бытие» — это сопоставление, сводящее разные вещи в одно, а «небытие» чем-то — это не сводимость к этому, а распад на разные вещи.

А если вещи бывают и сопоставимы и различны, то о них одно и то же мнение или формула могут оказаться и правдой, и ложью. Тогда равно возможно и сказать правду, и сказать ложь. Но обо всех остальных вещах высказывание либо всегда истинное, либо всегда ложное, а не порой истинное и порой ложное.

Но как можно говорить истину или ложь о тех вещах, которые ни с чем не связаны. Здесь нечего сопоставлять и нечего разделять, чтобы можно было из утверждений «дерево белое» или «диаметр несоизмерим с окружностью» выводить истинность или ложность такого связывания.

А здесь истина или ложь налицо как-то иначе. Но и само понятие бытия здесь будет другое. Установить истину или ложь это здесь пощупать и заявить, что истинно то-то. Не просто заявить, а заявить истину. Если мы не можем пощупать такую вещь, то мы ее не знаем. А заблуждаться в том, что это за вещь, мы не можем; разве что мы неправильно поймем ее свойства: вообще если существование вещи не делится на части, о ней мы не ошибемся.

Ведь такие вещи всегда в действительности и никогда в возможности, иначе бы они возникали и прекращались; но что обретает свое существование в самом себе, то не возникает и не гибнет, иначе бы оно нуждалось в источнике возникновения. Если бытие есть «что-то» и «на деле», о нем нельзя ошибиться:

можно только мыслить его или не мыслить его. О нем только спрашивают, что это такое, а о наличии таких-то качеств не спрашивают.

А если говорить о бытии как об истине и о небытии как о лжи, то иногда сопоставимое с вещью всегда истинно, а несопоставимое всегда ложно. А иногда вещь существует только так, а иначе она не существует. Истина тогда в том, чтобы мыслить, как именно вещь существует. Тут лжи не будет, и не будет заблуждение, а только незнание, причем не слепое. Слепое незнание было бы у того, кто бы вообще никак не умел бы соображать. 1052a

И о неизменных вещах нельзя заблуждаться об их времени, раз они не меняются. Раз мы признаем, что треугольник не становится чем-то другим, мы не можем думать, что иногда сумма его углов равна двум прямым углам, а иногда нет. Мы же не хотим, чтобы треугольник переставал быть треугольником. Но можно предположить, что в группе неизменных вещей одна подгруппа бывает такой, а другая — другой: например, числа бывают простыми и составными, но четные числа никогда не бывают простыми. А если такая вещь существует только в единственном числе, то тем более нельзя о ней думать, что она может быть такой, а может быть такой, но только полностью сказать о ней правду или полностью ошибиться.

КНИГА I (10)

УЧЕНИЕ О ЕДИНОМ

1

Что слово «одно» имеет много значений, об этом мы говорили раньше, разбирая многозначность слов. Но сколь бы различно ни употреблялось это слово, «одно», когда означает самостоятельное существование, а не существенный признак, имеет четыре главных значения.

«Одно» — это непрерывная вещь, простирающаяся без разрывов, как ей подсказала природа, без всяких связующих пут или уз. Тем эта вещь плотнее и исконней, чем менее резки в ней перемены и глаже ход.

«Одно» — так еще с большим правом назовем то, что образует целое «всё» как свою форму и даже как свой вид «целых вещей»; особенно если такая цельность дана от природы, а не привнесена извне, как когда склеивают, прибивают гвоздями или связывают веревками. Такая вещь сама для себя причина своей длительности. Такова вещь, когда ее изменение одно, не дробясь местом или временем.

Отсюда очевидно, что если какая-то вещь от природы принадлежит первоистоку перводвижения, которым я называю безудержное движение по кругу, она будет рассматриваться как первовеличина вещей. Что в этом смысле «одно», у того существование непрерывно или совокупно.

Но также «одно» то, у чего одна формула, благодаря чему мысль и охватывает вещь со всех сторон, не принося в нее разделений. Такая мысль не распределяется по числам и видам.

«Одно» по числу — это то, что мы обозначаем числом 1, которое не делится на целые числа.

«Одно» по виду — это то, что мы знаем как один вид и изучаем как один вид. Итак, «одно» тогда — причина единиц любых существований.

Много значений у слова «одно»: и природная ширь, и крепкая цельность, и исчисление по единицам, и захваченность всеобщим. Всё это одно потому, что невозможно внести разделение либо в его движение, либо в его концепцию или формулу.

10526 Но нужно понимать, что нельзя путать вещи, о единичности которых мы говорим, с вопросом о формуле и существе единичности. Как мы уже сказали, слово «одно» многозначно, и можно говорить о единичности любого явления, которое налицо хотя бы в одном из этих смыслов.

Но сущность и бытие единичности иногда заявляет о себе в самих вещах, а иногда в чем-то другом, что даже больше похоже на «единицу»: в умении вещей оказаться единичными. Так элементы и причины всегда выступают как единицы, и именно в таких вещах нам надо особо выделять этот смысл, чтобы у нас были достоверные примеры «единиц».

Так, огонь может считаться элементом, как элементом может быть и всё то, границы чему мы никогда не найдем, никаким способом не постигнем. Но он может и не считаться элементом, потому что «быть элементом» и «быть огнем» не одно и то же.

Если мы говорим об огне как о деле и как о природе, то огонь — элемент, но само слово «элемент» означает существенное свойство огня: именно, что из огня как первично наличного можно что-то составить. То же самое можно сказать об истоке, единице и всех подобных вещах.

Поэтому быть одним — это прежде всего не быть делимым, а быть «таким-то» существованием, со своей отдельностью по месту, виду или понятию. Но быть таким значит быть первой мерой для каждого рода, особенно для самого счета: мы взяли слово «одно» из счета и распространили на всё остальное.

Мера (измерение) есть то, что позволяет понять, что значит «сколько». Посчитать «сколько» можно с помощью единицы, складывая единицы до нужного числа. Итак, всякое количество мы понимаем как количество единиц, и первое количество, которое мы понимаем, это единица. Поэтому число 1 — начальное число.

И в других вещах мерой называют то, что мы узнаём в первую очередь. Любая вещь измеряется единицами: по длине, широте, высоте («глубине»), весу и скорости.

Вес и скорость — общие понятия, допускающие взаимоисключающие смыслы, потому что оба они имеют два значения: весомым называют и то, что хоть сколько-то весит, и то, что очень много весит. И скоростью называют как сколь угодно малое движение, так и очень быстрое движение. Поэтому и можно говорить «медленная скорость» и «легкая весомость».

Во всех таких вещах мера и исток — некая нечленимая единица, ну как при измерении прямых мы берем за квант («атом», «особь») стопу. Где бы мы ни оказались, нужно находить для измерения какую-то неразложимую единицу: простое качество или простое число.

Если нельзя мысленно ничего прибавить или вычесть, то это точная мера.

Точнее всего мерить числом: число 1 со всех сторон лежит неделимым. Во всех прочих случаях мере подражают: стадий, талант и любая крупная мера таковы, что мы не замечаем малые отклонения в боль-

шую или меньшую сторону, в отличие от точных малых мер.

Поэтому в выборе меры руководствуются чувством, чтобы такого отклонения не было. Так сочиняют меру и для жидких и для сухих тел, и для тяжести и для величины. Тогда, считается, мы знаем количество: измерили — и узнали его.

Движение мы измеряем самым прямым и самым быстрым движением, которое короче всего по времени. Поэтому в исчислении звезд («астрологии») истоком и мерой будет такая единица, которая предполагает ровное и самое быстрое движение неба, по которому можно судить и о других движениях.

В музыке это будет диез, как наименьшая единица, а в звучании — буква.

Здесь везде единицы, не потому что одна мера для всех, но потому что используется всякий раз единица измерения.

Но не всегда мера число 1, но иногда число больше 1, как 2 диеза, на слух не отличимые от 1 диеза, но по-другому отсчитываемые. Звуков, которыми мы мерим все остальные звуки, больше одного. Также окружность и диаметр — это две несоотносимые меры, равно как шар и куб как меры объема.

Итак, «одно» — мера всего в природе. Мы можем понять, из чего состоит данное существование, когда разберем его число или вид. «Одно» неделимо, потому что первичное число или первичный вид вещи неделим.

Неделимость тоже бывает разной. Сравним стопу (фут) и единицу. Единица всегда неделима, а стопа неделима только как чувственная вещь для чувственных вещей, как мы уже говорили; потому что в другом смысле любая протяженность делима.

Мера всегда в родстве с измерением: величины измеряются величинами. Длина — мерой длины, пло-

щадь — мерой площади, звук — звуком, вес — весом, единицы — единицей. Именно так надо говорить, а не «мера числа — число», — так можно было бы сказать, если бы соблюдалось отношение, но тут отношение другое: нельзя потребовать, чтобы множество единиц измерялось неким множеством единиц. Число — это некоторое количество единиц.

Поэтому мы называем мерой вещей и знание, и чувство, потому что опознаем ими; хотя скорее они при опознании измеряются, чем измеряют. И на нас сошлось, что как будто кто-то другой нас меряет: и мы узнаём, сколько в нас роста, сколько локтей в нас вмещается.

Протагор говорит, что человек — мера любых вещей, потому что он имел в виду человека знающего и чувствующего. Обладая чувством и знанием, человек может подойти с этими мерами к любой состоявшейся вещи. Поэтому изречение Протагора — не преувеличение, а вполне уместное.

10536

Итак, «одно» даже по своему названию есть единица измерения, в собственном смысле — количества, а потом и качества, что понятно. Измерять единицами можно, если сами единицы неделимы сначала по количеству, а потом и по качеству. Поэтому «одно» неделимо просто потому, что оно одно.

2

Теперь мы будем исследовать существование и природу одного. Как когда мы разбирали недоумения, так мы будем разбирать, что такое «одно» и как нужно употреблять это слово.

«Одно» — это отдельное существование, как говорили пифагорейцы и позже Платон? Или же оно заложено в природу?

Нужно лучше познакомиться с «одним», а не как сочинители «О природе», из которых один отождествил «одно» с дружбой, другой — с воздухом, третий — с бескрайностью.

Если ничто всеобщее не существует самостоятельно, как мы уже формулировали, когда рассуждали о существовании и о бытии, и если даже определенные вещи не могут обрести самостоятельного существования, если не известно их число и они могут быть только обобщены, как пересчитанные по учетному разряду («категореме») — то очевидно, что и «одно» не имеет собственного существования. Как «бытие», так и «одно» — это просто самые обширные разряды. Точно так же роды вещей не создают своих природ и не обособляются в своем существовании, и «одно» не может быть родом по тем же причинам, по которым оно не имеет собственного бытия и собственного существования.

Как «сущее», так и «одно» похоже во всех вещах: что можно сказать о сущем, можно сказать и об одном. Если мы говорим о качествах, то природа вещи для нас поясняет единичность качества, равно как поясняет и единичность количества. Отсюда очевидно, что выяснять, что такое одно, всё равно что выяснять, что такое бытие.

Для этого недостаточно просто указать на какую-то природную вещь. Так, среди цветов есть «один» цвет, белый, и прочие цвета выводятся из него и из черного, — но черный цвет это просто отсутствие белого цвета, как тьма — отсутствие света. Если бы вещи существовали как цвета, их можно было бы тоже посчитать, и они были бы «числами» единого цвета, такого как белый цвет.

Также если существования вещей были бы мелодиями, то каждое было бы «числом» диезов. Но всё

же само их существование не сводилось бы к числовому показателю. Единицей существования был бы диз, а вовсе не существование (не нечто единственное).

Также в звучащих буквах существованием было бы число букв, а «одно» было бы самой звучной буквой. Если бы вещи были образованы из прямых, то любая вещь была бы образована числом, а одно — это был бы (сложенный из наименьшего числа прямых) треугольник. 1054a

Так же можно формулировать и о других родах бытия: если и впечатления, и качества, и количества, и передвижения можно посчитать, пользуясь одними и теми же числами, но как числами вещей. Так же точно и «одно» — одно вещей; но не в приложимости к вещам его существование. Равно как и сущность существует независимо от того, сколько вещей такой сущности — везде получается сходно.

Итак, «одно» для любого рода вещей выступает как природное явление, но при этом не становится природой какой-либо вещи. Как среди цветов «одним» будет какой-то один цвет, так и среди существований «одним» будет само существование.

А что «сущее» и «одно» значат одно и то же, очевидно из следующего. Столько же разрядов сущего, сколько разрядов одного, и сущее и одно не сводятся к какому-то одному разряду: ни к разряду «что это», ни к разряду качества и т.д.; но как сущее ведет себя, так и одно.

Кроме того, если сказать, например, вместо «человек» «один человек», то никакого дополнительного разряда не прибавится. Также как когда мы говорим «бытие» вещи, мы уточняем, ищет ли речь о сути, качестве или количестве. «Бытие одним» это просто бытие именно данной вещию.

Одно и многое противоположны во многих отношениях. Начнем с того, что одно неделимо, а многое делимо. Раздельное или поддающееся делению называют неким множеством, а нераздельное или не поддающееся разделению — «одним».

В таком противопоставлении мы видим четыре члена; причем два из четырех определяются от противного. Поэтому мы говорим о прямой противоположности, а не о противоречии или соотношении с чем-то третьим.

«Одно» определяется и объявляется от противного: неделимое — от делимого. Ведь легче прочувствовать множество, которое мы можем делить, чем нераздельное. Наше чувство формулирует множественность раньше нераздельности.

В единственном числе, как мы расписали при подразделении противоположных вещей, тождественное, похожее и равное, а во множественном числе — другое, непохожее, неравное.

Но слово «тождество» имеет много значений: одно дело — совпадение по числу, другой оборот — совпадение по формуле и числу, как например «Ты всегда остаешься собой и по виду, и по материи».

10546 Далее, если формула первичного существования одна, как например равны прямые линии или могут быть равны квадраты по углам, сколько бы их ни было: если они равны, то перед нами «одно и то же».

Похожи вещи, когда они не совпадают во всём: их существование меняется в зависимости от составных частей, хотя вид сохраняется тем же. Скажем, большой квадрат подобен маленькому, и подобны любые неравные прямые отрезки. Они подобны, но прямого совпадения нигде нет.

Вещи похожи, когда вид у них один: они отличаются только размером, а если пренебречь размером, они одинаковы. Также похожи вещи одного вида, если у вещей одного вида свойство одного вида отличается размером: скажем, белый цвет сильнее или слабее.

Наконец, похожи вещи, если в них больше тождественного, чем иного: или просто свойств, или свойств, которые нам идут прямо в руки: скажем, олово похоже на серебро по белизне, а золото похоже на огонь своим огненно-желтым цветом.

Итак, очевидно, что и слова «другое» и «несходное» многозначны. Одно дело, когда «другое» противопоставляют «тому же». Тогда любая вещь по отношению к любой вещи либо та же самая, либо другая. Другой вопрос, если и материя и формула другая. Поэтому ты другой, чем твой сосед. Еще есть специальный математический смысл «другости».

Итак, всякая вещь по отношению ко всякой вещи другая или та же. Поэтому мы и можем говорить о единичности существований вещей. Различия не противоречат тождеству, потому что они не обрекают вещи на несуществование: ведь тогда бы не было никаких тождеств вообще, а они наблюдаются во всем существующем. Всё существующее, обозначаемое единственным числом, может существовать в одном экземпляре или во множестве экземпляров.

Итак, «другое» и «то же» противоположны, а «отличающийся» не то же самое, что «иной». Ведь не обязательно быть другим или не другим только в чем-то: всякое бытие либо «то же», либо «другое». А вот отличаешься ты всегда в чём-то; так что вещи, в чем-то различающиеся, должны в остальном совпадать.

Вещи могут совпадать по роду, а могут совпадать по виду. Различаться вещи могут тоже либо по роду, либо по виду. Различаются по роду вещи, не имеющие об-

щей материи и не перерождающиеся друг в друга, как вещи в разных ячейках таблицы разрядов. По виду различаются вещи, которые одного и того же рода. А родом называется то, благодаря чему разные вещи называются одним словом для обозначения их сущности.

1055a Противоположные вещи всегда различны; и чтобы противопоставить, нужно разнести вещи. Правильность этой гипотезы видна из хода доказательства: все различные вещи не просто другие по отношению друг ко другу, но одни вещи другого рода, а другие вещи подогнаны под один разряд, так что оказываются внутри одного рода и «того же рода». Мы уже в другом месте определили качество различия или тождества по роду, и повторяться не будем.

4

Так как различие между вещами тоже может быть разного объема, то различие наибольшего объема мы и будем называть противоположностью. Что это наибольшее различие, доказывается так. Вещи, различные по роду, не могут быть переведены одна в другую, но расходятся друг с другом до несовпадения. А вещи, различные по виду, возникают под действием предельных крайностей, между которыми и расстояние предельно большое, и так они оказываются противоположны.

Но самое большое в каждом роде оно и самое совершенное в нем. Самое большое — это то, что нельзя превзойти, а совершенное — то, к чему нельзя ничего прибавить извне. Совершенное различие достигло совершенства, иначе говоря, завершенности, и ничего извне уже не прибавишь: потому что оно окончательно со всех сторон и все объемлет, и нет уже ничего по-

стороннего совершенству, и оно само ничего не требует себе.

Итак, мы увидели, что противоположность — это доведенное до совершенства различие. Так как слово «противоположное» имеет различные значения, то совершенство выведет в наличие каждую из противоположностей.

При таком раскладе очевидно, что одной вещи противоположна не более одной вещи. Ведь невозможно превзойти предел, а любое расстояние всегда между только двумя пределами. И вообще, если противоположно различно, а различаем мы между двумя вещами, то и совершенство различает два предела.

Но и другие определения противоположностей безусловно истинны. Так, совершенным будет различие по наибольшему числу показателей.

Если вещи различаются по роду или по виду, то других различений и не требуется, потому что уже доказано, что внешнее воздействие никак не влияет на родовое различие как наиболее содержательное различие. А внутри одного рода больше всего различны противоположные вещи, и тогда наибольшее различие между ними и оказывается совершенным различием.

Больше всего вещи различаются в том, что в них прямо бьет в глаза — потому что материя у противоположных вещей одна и та же. Также вещи могут наиболее различаться при едином потенциале (и одной науке для изучения всех вещей одного рода): и достигнув совершенства, различие между ними становится наибольшим.

Первая противоположность — противоположность наличия и отсутствия, причем не всякого отсутствия (это слово тоже многозначно), а совершенного отсутствия. Прочие противоположности числятся вслед за

этой: либо в них проявляется противоположность, либо создается и сочиняется, либо приобретает или отвергается противоположность тому или иному.

10556 Есть разные противостояния: противоречие, отсутствие, враждебность, соотношение. Первым идет противоречие. Противоречие не признаёт ничего промежуточного, тогда как противоположные вещи допускают промежуточные вещи между ними. Поэтому очевидно, что противоречие и противоположность не одно и то же.

Отсутствие — это тоже некоторое противоречие. Это либо невозможность существования чего-то, либо привычное несуществование. Отсутствие исключает что-то целиком или частично. Итак, слово «отсутствие» тоже имеет много значений, как мы разбирали в другом рассуждении.

Итак, отсутствие — это противоречие или бессилие проявиться, рассмотренное отдельно или на примере. Поэтому если противоречие не признает ничего промежуточного, то отсутствие иногда допускает. Например, вещи бывают либо равные, либо неравные; но если нет среди вещей вообще равных друг другу, то нет возможности противопоставить неравное равному.

Для создания материальной вещи нужна противоположность: с одной стороны вид, обретающий в ней устойчивость, с другой стороны, материя, у которой нет видовой принадлежности и внешнего вида. Поэтому всякая противоположность включает в себя отсутствие, но не всякое отсутствие требует себе противоположности. Ведь разные свойства отсутствуют в разном смысле. Настоящая противоположность материи и вида видна только на последнем этапе работы.

Посмотрим на ход доказательства. Всякое противопоставление основано на том, что наличествующее

в одной вещи отсутствует в другой. Но всякий раз это происходит по-разному. Неравенство — отсутствие равенства, несходство — отсутствие сходств, порочность — отсутствие чести. О различии мы уже говорили: иногда может что-то отсутствовать полностью, а иногда только некоторое время или в некотором отношении. Например, что-то исчезает в старческом возрасте, что-то может исчезнуть посередине, а может исчезнуть и повсюду.

Поэтому для некоторых вещей бывает нечто среднее: бывает что человек не добр, но и не зол. А для некоторых вещей нет среднего: число должно быть либо четным, либо нечетным. Также некоторые противоположности держатся на каком-то одном понятии, а некоторые нет. Отсюда ясно, что противоположные вещи различаются наличием или отсутствием чего-то значимого. Достаточно сказать, что это верно для первых родов противоположностей, как противоположность «один» и «много», к которым возводятся все остальные противоположности.

5

Так как чему-то одному противоположно тоже что-то одно, мы в тупике, как противопоставляются «одно» и «много», и как «равное» противопоставляется и «большему», и «меньшему».

Мы всегда говорим «или-или» при противопоставлении: мы говорим: «или белое, или черное», «или белое, или не белое». Мы не можем сказать «или человек, или белое», разве что в порядке гипотезы, когда спрашиваем, кто стоит за дверью, скажем, Клеон, или скажем Сократ. Неважно тогда, одного ли рода вещи, но сам вопрос подразумевает, что мы сводим эти вещи к данному существованию.

Противоположности не могут выступать вместе: поэтому мы спрашивая, кто из двух пришел, превращаем этих двоих в противоположности. Если бы мы ждали их двоих, то вопрос был бы смешон. Но и здесь случилось бы противопоставление, одного и множества: пришел ли один из них или оба.

При противопоставлении мы рассматриваем одну вещь в сравнении с другой; но если одна вещь может быть больше или меньше другой, а другая равна еще одной, то как равное противоположно сразу двум: большему и меньшему?

Нельзя противопоставлять «равное» «большему» или «меньшему» или им обоим: иначе как мы выберем, чему его противопоставить первым. Кроме того, «равное» противоположно «неравному», и если мы его противопоставим еще «большему» и/или «меньшему», то оно окажется частью более одной противоположности, что невозможно.

Даже если мы объявим, что «неравное» это «всё большее или меньшее», то тогда равное всё равно и противоположно большему, и противоположно меньшему. Такой тупик на руку отождествляющим «неравное» с «двоицей». Но ничто не может быть частью сразу двух противоположностей.

Также получается, что равное посередине между большим и малым, но противоположность не допускает никаких средин, ни на наш взгляд, ни по определению. Промежуточное не может быть завершённым, но всегда находится в промежуточном состоянии.

Остается признать, что «равное» противоположно им как отрицание или отсутствие, причем обоих сразу, потому что чем отрицание большего хуже отрицания меньшего? Равное напрочь отрицает всё прочее, и большее, и меньшее, а не одно из них. Нельзя гово-

ритель «больше это или равно» или «меньше это или равно», но всегда нужно спрашивать и о третьем.

Такое отрицание не всегда необходимо. Не всё равное допускает что-то большее или меньшее, но только если в природе эта вещь может быть больше или меньше.

Итак, равное — это то, что не бывает большим или малым само по себе, но в природе бывает большим или малым. Оно — само отрицание и понятия «большое», и понятия «малое», — и только в этом смысле представляет собой середину между этими понятиями.

Точно так же то, что не добро и не зло, противопоставлено им обоим, но не имеет собственного названия. Ведь и «добро» и «зло» многозначные слова; со всем разными бывают обладатели добра или зла.

Лучше привести другой пример: не белое и не черное. Это никогда не что-то одно, но о некотором количестве вещей говорится так в смысле отрицания. Это может быть и бурое, и серое, и что угодно.

Потому напрасно бранятся те, кто думает, что среднее тогда можно найти между двумя любыми вещами, что можно противопоставить ботинок и ладонь и найти нечто среднее между ботинком и ладонью. Дескать, что если есть между добром и злом то, что и не вполне добро и не вполне зло, то тогда между всеми вещами что-то есть. Но никакой необходимости в этом нет. Такое соотрицание противоположностей требует промежуточного «чего-то» и некоторого расстояния. А как мы будем проводить различие между ботинком и ладонью, если они относятся к разным родам и не могут отрицать друг друга? За ними не стоит ничего общего. Если за вещами стоит разное, то как могут отрицать друг друга разнородные вещи?

10566

Также мы встаем в тупик, когда сравниваем одно и многое. Если «многое» — прямая противоположность «одного», то будут некоторые недопустимые следствия. «Одно» тогда будет немногим или небольшим множеством, потому что «многое» противоположно также «немногому».

Далее, 2 уже будет «много», потому что «удвоить» то же что «умножить». Тогда «одно» будет «малым» потому что если 2 уже «много», то «мало» это только число 1, потому что меньшего числа не существует.

Далее, если «много» и «мало» так же относятся к множеству, как «короткое» и «длинное» относятся к длине, а «много» это всегда множество, и множество всегда много (иначе разве если мы можем охватить его одним взглядом как непрерывное целое), то придется признать малое тоже множеством. Тогда и единица будет множеством, раз она «малое», исходя из того, что 2 — уже «много».

Но судя по всему, «множество» и «многое» — это слова со специфическим смыслом, различным у разных слов: можно сказать «много воды», но нельзя говорить «вода» во множественном числе.

Но если вещи делимые, мы можем противопоставить множество единице. В других случаях всё равно, множество имеет многочисленность вообще или в сравнении с чем-то. Равно как и всё равно, малое мало само по себе, или в сравнении со многим. Но если мы говорим о числах, то множество противоположно только единице.

Когда мы выбираем между одним и многим, мы так же отождествляем одно с единицей, как белый цвет отождествляют с белизной, а измеренное — с измеримым мерой. Точно так же мы говорим о множестве как

о многократности: всякое число состоит из единиц и измеряется единицами. Поэтому его можно противопоставить одной единице, но нельзя противопоставить малому числу единиц.

Таким образом, два — это тоже много, но не в том смысле, что как-то слишком много или больше чем нужно, но как первое множественное число.

Конечно, в прямом смысле два это мало, потому что это первое множественное число, очень маленькое. Поэтому неправильно настаивал Анаксагор, что все вещи «бескрайни и во множестве, и в малости», ему нужно было сказать «в малочисленности», потому что множество может быть бескрайним, а малость не может. Одно не может стать «малым», как думают некоторые, «мало» — это по меньшей мере два.

Итак, одно и много противоположны друг другу в мире чисел: как мера и измеряемое. Числа используются для счета чего-то, но сами себя они посчитать не могут.

В другом месте мы разобрались, что отношение к вещи бывает двояким: либо отношение между двумя вещами, либо отношение знания к познаваемому; и тогда знание — это не вещь, а что-то другое.

Ничто не мешает, чтобы одно было меньше чего-то, скажем, двух. Но если оно меньше, не значит, что надо называть его «малым». Множественное число — это род числа: любое число — это множество, измеренное единицей. Поэтому можно противопоставить «одно» и «число», не как противоположные вещи, но, как мы уже сказали, как отношения внутри отношения. 1057a

«Одно» и «число» только в том противоположны, что одно — мера для другого. Не всякое одно есть число: например, если оно употребляется всегда только в единственном числе, это не число, потому что неисчислимо.

Но нельзя говорить, что знание относится к познаваемому, как одно относится ко многому. Конечно, некоторые думают, что знанием мы измеряем вещи, как поддающиеся измерению. Но мы сталкиваемся с тем, что хотя всякое знание познает, не всякое познаваемое имеет свое знание, так что при некотором повороте познаваемое — мера знания.

Множество не противоположно малому, потому что малому противоположно многое, как большинство меньшинству. Но и одному оно противоположно не во всех смыслах, но только в том смысле, что оно делимо, тогда как одно неделимо, а также они относятся как знание и познаваемое: знание измеряется познаваемым, так и множество измеряется единицей.

7

Раз некоторые противоположности допускают чему-то стоять между ними, и у некоторых это получается, то следует признать, что все эти промежуточные вещи исходят из противоположностей. Ведь всё промежуточное того же рода, что и противоположности, между которыми оно.

Ведь мы называем промежуточным то, во что сперва превращается вещь, которая во что-то превращается. Скажем, постепенно мы переходим от профундо к альтино, и проходим промежуточные звуки. И среди цветов когда идем от белого к черному, сперва приходим к красному и бурому, а потом уже черному. Так и в других вещах.

Переход из одного рода в другой род возможен только со стороны признаков. Нельзя, скажем, превратить цвет в форму. Неизбежно, что промежуточное родственно и другим промежуточным вещам, и крайним противоположностям.

Также всё промежуточное всегда располагается между противоположностями, и только из них может происходить при превращении. Поэтому не может быть ничего промежуточного между не противоположными вещами, иначе бы эти вещи стали превращаться во что-то сами по себе.

Из противоположностей противоречие не допускает промежуточного. Ведь противоречие — противопоставление, представленное обеими частями, так что промежуточного нет.

А прочие — отношение, лишенность и противопоставленность. При соотнесении нет промежуточного, если они не противоположны, по причине разнородности.

Есть ли что-то промежуточное между знатоком и знанием? Есть между большим и малым. 10576

А если того же рода промежуточное, как доказано, и между противоположностями, то неизбежно сложено из противоположностей. Ведь у них будет какой-то род или нет. И если такой род есть, что он прежде противостоящих, то прежде противостояния будут те отличия, которые и придумали эти враждебные виды внутри рода. Ведь виды складываются из рода и отличий. Скажем, белое и черное противоположны, и белый цвет различает (расщепляет) зрение, а черный цвет сливает зрение, то эти различия, распределение и слияние, предшествуют. Так что это и есть предшествующее противостояние.

Но противостояние различного — большее противостояние. И прочие промежуточные виды должны быть из рода и отличий. Но эти отличия не будут первыми противоположностями, иначе любой цвет был бы белым и черным, раз цвет это род, а первые различия в нем — распределение (расщепление) и слияние, белое и черное.

Так что прежде всего надо искать противостоящее внутри рода, и из чего состоит промежуточное. Ведь получилось, что вещи в одном роде состоят из не складывающегося в род или сами не составные.

Противостоящие не составные вещи, не складывающиеся друг из друга — это начала. Между ними либо всё, либо ничто. Но из противоположностей возникает что-то, что в него можно превратиться раньше, чем в другую противоположность. Ведь в сравнении с противостоящими вещами оно и хуже, и лучше. Оно поэтому промежуточно.

А все другие промежуточные вещи тоже составные. Ведь то, что и хуже, и лучше, как-то составлено из того, в сравнении с чем оно хуже и лучше.

Но так как нет однородных предшественников противопоставленных вещей, то все промежуточное уже образуется из них. Так что все противопоставленное и все промежуточное — из первых противоположностей.

Доказано, что всё промежуточное будет того же рода, что промежуточное между противоположностями и состоять из противоположностей.

8

Другое по виду другое по отношению к чему-то в чем-то: и то, и другое должно быть заявлено. Скажем, если животное другого вида, то животные — тоже виды.

Итак, получается, что вещи другие друг другу по виду одно и того же рода. Родом я называю то, благодаря чему обе вещи могут быть названы одинаково, но
1058a что различается не по случайному признаку, будь то в материи или как-то иначе.

Ведь должно быть заявлено не только общее, как что оба — живые существа, но и само это живое суще-

ство должно быть другим в каждом случае. Скажем, это лошадь, это человек. Общее им по роду различно им по виду.

Само по себе одно будет таким-то живым существом, а другое — другим, скажем, это лошадь, это человек.

Итак, получается, что видовое отличие — инаковость рода: род становится другим для самого себя, придумывает себя как другого.

Такое различие будет противопоставлением, что доказывается индуктивно. Ведь всё делится по противоположностям, и указывается на то, что противостоит в этом роде. Ибо противостояние — это совершенное различие, а всякое различие по виду различие от чего-то в чем-то. Оно и есть род для обеих различных вещей.

Поэтому все противоположные внутри вида вещи будут стоять в одной клетке таблицы разрядов, хотя они совершенно чужие друг другу, потому что различие их совершенно, и вместе одним они никак быть не могут.

Итак, различие — противопоставление. Итак, быть другим по виду — быть в одном роде, но противопоставляться на уровне особи. Особь это то, что тождественно по виду, и потому не несет противопоставления внутри себя. При подразделении находят все новые противопоставления и по ходу, пока не дойдут до особей.

Так что очевидно, что так называемый род не тождествен и не другой никакому своему виду. Разумеется, ведь материя указывается путем отрицания, а род — материя для вещей этого рода; не в смысле «род Гераклидов», но в смысле как в природе. То же можно сказать о разнородном: можно давать видовое отличие для каждого только внутри его рода. Ведь различие по виду всегда противопоставление, а противопоставлять можно только виды внутри рода.

Кто-нибудь спросит, почему мужчина и женщина не различаются по виду, хотя различие между мужским и женским полом доходит до противоположности. Также почему самка и самец не разные виды, хотя это различие внутри одного и того же живого существа, и не случайное, как различие белой или черной масти, но любое животное заявляется как самка или самец.

Это почти то же недоумение, почему одно создает противопоставление видов, а другое — нет. Скажем, «сухопутность» или «оперение» создает, а белизна и чернота — нет. Или просто первое собственные страсти рода, а второе — нет?

10586 Так как у нас есть формула и материя, то противопоставления в формуле создают различия, а во взятой с ней материи — не создают. Поэтому ни белизна, ни чернота не создают в человеке различия: белый и черный человек не отличаются по виду, даже если они будут зваться разными именами.

Ведь здесь человек взят как материя, а материя не измышляет различия. Поэтому отдельные люди не могут быть видами человека, хотя у них разное мясо, разные кости и т.д. Целое каждого человека другое, но в формуле нет никакого противопоставления. Отдельный человек — это предел, это особь.

Каллий — это формула вместе с материей. А белый человек — белый Каллий, значит это привходящий признак человека.

Круг будет кругом, будь он из дерева или из меди. А медный треугольник и деревянный круг различаются не из-за материала, а из-за наличия противопоставления в формуле.

Но измышляет ли материя разнообразие видов, раз она сама разнообразна, — или нет? Почему данная ло-

шадь другая по виду чем данный человек; хотя их формулы всегда включают одну и ту же материю? Только ли формула во всем виновата?

Конечн, есть различие между белым человеком и черной лошадью, и по виду, — но не в силу того, что один белый, а другая черная. Если бы они оба были белыми, то было бы точно такое же различие по виду.

Теперь о мужском и женском — это свойственные живым существам страсти (претерпевания), но не по сущности, но в материи и теле. Поэтому из одной спермы возникают и мужчина и женщина, в зависимости от того, какую страсть сперма претерпела.

Мы сказали, что такое быть другого вида, и почему они вещи различны по виду, а другие — нет.

10

Так как противоположности различны по виду, а тленное противоположно нетленному, так как лишённость — определенное бессилие, то получается, что тленное и нетленное — разные роды бытия.

Сейчас мы говорим о всеобщих именах, и сперва некоторым философам думается, что не обязательно, чтобы нетленное и тленное были еще и различных видов. Ведь нет необходимости белому и черному всегда быть различных видов. Вещь одного и того же вида бывает и той и другой, а в смысле всеобщего понятия — даже одновременно, как человек вообще бывает и белым и черным, хотя белое противоположно черному.

Но дело в том, что в некоторых вещах противоположности случайны, как только что указаны, но другие противоположности не могут такими быть, как противоположность тленного и нетленного: нельзя 1059a стать тленным случайно. Ведь признака может не

быть, а тленность необходимо заявлена в том, в чем заявлена. Иначе бы одна и та же вещь была бы и тленной и нетленной, если бы не была тленность сразу заявлена в вещи.

Итак, получается, тленность в каждой тленной вещи — либо сущность, либо заявляемое сущностью. Та же формула и о нетленном. И то, и другое заявляются неизбежно.

Итак, противопоставление тленного и нетленного первично. Так что они неизбежно разные роды.

Понятно, что не могут быть такие «идеи», о которых говорят некоторые философы, иначе бы человек был бы и тленным и нетленным. Эти «идеи», виды, тождественны частным вещам и не могут быть омонимами. Что по роду другое, то еще дальше, чем другое по виду: еще больше скучают расстоянья.

КНИГА К (11)

УЧИМСЯ АНАЛИЗИРОВАТЬ ФИЛОСОФСКИЕ ПОНЯТИЯ

Что мудрость, в общем — наука о началах, очевидно из сказанного в начале, когда мы застревали в сказанном другими о началах. Но сейчас мы застреваем на другом вопросе: одна предполагается наука мудрость или много? 1059a

Если одна наука, то любая наука всегда изучает противоположности, а начала не могут быть противоположными. А если много наук, то какие это науки?

Еще, начальные доказательства должны браться из одной науки или нескольких? Если из одной, то почему это именно мудрость, а не другая какая-нибудь наука? А если из нескольких, то из каких берем?

Еще, будем ли мы изучать все сущности или нет? Если не все, то затруднительно перечислить их все по одной. А если на все сущности одна наука, то неясно, как одна наука с ними со всеми управится.

Еще, это будет наука о сущностях или о свойствах тоже? Если о свойствах, то в ней будут доказательства, а если только о сущностях — то доказательств не будет. Получается, это две разные науки? Какая из них какая, и какая тогда мудрость?

Если мудрость начнет доказывать, она будет только о свойствах. Но если мы хотим найти первичные вещи, мы имеем дело с сущностями.

Искомая нами наука не занимается также причинами, о которых мы говорили в «Физике». Не занима-

ется она и целевыми причинами, такими как благо. Благо заявляет о себе на деле: в существующем в движении. Но мы сейчас занимаемся перводвигателем как целью наших исследований — но он-то не находится в движении.

10596 И вообще мы в тупике, посвящена ли искомая наука чувственным существованиям или каким-то другим. Если другими, то либо «идеями», либо математическими вещами.

Доказано, что «идей» нет. Но в тупике мы, даже если кто-то обоснует идеи, почему они не так поставлены, как математические вещи. Мы знаем, математические вещи ставят между идеями и чувственными вещами как нечто третье между тем и другим, а вот поставить между тем и другим «третьего человека» или «третью лошадь» не получается. Есть только отдельный человек и отдельная лошадь.

А математические вещи есть, иначе о чём будет писать математик? Никак не о здешних вещах, потому что они не удовлетворяют требованиям математической точности. Но искомая нами наука не о математических вещах, потому что математические вещи нельзя обособить, но и не о чувственных вещах, потому что чувственные вещи разрушимы.

И самый большой тупик: какая наука может распутать саму материю математических вещей. Это не физика, потому что работы по физике посвящены вещам, имеющим в себе начало движения и устойчивости. Но это и не наука, нацеленная на доказательства, потому что она придумывает, как исследовать само знание. Остается только, что взгляд на эти вещи изобретает та философия, о которой сейчас поговорим.

Еще кто-нибудь запутается: искомая наука посвящена тем началам, которые некоторые философы называют «элементами» и вскрывают их в составных ве-

цах? Но скорее думается, что искомая наука должна быть посвящена всеобщему. Ведь всякая формула и всякая наука — об общем, а не о последнем по порядку. Значит, наша наука — о первичных родах.

Таковыми родами пусть будут «сущее» и «одно». В них больше всего предполагается охват всего существующего и наибольшая близость к началам, ведь в природе они первые. Если их уничтожить, всё остальное исчезнет: ведь всё существует и всякой вещи не меньше одной.

Все различия уже необходимо происходят от этих родов, потому что различия не могут проведены внутри самого рода. Поэтому к ним никто не будет сводить различные роды или различные начала.

Если начало всегда проще, чем происходящее от него, но особи всегда проще рода (так как особь неделима, а род делится на виды), то сперва кажется, что начало скорее вид, чем род. Но вид невозможен без рода, поэтому лучше считать начала родами. Начало — это то, без чего невозможно последующее. Итак, эти 1060а и сходные рассуждения нас запутывают.

2

Далее, если искомая наука занимается вещами, то имеются ли в виду вещи по отдельности или нет? Отдельные вещи даже не пересчитаешь. Кроме отдельных вещей есть роды и виды, но искомая наука не изучает роды и виды; и мы уже сказали, почему она не может этого делать.

Большой вопрос: предполагается ли какая-то особая сущность кроме чувственных здешних сущностей, или только такие сущности освещены светом мудрости? Скорее всего, мы ищем какую-то еще сущность, поэтому и будем об этом сейчас рассуждать, посмотрев,

есть ли что-то отдельное само по себе, не выявляемое среди чувственных существований.

Если кроме чувственных сущностей есть еще какая-то сущность, то с какими чувственными сущностями ее надо сопоставить? Нужно ли ее сопоставлять с людьми или лошадьми, или со всеми живыми существами, или еще и с неодушевленными вещами? Но изготавливать вечные сущности, подгоняя их под чувственные разрушающиеся вещи — это уже совсем за гранью благоразумия.

А если искомое начало неотделимо от тел, то материя как нельзя лучше годится быть этим началом. Но материя — не действительность, а динамика. Уж лучше взять более главенствующее начало: идею, точнее, облик. Если и оно окажется подвержено разрушению, то тогда у нас вообще не останется никакой отдельной самостоятельной сущности.

Но это нелепо. Самые успешные в философии, судя по всему, искали такое начало и существование. И как можно упорядочить вещи, если нет ничего вечного, отдельного, пребывающего?

Затем, если какое-то существование, стоящее в начале, нужной нам природы, и такое начало одно для всего, для вечных вещей и разрушимых вещей, то тогда тупик: почему от одного и того же истока исходят вечные и не вечные вещи, что нелепо. А если один источник разрушимых вещей, а другой источник вечных вещей, то всё равно мы в тупике: первоначало всегда вечное, почему же из него проистекают временные вещи? Если мы допустим разрушимое начало, то чтобы его начать, понадобится такое же начало, и так до бесконечности.

Если наиболее общепризнанны неизменные начала, сущее и одно, то первый вопрос: как они могут существовать отдельно и сами по себе, если они не ука-

зывают на сущность во всей ее определенности? Нам нужны такие вечные первоначала. Если тогда оба они — определенные сущности, то тогда и все вещи, как произошедшие от них — сущности, и всё что угодно можно отнести к разряду «сущее», а некоторые вещи — и к разряду «одно». Но ошибочно говорить, что любая существующая вещь — сущность.

Далее, разве могут быть правы те, которые говорят, что единица — это первоначальная сущность, и что от единицы и материи сперва рождается число, и что оно поэтому и есть сущность вещей? Ведь тогда за пределами мысли двойка и все остальные составленные из единиц числа? Они об этом не говорят, потому что не находят, что сказать.

А если кто полагает началами линии и их носители, именно, первые плоскости, то это никак не отдельные сущности, но отрезки и сечения: линии — плоскостей, а плоскости — тел, а точки — линий; а также они — границы тех же вещей. В любом случае, они существуют в других вещах, но никак не по отдельности.

Затем, как возможно предположить существование единицы как точки? Любая сущность возникает, а точка не возникает, но представляет собой деление.

Оставляет нас в тупике и то, что всякая наука говорит об общем и качествах, а сущность — это не общее, но данное отдельное. Поэтому если есть наука о началах, то можно ли предполагать начало сущностью?

Затем, есть ли что-то кроме всецелого или нет? Всецелым я называю материю и всё последующее. Если не существует, то тогда есть только разрушимые вещи внутри материи. А если существует, то это «идея» как облик. Но для каких вещей она существование, а для

каких нет — трудно разграничить. Скажем, для некоторых вещей ясно, что вид неотделим от самой вещи: вид дома — это часть дома.

Затем, тождественны ли начала по виду или по числу? Если по числу, то тогда всё — одно и то же.

3

Философ изучает сущее как оно есть вообще, а не по частям. Но «сущее» имеет разные смыслы, а не один. Но если одно только имя, а больше ничего общего нет, то для каждого значения сущего будет отдельная наука — потому что если одно имя для разных вещей, то эти вещи разнородны. А если у этих смыслов есть что-то общее, то можно было бы взять их в одну науку.

1061a Похоже, о «сущем» мы говорим так же по-разному как о «медицинском» или «здоровом»: значения всех этих слов различны до неузнаваемости. Всякий раз свое словоупотребление: одно дело — обращаться к врачебной науке, другое — к здоровью, затем еще к чему-то; и всякое такое обращение всегда к чему-то. Мы можем говорить «медицинская формулировка» и «медицинский скальпель»: первое происходит из медицинской науке, а второе употребляется в медицинской науке.

Точно так же «здоровым» может называться и то, что имеет признак здоровья, и то, что создает здоровье. Такой же способ высказывания и о других вещах: точно так же мы можем сказать обо всем: о чем-то как о сущем мы говорим, потому что сущее этим страдает, или сущее к этому привыкло, или сущее к этому предрасположено, или сущее так меняется, и т.п. А так как всё сущее можно возвести к чему-то одному общему, то всякая противоположность будет возведена к первым

различиям и противопоставлениям внутри сущего. Неважно, первые различия внутри сущего — это различие единственного и множественного, или четного и нечетного, или что-то еще. Главное, что всё это дано созерцанию.

И совсем не важно, возводить ли возникновение сущего к сущему или единственному. Даже если сущее и единственное — не одно и то же, но разные вещи, то есть обратимость: всё единственное каким-то образом сущее, а всё сущее — единственное.

А так как все противоположности созерцаются одной и той же наукой, то одна из противоположностей будет отсутствием другой. Хотя кто-нибудь встанет в тупик, как можно говорить об отсутствии, если между противоположностями, скажем, между несправедливым и справедливым, стоит нечто среднее. Всегда для вещей такого качества нужно предполагать отсутствие не как отрицание всей формулы, но как отрицание конечного вида. Скажем, если «справедливый» — тот, кто привык повиноваться законам, то не обязательно «несправедливый» — тот, кто не будет повиноваться никаким законам, но кто просто в чем-то пренебрегает повиновением законам, — и именно это отсутствие в нем себя и заявляет. Так же точно рассудим и о других вещах.

Математик умеет созерцать отвлеченные вещи. Он созерцает, отвлекаясь от всего чувственного: тяжести и лёгкости, жёсткости и не жёсткости, тепла и холода и от прочих чувственных противопоставлений, но оставляет только число и протяженность, одномерную, двухмерную или трехмерную. Он исследует, что происходит с вещами как с количествами и протяженностями, и больше ничего в них не созерцает. Он может обращать внимание на взаимное расположение предметов и заполнение мест, может обращать

внимание на соизмеримость и несоизмеримость, может на формулы, но мы предполагаем одну и ту же науку для всего — геометрию. Точно так же изучается сущее.

Только философия, и никакая другая наука, созерцает, как у сущего появляется свойства, и как что-то оказывается ему противоположно. Конечно, физика тоже имеет дело с существующими вещами, но ей досталось созерцание только того, как вещи движутся. А диалектика, точнее, софистика, дальше свойств вещей и не идет, и не изучает сущее именно как сущее. Итак, остается философу созерцать сущее, о котором мы только что говорили.

Итак, сущее, несмотря на множество значений этого слова, означает что-то одно общезначимое, и точно так же понятие противоположностей общезначимо, потому что какими бы ни были противоположности, они восходят к первоначальным противоположностям и различиям в сущем, а с одним предметом одна наука справится. Мы преодолели начальное недоумение, когда мы не могли никак разобраться, как может быть одна наука для множества различных разнородных вещей.

4

Хотя математик тоже опирается на общие понятия, но только наша первая философия созерцает начала этих понятий.

Например, «Если от равного отнять равное, то остатки равны» — общее положение для любых количеств. Математика прилагает это положение к любому разделу своего материала, и уже потом изобретает, что сейчас будет созерцать: линии, углы, числа или какие-то еще количества. Математика берет эти количества

не как сущие, но как непрерывные одномерные, двухмерные или трехмерные.

А философия даже когда берет частное, не смотрит на свойства его частей, но созерцает сущее как существенное для всего частного. В физике так же как и в математике: физика изучает свойства и созерцает начала сущих вещей как начала движения, а не существования. А о первой науке мы только что сказали, что она видит за вещами существование, а не различия. Поэтому физика и математика должны быть признаны только разделами мудрости.

5

В сущих вещах есть принцип, не позволяющий нам ошибиться, но заставляющий всегда создавать противоположное ошибке, иначе говоря, говорить правду. Это принцип недопустимости одновременного бытия и небытия одного и того же, иначе говоря, невозможности одновременного бытия вещи своей противоположностью. 1062a

О таком просто не бывает доказательства, разве что частнообязательные. Ведь нельзя строить силлогизмы от более достоверного к менее достоверному, а это потребовалось, если бы нам пришлось это доказывать.

Но если кто отстаивает противоположные утверждения, нужно показать, почему это ложь, исходя из невозможности тождества бытия и небытия, при этом сказав, что это не может и показаться тождественным. Только это будет убедительным против того, кто считает противоположные утверждения одновременно истинными.

Кто собираются общаться друг с другом логично, те должны как-то понимать друг друга, а иначе как они

поймут слова друг друга? Поэтому каждое из имен должно быть известным и являть не многое, а только одно. Если оно означает больше одного, то нужно объяснить, когда это имя что в себе несет.

Итак, кто утверждает одновременно бытие и небытие, тот разом говорит «да» и «нет», делает имя одновременно значащим это и не значащим это, что невозможно. Поэтому если бытие что-то значит, то называть его небытием — неправда.

Затем, если имя что-то обозначает правдиво, то так и есть в бытии. А что необходимо есть, то не может порой не быть. Следовательно, утверждение и отрицание об одном и том же, как противоположные, не могут быть оба правдой.

Затем, если утверждение не более правдиво, чем отрицание, то называющий человека человеком не более правдив, чем отрицающий, что человек — человек. В любом случае, кто говорит, что человек — не лошадь, более прав, чем кто говорит, что человек — человек. Тогда, если противоположные высказывания равно верны, тем более правда, что человек — лошадь. Получится, что один и тот же человек будет лошастью и любым другим животным.

Итак, нет никакого прямого доказательства истинности обеих противоположностей, но есть доказательство против полагающего такое. Такими вопросами мы и самого Гераклита заставим признать, что невозможно двум противоположным утверждениям об одном и том же быть правдой. Просто Гераклит держался этого мнения, потому что сам не понимал, что говорит.

10626 Но в целом, если речи Гераклита верны, то это утверждение не верно: мол, что допустимо, чтобы тождественное себе одно в одно и то же время было и не было. Ведь если их разъять, то в утверждении не

больше правды, чем отрицании; а если переплести их, чтобы было как некое одно утверждение, тоже утверждение об этом целом не будет более правдиво, чем отрицание.

Еще, если ни о чём нельзя истинно сказать, то ложь — и высказывание о невозможности ни одного правдивого высказывания. А если есть о чем истинно сказать, то те, кто против этого ополчается, вовсе уничтожают диалог.

6

Близко к описанному и изречение Протагора, который говорил, что человек есть мера всех вещей. Он сказал лишь, что несомненно только то, что в людском мнении. Но если так, то одно и то же есть и не есть, плохо — это хорошо, и противоположные высказывания совпадают. Ведь часто одному одно представляется правильным, другое другому, и тогда что каждому представилось — то и мера.

Эта трудность решается при обзоре источника такого предположения. Похоже, что некоторые восприняли его из позиции физиологов (философов природы), а некоторые из того, что не бывает одного знания как узнавания вещей у всех: одним кажется это сладким, а другим напротив.

Общий догмат почти всех, писавших «О природе», что ничто ничего не производит, а сущее все производит. Но если белое не может «стать белым», то «стать белым» можно из не-белого; но чтобы бытие не возникло из небытия, нужно признать, что небытие тождественно бытию.

Но этот тупик нетрудно преодолеть: в самих книгах «О природе» сказано, что вещи возникают в некотором смысле из небытия, а в некотором смысле из бытия.

К тому же легкомыслие внимать мнениям и грезам тех, кто ни о чём не могут договориться. Очевидно же, что обязательно многие из них ошибаются.

1063a Их ошибка очевидна даже из происходящего в чувстве. Никогда одна и та же вещь не представится одним сладкой, а другим — напротив: если только у одних не разрушен и не поврежден орган чувства — орган суждения о воспринимаемых соках. Если одна вещь кажется разным людям разной, то одни люди — мера вещей, а другие — не мера вещей. То же самое скажу и о добре и зле, правильности и уродстве и т.п. Считать что одно и то же разное, это всё равно как люди подносят палец к глазам и видят два пальца, но это не значит, что один палец это два пальца, но только то, что если бы не менялся наш взгляд, мы бы видели только один палец.

Из переменчивости здешних представлений и отсутствия постоянства в вещах никуда не годится судить об истине. Если мы ведем охоту на истину, мы должны исходить из вещей, верных себе, а не придумывающих себе изменения. Таковы вещи в космосе: не так что они сейчас кажутся такими, а потом совсем другими, но они всегда одни и те же и не приобщаются никакой переменчивости.

Если есть движение и движущееся, то движение откуда-то исходит и к чему-то приходит. Итак, движущееся должно быть в том, откуда двигается и уже не быть в нем — и двигаться туда, но там и быть. И то, и другое истинно, но это не значит, что все всегда правы и противоречий нет.

Из того, что здесь всегда изменяются и перемещаются количества, и поэтому истинное утверждение может оказаться неистинным, не следует, что всё время меняются качества. Думается, что считающие истинными обе части противоречия, основываются на том,

что тела всё время меняются количественно: одно и то же тело и четыре локтя длиной, и уже не четыре локтя. Но существование всегда качественно, потому что определенность природы качественна, а это количество может относиться к чему угодно.

Затем, почему они подчиняются врачу, когда он прописывает питаться такой-то пищей. Ведь эта пища может стать не-пищей, да и есть ее может оказаться всё равно что не есть. Но они убеждены в истине этой пищи, и существом своим повинуются требованию есть эту пищу. Так бы они не должны были делать, если бы не было природы в чувственном употреблении, которая устойчива до твердости, пусть даже всё движется и переменяется.

Еще, если мы все время меняемся и никогда не остаемся теми же, то не будем удивляться, если вещи нам все покажутся не такими, как больным всё кажется не тем. Так как болезнь — это совсем не здоровое состояние, то и чувства видят всё не как надо; хотя сами чувственные вещи не начинают от этого участвовать ни в каких превращениях. Просто у больных они создают другие чувства, не эти. Тогда наши перемены неизбежно придется признать болезненными. А если мы не меняемся, не болеем, но держим себя в руках, то и вещи остаются собой. 10636

Есть те, кто любит просто спорить о словах. Их недоумения разрешить трудно, потому что в споре можно опираться только на то, что не сводится к словам. Только так можно что-то формулировать и доказывать, а если ни на что не опираться, то ни разговора не получается и даже слов не получается. С такими людьми не договоришься. А если люди заходят в тупик, когда следуют философскому преданию, то им легко дать ответ и разрешить все их недоумения. Из сказанного ясно.

Из этого очевидно, что невозможно, чтобы противоречащие утверждения об одном были истинны одновременно. Равно как не могут быть истинны противоположные вещи, потому что противоположность образуется отрицанием. Это очевидно, если разбирать формулировки противоположностей, добираясь до начального противопоставления.

Точно так же нельзя усреднять суждения об одном и том же. Если предмет разговора бел, то сказав, что он «не черен и не бел», мы солжём. Тогда получится, что он и бел и не бел, и только одно из утверждений в этом сплетении слов будет истинным, а другое будет означать противоположность белому.

По Гераклиту, как и по Анаксагору, мы вообще не способны говорить правду, потому что тогда одна вещь будет отнесена к противоположным разрядам. Когда этот философ говорит, что во всём есть частица всего, он считай говорит, что всё и сладкое и горькое, и вообще никаких противоположностей не будет, но во всём заявит себя всё не только в возможности, но и в действительности и членораздельно.

Точно так же все высказывания не могут быть ложными и все не могут быть истинными, потому что если так утверждать, наши рассуждения станут невыносимыми. Да и если все высказывания ложны, то лжет и тот, кто это говорит; а если все высказывания истинны, то и утверждение, что все высказывания ложные, будет истинным.

7

1064a Всякая наука ищет начала и причины всего, что желает знать. Такова и медицина, и спорт, и прочие поэтические и математические науки. Каждая из них, вписанная в какой-то род вещей, с ним имеет дело как

с заявленным и существующим, но не как с существующим как таковым — для этого есть другая наука, чем эти науки. Каждая из перечисленных наук, подходя к бытности каждого рода, пытается доказать всё прочее для этого рода, мягко или жестко.

Воспринимают бытность вещей науки либо благодаря чувству, либо благодаря гипотезам. Всё это наведение на истину; а доказать сущность и бытие вещей нельзя.

Так как наука о природе есть, очевидно, что такая наука другая, чем деятельные или поэтические науки. В поэтической науке началом движения признается поэт, а не поэзия, и как динамика рассматривается само искусство или что-то еще. В деятельной науке движение тоже скорее видят не в деле, а в деятелях. А вот физика, наука о природе, изучает вещи, полагающие в самих себе начало движения.

Итак, стало очевидно, что наука физика неизбежно не деятельная и не поэтическая. К какому-то роду она непременно относится. А так как каждой науке полагается знать бытование своих вещей и опираться на него как на принцип, то не нужно забывать, как в физике даются определения и в каком смысле принимается формулировка сущности, как «курносое» или «изогнутое». Формула «курносое» образована с учетом материи вещи, а формула «изогнутое» без учета материи. Курносым бывает нос, и это входит в определение — что курнос изогнутый нос. Очевидно, что мясо, глаз и другие материальные части тела надо всегда определять вместе с материей.

А так как есть некоторая наука о сущем как существующем отдельно, то посмотрим, можно ли считать такой наукой физику, или это скорее другая наука.

Физика занимается вещами, начинающими движение с самих себя. А математика — теоретическая наука

ка о постоянном, но не обособленном. Значит, обособленным неподвижным должна заниматься иная наука чем эти две, если только такая сущность может быть заявлена, обособленная и неподвижная, — что мы и сейчас попробуем доказать. Если есть таковая природа среди сущего, то именно в ней обретается Божество, как первое главенствующее начало.

10646 Очевидно, что есть три рода теоретических наук: физика, математика, богословие. Род теоретических наук самый лучший, и из них лучше всех последняя наука, посвященная самому почитаемому из существующего; а благородство науки определяется предметом ее знания.

Здесь кто-нибудь станет в тупик, нужно ли науку о сущем полагать всеобщей наукой или нет. Так, каждая из математических наук занимается каким-то одним родом, но всеобщая математика занимается всеми родами. Если природные сущности первые среди сущностей, то физика должна быть первой наукой. А если есть другая природа как сущность отдельная и неподвижная, то неизбежно, что наука о ней будет первее физики и первой всеобщей наукой.

8

Так как о простом сущем говорят во многих переносных смыслах, в то числе как о существующем свойстве, то сперва начнем с существования свойств. Что ни одна из наук нашего предания не трактует свойства, очевидно. Строительство не смотрит на обстоятельства пользования домом, скажем, будет ли жителям грустно или весело. Также и наука ткача, наука башмачника, наука повара, каждое по себе смотрит на относящееся к ее ведению, что и есть собственная ее цель.

А вот про музыкальность и грамотность, если музыкант стал грамотным, то как два в одном, и как можно быть, если ты не был прежде, и как месте можно и быть и становиться, становясь грамотным, этим ни одна из признанных наук не занимается, а только софистика. Только эта наука трактует случайные свойства, поэтому Платон отлично сказал, что софист тратится на не существующее. Что недопустимо бытие науки о свойствах, очевидно из рассмотрения на опыте что такое свойство.

Мы всегда говорим о совершенно необходимом. Необходимым мы называем не принудительное, но пригодное для доказательства. А есть то, что бывает часто или не часто, но не всегда и необходимо, но по случаю: скажем, и в зной может похолодать, но это будет не всегда и не необходимо и даже не часто, но просто так сойдется. Свойство — это то, что 1065a бывает, но не всегда и не необходимо, и даже не часто.

Итак, мы сказали, что такое случайное свойство, и очевидно, почему о нем нет науки. Любая наука всегда занимается бывающим всегда или очень часто; но свойство просто иногда случается.

А что у свойства не те же причины и начала, как у бытия как оно есть, тоже ясно. Всё существует как надо. Если одно бывает от другого, а другое от третьего, то третье не будет по случаю, но будет необходимым, и тогда и все причины, и все следствия в этом ряду и будут необходимыми, и мы не можем предположить, чтобы из случайной причины возникла необходимая причина. Так что существует всё, что и должно существовать, и если вещь возникла, то нельзя сказать, что это случайность.

Даже если мы выдвинем гипотезу, что причина случайности — не бытие, а становление, то сбудется

то же самое. Всё сбудется, что и должно сбыться. Завтра будет затмение, если будет что-то еще, а для этого будет что-то еще, и т.д. Таким образом, по ходу времени от уже прошедшего к ожидаемому мы идем к заявленной данности. И раз она есть, то и всё необходимо сбудется, так что всё бывает как и должно быть.

Чем отличается истинно сущее от случайного? Истинно сущее требует усилий разума и страсти, и поэтому, переживая его, мы уже не ищем его начал, как ищем их для внешних и посторонних нам вещей. А случайное, не ведая необходимости, пребывает в неопределенности, и просто случается, и потому и не знаешь, где искать его беспорядочные причины.

Всё целесообразное либо возникает в природе, либо создается разумом. А наудачу действует случайное событие. Как что-то существует самостоятельно, а что-то только как свойство, так и причина бывает необходимая и бывает случайная. Удача — случайная причина, выбирающая среди разных возможностей. Поэтому удача и разум может иметь дело с одним и тем же: разум же тоже делает выбор.

Но причины удачно произошедшего довольно неопределенны. Человек не может ясно помыслить все эти причины, поэтому и не может иметь дело здесь с причинностью. Мы определяем, на счастье или на беду это было по тому, доброе или кривое событие случилось, и всё. А «счастье» или «несчастье» отличается от отдельных счастливых или несчастливых событий только величиной. И так как случайное не может быть первее самостоятельного, то и причина его не первее. Итак, даже если случай или произвольность причина неба, прежде его причина — ум и природа.

Сущее, количество или что-то еще бывает либо только в действительности, либо только в возможности, либо и в возможности и в действительности. Но движение бывает только в мире вещей: ведь меняться можно только внутри какого-то разряда, и нет ничего общего в вещах, что не подводилось бы под какой-то разряд.

Всякий разряд заявляет о себе в вещах двойко. Например, данная вещь может иметь такой-то облик, а может быть его лишена; а по качеству может быть белой и может быть чёрной; а по количеству может быть целым и может быть частью; а по положению может быть наверху или внизу; может быть тяжелая или легкая... Так что движений и перемен столько, сколько видов сущего. А так как в каждом роде различается незавершенное и завершенное сущее, то движением я называю переход качества из возможности в действительность.

Что мы говорим правду, ясно вот из чего. «Постройка» не случайно означает не только сам дом, но и строительство дома: идет постройка. Точно так же «учеба», «лечение», «ходьба», «прыгание», «старение», «возмужание». Движение возникает тогда, когда есть куда завершаться, не раньше не позже. Итак, движение — это завершенное действие того, что было в возможности, и смогло двигаться. Я говорю «смогло» вот зачем. Медь может стать статуей. Но медь находит свое завершение в статуе не потому, что она медь, но потому что она подвижна. Не то же самое быть медью и мочь двигаться: если бы это была одна формула, то и завершенная медь двигалась бы.

Что это не одно и то же, очевидно из противоположностей. Мочь выздороветь и мочь остаться больным —

не одно и то же, — потому что иначе было бы одно и то же быть здоровым и быть больным. Тождествен и един только носитель здоровья или болезни: влага или кровь.

А так как не одно и то же, как не одно и то же цвет и зримое, то осуществление возможности как она была возможна и есть движение. Итак, ясно, что движение именно таково, и происходит движение, когда оно может завершиться, а не раньше и не позже. Любая вещь может стать действительностью, а может и не стать: можно строить просто потому что строится, а можно строить, чтобы то, что строится, стало строением.

Строительство — это деятельность, но и дом — действительность. Когда дом построен, он уже не строится, а строится строение, поэтому строение дома — это действительность, это некоторое движение. Та же формула и для других движений.

А что сказано правильно, очевидно из того, что другие говорят о движении, и из-того, что дать ему определение как-то иначе не получается. Никто не сможет поставить его в какой-либо род, и сразу видно, как тогда говорят: одни называют движение «другостью», «неравенством», «несуществованием», но если всё это и движется, то без всякой необходимости; и если в них или из них превращаются, то столь же превращаются из или в противоположное им.

Только по одной причине движение ставят в какой-то род: в нем видят неопределенность, и соотносимые начала, как отрицающие друг друга, кажутся неопределенными в своей отрицательности. Конечно, названные вещи беспредметны, бескачественны, да и к прочим разрядам не принадлежат. Но движение кажется неопределенным только потому, что его нельзя отнести ни к возможности вещей, ни к действительности вещей.

Скажем, есть какое-то количество в возможности — оно не обязано приходиться в движение, чтобы стать количеством в действительности. Есть количество в действительности, но если мыслить его как движение, оно будет выглядеть неполным — ведь ту возможность, которая стала действительностью, мы не видим уже идущей к завершению.

Поэтому трудно взять в ум, что такое движение. Приходится относить его к лишенности, к возможности или к действительности, — но всё это неприемлемо. Так что остается, как мы говорили, быть ему действительностью в назначенном смысле: которую нелегко усвоить, но которая только и допустима.

А что движение внутри подвижного, очевидно из того, что завершенность подвижное находит, поддавшись этому движению. Действительность двигателя та же, что у движущегося: потому что в обоих случается одна завершенность. Двигатель может двигать, а подвижное может двигаться в действительность этим действием, так что одна действительность обоих. Как от одного до двух расстояние что от двух до одного, и путь вверх равен пути вниз, хотя это разные бытия. Так же надо судить о двигателе и движущемся.

10

Беспредельно то, что невозможно проследить, потому что оно от природы непроходимо, как звук невидим. Или то, что сколько ни иди, не закончишь ход, или что хотя от природы можно пройти, не имеет границ, куда можно было бы дойти. Также можно беспредельно прибавлять, отнимать, или то и другое.

Беспредельность не может быть отдельно от определенного бытия. Раз оно не величина и не множе- 10666

ство, но беспредельное существование, в котором нет ничего случайного, то оно не делится: потому что делится только величина или множество. И нельзя быть неделимым и беспредельным, разве что неопределенным только как невидимый звук. Но мы ищем беспредельное не как непостижимое, но как необъятное.

Затем, допустимо ли беспредельное само по себе, если число и величина не бывают сами по себе, а беспредельное — их страсть? А если беспредельность это свойство, то оно не может по своей беспредельности быть элементом вещей; как не может быть невидимость элементом речи, хотя звук невидим.

Что беспредельное никогда не сможет состояться как действительность, очевидно. Иначе всякая взятая его часть будет тоже беспредельна — потому что быть беспредельным и есть уже беспредельность, — если мы обсуждаем беспредельное существование, а не беспредельную вещественность.

Тогда беспредельное либо неделимо, либо делимо до бесконечности, как только уже делимо. Но не может одно и то же быть беспредельностью и множеством беспредельности. Если беспредельное — сущность и принцип, то тогда любая его частица беспредельна, как любая частица воздуха — воздух. Итак, беспредельное не состоит из частей и не делится на части.

Также невозможно, чтобы существующее в действительности было беспредельным — тогда оно неизбежно было бы количеством. Итак, беспредельность существует как признак. Но если так как сказано, она не может быть принципом, но только случаем воздуха или четного числа.

Мы рассмотрели вопрос в общем виде. А что нет беспредельного среди чувственных вещей, ясно отсюда. Если формула тела — ограничение его плоскостями,

то не бывает ни чувственного, ни умственного беспредельного тела. Не может быть и беспредельного обособленного числа: всякое число и всякое счислимое уже подсчитывается.

А в физике это очевидно из того, что беспредельное не может быть ни составным, ни простым телом. Оно не может быть составным телом, потому что элементов ограниченное количество. Ведь противоположные элементы должны быть наравне и ни один из них не может быть беспредельным: ведь если определенное тело уступит в своей мощи хоть чуть-чуть, оно сразу будет снесено противоположным ему беспредельным. А все эти тела беспредельными быть не могут, так как тело со всех сторон измеримо, а беспредельное имеет беспредельное расстояние; и если тело беспредельно, оно беспредельно со всех сторон и уже второму телу места не остается.

Но беспредельное не может быть и одним простым телом, даже, если как говорят некоторые, оно не состоит из элементов, но производит их. Мы знаем, что не бывает тела, не состоящего из элементов: всякое тело распадается на элементы, из которых состоит; кроме простых тел. Но простые тела не производят элементы: ни огонь, ни какие другие. Не говоря о том, что огонь и другие элементы — не беспредельность, даже ограниченное «всё вообще» не может ни быть, ни стать одним из элементов, как Гераклит говорил, что всё когда-нибудь станет огнем. Здесь та же формула, как и у физиков, говорящих, что кроме стихий есть «одно», потому что всё превращается из одной противоположности в другую: скажем, теплое становится холодным.

1067a

А если чувственное тело всегда где-то, и то же самое место у целого и у его части, как у земли, то если такое тело одного вида с составными частями, то оно либо

будет всегда на месте, либо никогда не будет на своем месте, что невозможно. Оно тогда будет не то вверху, не то внизу. Допустим, ком земли — куда ему двигаться тогда или почему быть именно здесь? А если место родственного тела беспредельно, тогда этот ком займет все его место? Как это возможно? Останется ли у нас вообще что-то от пребывания или движения? Или он будет везде находиться и не сможет двигаться, или же будет повсюду двигаться и не сможет остановиться.

А если «всё» несопоставимо с собой, то и места не сопоставимы, и во-первых, тело всего не будет одним, разве что его собрать в одну кучу, а во-вторых, части тела будут конечного либо бесконечного числа видов. Конечного быть не могут, потому что если «всё» беспредельно, то некоторые части будут беспредельны, а некоторые нет: огонь и вода будут беспредельны и тогда они загубят все свои противоположности. А если будет бесконечное множество простых частей, то будет и бесконечное множество мест, и бесконечное множество элементов. Но этого быть не может: ведь мест ограниченное число («вверх», «низ» и т.д.), и потому «всё» неизбежно ограничено.

Вообще, невозможно, чтобы было и беспредельное тело, и было место для тел, если всякое чувственное тело имеет тяжесть или легкость: оно стремится либо к центру, либо ввысь. А беспредельное, полностью или наполовину, не может страдать и тем, и другим — его не разъять. Да и как беспредельное окажется и внизу, и наверху, и с краю, и посередине?

Затем, всякое чувственное тело на месте, а видов мест шесть. Не может всё это быть в беспредельном теле. Одним словом, если невозможно беспредельное место, невозможно и беспредельное тело. Что находится где-то на месте, оно наверху или внизу, или как-то

еще размещено, и каждое из этих размещений и есть предел.

Беспредельность не то же самое в смысле величины, в смысле движения, в смысле времени — это не одна природа. Всегда последующее называется по предыдущему: движение исходит из величины движения, изменения или роста, а время исходит из движения.

11

Если вещь меняется, то либо признак меняется, скажем, музыкальный человек отправился на прогулку, либо что-то меняется в самой вещи, и это и называют «переменной» без пояснений, даже если меняется какая-то часть: выздоровел глаз, и мы говорим «тело выздоровело». Бывает, что что-то само по себе с самого начала движется, и его мы и называем самодвижущимся. 10676

Так же можно говорить и о движущем: оно вызывает движение либо по случаю, либо своей частью, либо само по себе. Есть перводвигатель, есть движущееся, есть время движения, и есть откуда и куда двигаться. А виды, претерпевания и место, куда движутся движущиеся, остаются неподвижными, как «знание» или «теплота». Не теплота — движение, но согревание.

Перемена не свойств, но самой вещи бывает не во всех вещах, но только если возникает противоположность, вещь-посредник или противоречие. В этом мы убедимся, идя от частного к общему.

Перемены бывают разные. Подлежащее может стать другим подлежащим, а не-подлежащее может стать другим не-подлежащим, подлежащее может стать не-подлежащим, и не-подлежащее — подлежащим. Подлежащим я называю всё, о чем мы говорим утвердительно.

У нас получаются три перемены. Превращение не-подлежащего в не-подлежащее — не перемена, потому что здесь нет ни противоположностей, ни противоречий и вообще противопоставлений.

Превращение из не-подлежащего в подлежащее — это возникновение. Просто возникает то, что есть, а если возникает что-то, то это не просто возникновение, а возникновение чего-то.

Превращение из подлежащего в не-подлежащее — разрушение. Просто разрушение разрушает все, а разрушение какой-то вещи разрушает эту вещь.

«Не существующее» говорят во многих значениях. Но оно не может двигаться ни в смысле связывания или дробления понятий о нем, ни в смысле возможности быть, противопоставленной простому бытию. Можно допустить, что «не белое» или «не доброе» придет в движение как свойство: «не белый человек» может двигаться, но «не белое» двигаться не может. Но если что-то не существует, то оно и двигаться не может.

Если так, то возникновение — это не движение. Возникает то, чего еще нет, и даже если мы видим только призраки возникновения, то правильно сказать, что возникает то, чего еще нет. По той же причине это не остановка.

И еще непроходимо: то, чего нет, для того и места нет, тогда как всё движется на своём месте. Иначе бы мы смогли сказать, где оно.

1068a Гибель — не движение, потому что противоположность движению — остановка, а противоположность гибели — возникновение. Мы назвали три перемены, и возникновение и гибель — не движения, а перемена в противоречие. Следовательно, движение — это только изменение подлежащего в подлежащее.

Подлежащие либо противоположны, либо посредничающие. Отсутствие — это тоже противоположность, о ней можно говорить утвердительно: «голый», «слепой», «чёрный».

12

Раз разряды делятся на сущность, качество, место, творение, страдание, отношение, количество — должно быть три движения: в другое качество, в другое количество, в другое место. Движения в другую сущность нет, потому что нет противоположности сущности, как и движения в другое отношение — потому что при отношении одно поистине может измениться, а другое совсем не измениться, потому что пока сохраняется отношение, у члена отношения меняются только свойства. Равно нет движения в другое творение или в другое страдание, так как это было бы движением в движение или движением в движимость, но не бывает движения движения, как не бывает рождения рождения или вообще изменения изменения.

«Движение движения» можно было бы понимать двояко. Либо одно движение было бы подлежащим, как (загорающий) человек — подлежащее движения из белого в черное. Тогда мы бы говорили «движение греется», «движение мерзнет», «движение меняет место», «движение нарастает», — но это невозможно, потому что перемена не может быть подлежащим.

Либо «движение движения» было бы переходом другого подлежащего из одного вида движения в другой вид движения: «человек перешел из болезни в здоровье». Но это возможно тоже только для свойств. Всякое движение — превращение из одного в другое, как и возникновение и гибель; только возникновение и гибель — переход в противоположное, а движе-

ние — переход просто в другое. Если человек перейдет из здоровья в болезнь, то тогда он уже начал двигаться в болезни. Но тогда движение в болезни будет выздоровлением (и если остановка движения, то та же логика), и ничего случайного в изменении состояний не будет. Да, бывает такой переход из одного в другое, но только как изменение свойств: перейти от памяти к забвению — это перейти к другому свойству: потому что знание это такое же свойство человека, как здоровье; и значит, тогда меняются только свойства.

К тому же мы бы ушли в бесконечность с этим изменением изменения и возникновением возникновения. Если есть последующее, должно было бы быть предыдущее. Например, возникло возникновение, но возникло возникновение этого «возникло», когда возникшего еще не было, но как будто уже возникло как что возникнет. Когда-то не было и этого «возникновения», так что и оно должно было прежде возникнуть. В бесконечности не отыщешь первого, и здесь не будет первого, и не будет последовательности. Тогда ничего и не возникнет, не двинется, не переменится.

Также тогда одна вещь будет двигаться, не двигаться и останавливаться одновременно, и вместе с возникновением уничтожаться: возникая, она станет сразу ничем для возникновения, так как возникновение еще не произошло.

Также возникает и меняется всё на основе материи. Но что это будет за материя, что за тело и душа, если сразу ей приходится двигаться? И куда ей прикажете сразу двигаться? Ведь движение или возникновение — это всегда откуда-то куда-то. А куда будет двигаться движение из движения? Как нельзя обучать обучение, так нельзя приводить движение в движение.

И так как нельзя двигаться ни в сущность, ни в отношение, ни в творение и страдание, то остается движение в другое качество, в другое количество и другое место, — во всех трех есть противоположности.

Качеством я называю не качество самой сущности (потому что способность вещи отличаться от других — это тоже качество сущности), но то качество, которым вещь страдает или к которому бесстрастна.

Неподвижное — это или вообще не способное двигаться, или же после долгого времени с запозданием начинающее двигаться, а также от природы хоть и способное двигаться, но непривычное к этому, не имеющее места куда двигаться или не имеющее способа двигаться. Последнее я называю «остановившимся», так как именно его покой противоположен движению — спокойно то, что способно двигаться, но решило не двигаться.

Двигается в другое место то, что было вместе в одном месте, а стало отдельно в другом месте, и общность сохраняется разве по краям. Промежуточной вещь становится, как только в ней произошла какая-то перемена, но если перемена продолжится, то она уже дойдет до конца. Противоположное место — наиболее дальнее по прямой. Последующее — то, что после начального по месту, по виду или как-то иначе отделенное, и при этом однородной вещи нет между ними: за линией линия, за единицей единица, за домом дом — а в промежутке может быть вещь другого рода. Порядок — это последовательность для дальнейшего: единица не идет за двойкой, новолуние не идет за второй четвертью. А связь — это соприкосновение с последующим. Так как всякая перемена — в противоположность, а противоположность — противоречие, а противоречие не подразумевает ничего среднего, то среднее может быть только как продолжение от одной противоположности к другой.

1069a

Непрерывное продлевает само себя. Я называю непрерывным то, что тождественно себе и при продолжении нового охвата границы, так что очевидно, что непрерывное — это обладающее естественным охватом. И что тогда есть первое в ряду, очевидно, потому что хотя не все идущее подряд непрерывно, но непрерывность подразумевает ход подряд. Где нет последовательной непрерывности, там и природа не проявится в своем охвате. Поэтому точка не тождественна единице: точки идут непрерывно в линии, а единицы просто идут подряд, и между двумя точками можно поставить точками, а между двумя единицами не вставишь еще одну единицу.

КНИГА Λ (12)

**ВОСХОДИМ
К ПЕРВОДВИГАТЕЛЮ**

Мы обозреваем существование: ведь мы посягаем на начала и причины существований. И если «всё» — это нечто целое, то существование — первичная часть целого. А если «всё» — это последовательность, то всё равно сначала существование, потом качество, а потом только количество. Что не существование, то и не существует как таковое, но выступает как качество или движение. Если мы определим что-то как «не белое», «не прямое», то мы просто признаем, что существует что-то не белое.

Ничего кроме существования не существует самостоятельно. В пользу этого свидетельствует и проделанная древними работа: они отыскивали начала, элементы и причины.

Теперешние философы скорее предполагают всеобщее существование. Роды притязают на всеобщность, — и эти философы пытаются логически сделать их принципами и сущностями. А древние считали телом бытия отдельные вещи, огонь или землю, а не что-то общее.

Есть три существования. Чувственное существование, которое бывает вечным и уязвимым. Последнее признают все: растения, животные... нужно предположить, из каких оно элементов сложено: из одного или из многих. Затем, неподвижное существование, которое некоторые считают особым, а некоторые делят на два, на «виды» и математические вещи, а некоторые признают здесь только математические вещи (третье

существование). Чувственными существованиями занимается физика, как наука об изменчивых вещах, а другими существованиями — другая наука, совсем с другими принципами, чем физика.

Чувственное существование подвержено превращениям. Но если вещь превращается в свою противоположность или в нечто стоящее на пути между противоположностями, — причем не в любую противоположность (голос не белый, но мы не назовем голос и белизну прямыми противоположностями), но только в прямую противоположность — то неизбежно за вещью стоит то, что и превращается в противоположность: сами противоположности не изменчивы, потому что они просто противостоят друг другу.

2

Вещь — это сама устойчивость, а противоположность — сама неустойчивость. Поэтому и нужно что-то третье, а не только противоположные вещи, эта самая материя.

Превращений бывает четыре: либо это уже другая вещь, либо другого качества, либо другого количества, либо в другом месте. Если это другая вещь, то значит, одна вещь возникла, а другая была разрушена. Если изменилось количество, то число прибавилось или убавилось; если вещь стала другой, то она претерпела это; а если она в другом месте, то ее перенесли. Но все эти превращения переводят вещь в противоположное прежнему состояние.

Мы вынуждены признать, что превращениям подвержена материя, как способная стать любой из двух противоположностью. А так как слово «сущее» имеет два значения, то всё превращается из сущего в силах (в возможности) в сущее на деле. Что могло быть бе-

лым, то становится белым, что могло расти, то растёт, и что могло истощаться, истощается. Так что допустимо не только появление вещи из небытия при наделении ее признаками, но и вообще любой вещи из бытия: из возможного бытия, которое на деле было небытием.

Это и есть «единство» по Анаксагору, лучше так сказать, чем как у него «всё заодно». Это же и «смесь» по Эмпедоклу и Анаксимандру. А еще точнее их сказал Демокрит «всё возможно, но не всё действительно». Все эти философы так прикоснулись к материи. Все вещи, подверженные превращениям, включают в себя материю, хотя разную. Благодаря материи вечные вещи не могут «возникнуть», но могут передвигаться с места на место: они не «откуда», а «откуда куда».

Кто-то спросит, из какого именно небытия возникают вещи? Ведь слово «небытие» имеет три значения. Если «небытие» — это еще не сбывшееся бытие, то бытие возникает из такого небытия, но не как попало, но каждое бытие из своего небытия. Недостаточно сказать, что «вообще все вещи возникают из небытия»: ведь материя у них разная, и вообще, почему вещей возникло несчетное множество, а не одна вещь? Ведь ум один, поэтому если бы материя была одна, то просто материя стала бы действительностью, и ничего больше не произошло бы.

Итак, есть три причины и три начала, из которых каждые два противоположны. Это формула, она же вид; это отсутствие; это материя.

3

Далее. Ни материя, ни вид не возникают, в конечном итоге. Ведь всегда превращается определенная вещь под действием чего-то и во что-то. Действует в конце концов перводвигатель, подвергается воздей-

ствию материя и превращается она в вид. А иначе мы уйдём в бесконечность, и будем говорить не только как из меди сделан шар, но и как сделана медь и как сделан шар, и так далее. А надо остановиться.

Затем. Каждая сущность возникает от сущности того же имени (это может быть природная сущность или какая угодно). Тогда сущности могут возникать от искусства или от природы, или по случаю, или внезапно. Начало искусства в другой вещи, чем эта, а начало природы в самой вещи: человек рождает человека. А оставшиеся две причины там, где ничего такого не происходит.

Существований три. Это материя, которая определяется уже по внешности (мы на ощупь, еще не сроднившись, разбираемся, какая материя за чем стоит). Это природа — нечто определенное, привыкшее к собственным изменениям. И это — отдельные вещи из того и другого, скажем, Сократ или Каллий.

Бывает, что нельзя определить не только сложную вещь, но и ее вид. Скажем, нельзя дать определение «вида дома», разве что исходя из знаний строительного искусства. Ведь такие «виды» не возникают и не разрушаются, но дом даже если не построен, может быть придуман или не придуман, так и со здоровьем и другими вещами во власти искусства. Разве что вещь полностью во власти природы, тогда с видом всё понятно.

Поэтому Платон не ошибся, когда сказал, что «идей» столько, сколько их от природы. Вопрос только, можно ли назвать огонь, мясо или голову «идеями», если всё это материальные основы существования.

Движущие причины возникают прежде существований, а причины, становящиеся формулой вещи, вместе с самой вещью. Когда человек здоров, тогда здоровье налицо, а дан медный шар — это медь в форме шара. А вот насколько всё это сохраняется дальше,

над этим надо подумать. В некоторых вещах беспрепятственно: душа всегда сохраняется. Точнее, не вся душа, а ум — вся душа сохраниться не может.

Итак, мы выяснили, что вещи вполне обходятся без своих идей: человек рождает человека, отдельная вещь производит отдельную вещь, и в искусствах тоже так же: врачебное искусство становится формулой данного здоровья.

4

Причины и начала у разных вещей разные, но одинаковые, если говорить о них общими словами и сопоставлять их. Кто-то недоуменно спросит, разные или те же принципы и элементы сущностей и отношений, и далее то же про любой разряд. Но нелепо говорить, что у всех вещей одни причины и начала.

Представим, что отношения и сущности всегда исходят из одних и тех же предпосылок. Что это значит? Нет ничего общего существованию, нет ничего общего и другим разрядным рядам, тогда как элемент всегда предшествует тому, чего он элемент. Тогда ни сущность не может быть элементом для отношений, ни отношения — элементом для сущности. 10706

Далее, разве возможно, чтобы у всех разрядов были одни и те же элементы? Ни один элемент, каким бы он ни был, не может совпасть со сложной из элементов вещью. Не может БА быть равным Б или А. Именно поэтому умопостигаемые вещи, как бытийствование или единство, не могут быть элементами: ведь они проявляются и в любой составной вещи. Итак, элемент не может быть ни сущностью, ни отношением; и неизбежно не могут все вещи обойтись одними и теми же элементами.

Или, как мы уже говорили, элементы как бы одни и те же и как бы не одни и те же. Скажем, если мы бе-

рем в телах чувственную сторону, то тепло будет «иде-ей», и тогда холод будет просто отсутствием тепла, тогда как если мы берем материальную сторону, то материя равно может оказаться холодной и теплой.

Сущности есть и сами по себе, и как то, что из них возникает, для чего они — начала. Так, из теплого и холодного может возникнуть единство, как мясо или кость: ведь возникшее при смешении двух отличается и от того, и от другого. Для данных существований мы назовем такие-то начала, а для других — другие.

У всех вещей не могут быть одни и те же начала, разве что одним началам для одних вещей будут соответствовать другие начала для других вещей. Так, кто-то сейчас скажет, что есть три начала: «идея», «отсутствие», «материя». Но для каждого рода вещей каждое из этих начал разное: скажем, для цвета это соответственно «белое», «черное», «плоскость», а для дня и ночи «свет», «тьма», «воздух».

А так как причины не только заявляют о себе в самих вещах, но и извне приводят их в движение, то очевидно, что элемент и принцип — не одно и то же. Да, и то и другое — причины. Да, начала бывают внутренние и внешние. Ведь то, что приводит в движение и останавливает — тоже некоторое начало, обладающее существованием. Итак, получается, что если элементов три, то причин и принципов четыре: но для разных вещей разные вещи, и даже первая движущая причина своя для каждой вещи.

Дано: здоровье, болезнь, тело. Движущая причина: медицина.

Дано: идея, беспорядок, кирпичи: Движущая причина: строительство. Итак, мы научились поразделять начала.

А так как если мы берем природные вещи, то движущее и движимое одно и то же, человек порождает

человека, а если мы берем вещи в разуме, то двигать может как идея, так и ее отсутствие.

Итак, мы выделили четыре причины, но можно свести их к трем: сказать, что медицина это уже и есть здоровье, и что строительство — вид постройки, и что человека рождает тоже человек. Но сколько бы ни было причин, есть еще одна первая причина для всего, которая всё приводит в движение.

5

Некоторые вещи отдельные, а некоторые — нет. Отдельные вещи — сущности. И как отдельные вещи, они причины всего остального: без сущностей не будет ни претерпеваний, ни изменений. Можно считать такими сущностями душу и тело, или три: ум, интенцию (охоту) и тело. 1071a

Начала могут быть теми же, как полностью соответствующие друг другу: например, возможность и действительность. Но для разных вещей они разные и по-разному. В некоторых случаях возможное и действительное тождественны: возможное и действительное вино всё равно вино, как и мясо, как и человек. Различие здесь то же самое, как то, которое мы только что обсуждали о причинах, три их или четыре. Ведь в действительности есть идея, которую мы можем мыслить отдельно, состав вещи и отсутствие, скажем «тьма» или «изнеможение». А в возможности есть еще и материя, и что может по идее быть, то может и не сбыться.

Вещи различаются и в действительности и в возможности, если у них различная материя. Но также некоторые вещи различаются также и идеей при совпадении всего остального. Так, причина человека — элементы (огонь и земля как материя) и собственный вид, а также и нечто внешнее, именно, отец, а кроме того, солнце

и его косая орбита, хотя это не материя и не вид, и не отсутствие и не того же вида вещь, но движущая вещь.

Также нужно видеть, что некоторым вещам можно придавать всеобщий смысл, а некоторым — нет. У всех вещей есть первые начала: здешняя действительность и где-то еще возможность. Но всеобщих вещей как таковых не существует: потому что каждая вещь имеет началом другую отдельную вещь. Можно сказать, что «вообще человек рождает человека», но Ахилла рождает Пелей, тебя рождает отец. Только тогда Б вообще начало БА, когда данное Б начало для данного БА.

Далее, если в мире существований разные причины и разные элементы для разных вещей, как мы уже говорили, то они разные не только для разнородного, скажем: цвет, шепот, сущность, число (разве что можно провести соответствия), — но и для вещей одного вида. Не в смысле, что они относятся к разным видам, но в смысле, что для каждой отдельной вещи есть свой вид, своя материя, свое движение — для тебя одно, а для меня другое — хотя общая формулировка будет для них та же.

А если спросить, каковы начала и элементы существований, или отношений, или качеств, они те же самые или другие, то очевидно, что если говорить во множественном числе, то одни и те же, а если проводить различия, то будут не те же, а разные. Они те же самые для всех в смысле «вот это»: всё будет «это — материя», «это — вид», «это — отсутствие», «это — движущее». Также можно сказать, что причины существований — это причины «всего вообще», и если не будет этих причин, то не будет ничего. Также первичной оказывается действительность как таковая. Но первично и разное, потому что противоположности нельзя уложить в один род или в одно множественное число. Так же различны и материи.

Итак, сказано, каковы начала чувственных вещей 10716 и сколько их, и как они могут быть и теми же самыми и различными одновременно.

6

Так как три существования, из которых два природных и одно недвижимое, о последнем нужно сказать, что недвижимое существование не может не быть вечным. Ведь существования стоят во главе всего существующего, и если все они подвергнутся разрушению, то будет разрушено всё. Но нельзя породить или разрушить движение, оно было всегда, или время. Ведь чтобы сказать «раньше» или «позже» и требуется время.

Итак, движение — такая же непрерывность, как и время: время либо то же самое, что и движение, либо оно как-то страдает движением. Но непрерывное движение бывает только в смысле перемещения с места на место, и такое перемещение будет происходить по кругу.

Но допустим, есть нечто приводящее в движение или создающее что-то новое, но оно не действует, не действительно — тогда и нет движения. Можно что-то уметь, но не делать этого. Поэтому нет нам проку, даже если мы придумаем вечные существования, как некоторые говорят, «идеи», если в них не будет претворяющего вещи принципа. Но и этого недостаточно, и недостаточно только поставить идею в ряд существований: пока идея не станет действительностью, движения не будет.

И даже недостаточно ей оказаться действительной, если существует она только как возможная. Тогда движение будет только временным, потому что динамика сама не может дорасти до бытия.

Итак, должно быть начало, существование которого действительность. Также такие существования должны обходиться без материи: чтобы пребыть в вечности,

если можно еще занять место в вечности, они должны быть действительностью.

Но здесь тупик: кажется, что если всё действительное возможно, но не всё возможное действительно, то возможность предшествует действительности. Но если так, ничего не будет в бытии: может быть так, что всё так и останется возможным, не дойдя до действительности.

И если мы согласимся с богословами, что все боги родились из ночи, и согласимся с физиками, утверждающими единство мира, то вновь мы застрянем в невозможном. Как что-то придет в движение, если причина располагается не в действительности? Материал сам себя не построит, а только строитель, и месячные и земля не родят, но сперма и семена.

Поэтому некоторые придумывают вечную действительность, как Левкипп и Платон. Они говорят, что движение вечно. Но почему и к чему, они не говорят, и не указывают причину, почему именно так всё движется. Ничто не движется как попало, но всегда что-то должно проявляться, что вот от природы сейчас движется сюда, а от насилия или по убеждению ума куда-то туда. И кто начал первым двигаться — тут не разберешься.

1072a Но даже Платон не может сказать ничего внятного о начале, о котором думает, о само себя движущем: Платон просто говорит о душе, которая появилась позже, вместе с небом. А сама мысль, что возможность первее действительности, в чём-то правильно, а в чём-то нет, и мы уже только что говорили, почему.

Что действительность первична, заявляет Анаксагор (его ум — действительность) и Эмпедокл (первичны дружба и вражда), и все утверждающие, что движение вечно, как Левкипп: не беспредельное время существовали хаос и ночь, но всегда было одно и то же,

или циклами, или как-то еще, если действительность первее возможности.

Но если одно и то же всегда циклично, то что-то одно должно оставаться, то что действует всегда как всегда. Если всегда вещи будут возникать и гибнуть, то нужно, чтобы было что-то всегда действительное и для того, и для другого. Итак, необходимо, что оно будет здесь действовать само по себе, а здесь по-другому. Тогда оно будет иначе действовать, чем в первый раз. Следовательно, получается, что действуя само по себе, оно действует как причина другого действия. Поэтому мы приходим к первому действию, которое причина себе, что оно всегда такое. Другим оно становится совсем по-другому, а вечно всё это продолжается и потому, и по-другому. Вот так соотносятся движения. Зачем требовать еще каких-то принципов?

7

Итак, мы нашли удовлетворившее нас объяснение. В противном случае все происходит из ночи, или из неразличимости вещей, или из небытия. Всё это рухнуло, и вот, есть нечто движущееся безостановочным движением, а это движение по кругу — что очевидно не только из формулы, но и из происходящего. Итак, первое небо вечно.

Тогда что-то его движет. Так как и двигаться, и двигать нельзя без посредничества, то в конце концов это то, что движет, но само не движется. Эта вечная вещь — само существование и сама действительность. Так же действует и желанное, так же действует и мыслимое: движет нас, но само остается неподвижным. Но первичное желанное тождественно первично мыслимому.

Ведь желаем мы того, что выглядит прекрасным, а волим именно то, что по сути прекрасно. Мы охотим-

ся на то, что нам угодно, скорее, чем нам угодно, потому что мы охотимся: мы начинаем с помысла. Ум движим мыслимым, а мыслим тот другой строй вещей как он есть. В этом строю впереди сущность, точнее простота и действительность сущности. Единство и простота — не одно и то же: единство — мера, а простота — состояние.

Но прекрасное ради него самого избирается в этом строю. Ведь первое должно быть лучшим во всём или прописывать всё лучшее.

10726 А что целевая причина есть и в неподвижных вещах, доказывается таким различием. Цель может быть задачей, а может быть предназначением: неподвижная вещь не ставит задач, но имеет назначение. Она движет то, во что влюблена больше жизни, а приведенное ею в движение движет всё остальное.

Если что-то движется, значит, оно может стать другим. Если действительность — это прежде всего порыв, то уже само это движение предполагает другое состояние: если не состояние существования, то хотя бы другое место. Но если в действительности есть неподвижно сущее, которое приводит вещи в движение, то оно никак уж не может стать другим.

Порыв — это первое изменение, и порыву быстрее всего двигаться по кругу, и придать ему столь быстрое изменение может только что-то неподвижное. Следовательно, неизбежно такое неподвижное существует, и существует как надо, и поэтому оно стоит в начале вещей.

Слово «неизбежное» имеет несколько значений: сильно против устремления; без чего вещь не благоустроишь; не допускающее ничего кроме такой прямоты.

Итак, на таком начале держится небо и природа. Это начало обходится с собой так прекрасно, как мы можем только краткое время. Ведь оно такое всегда,

а мы так не можем. Так, его действительность и есть его наслаждение. Мы сами знаем, что сладостнее всего бодрствовать, чувствовать, мыслить, а надеяться всяко и вспоминать всяко — это уже следствия.

А мысль как она есть любит самое лучшее как оно есть; и чем прекраснее эта мысль, тем прекраснее это лучшее. А сам себя ум мыслит при восприятии умственного: он сам становится умным, когда приникает мыслью к умственному, и тогда ум становится одной вещью с умственным.

Ум воспринимает умственное как самое что ни на есть существование, и превращается в действительность, когда принадлежит этому умственному существованию. Думается, божественное в уме — это такое состояние, состояние созерцания, самое сладостное и прекрасное. Но если мы временами такого достигаем, то Бог всегда в таком состоянии, что вызывает удивление, а что это состояние прекраснейшее, вызывает еще большее удивление. Таков Бог в его состоянии, и жизнь в нем жительствоует, ибо действительность ума — жизнь, а Бог во всем действительность. И действительность Бога как она есть — жизнь прекраснейшая и вечная. Поэтому мы говорим, что Бог — живое существо вечное и прекраснейшее, жизнь непрестанная и век непрестанный и вечный явленный в Боге: таков Бог.

Пифагорейцы и Спевсипп предполагают, что самое лучшее и прекрасное стоит не в начале, потому что у растений и животных начала их причины, но прекрасны и совершенны только выросшие из этих причин. Но они ошибаются. Ведь сперма происходит из того, что еще до этого было совершенным, и первым стоит не сеяние, а совершенное. Человек существует раньше сеяния: но не возникший из сеяния человек, но тот, кто произвел сеяние. 1073а

Мы прояснили, что есть существование вечное, неподвижное, отдельное от чувственных существований. Также мы доказали, что такое существование не может иметь какую-либо величину, но не ведает частей и разделений. Ведь оно приводит в движение бескрайнее время, а ничто ограниченное не может иметь безграничную динамику. А так как всякая величина или безграничная, либо ограниченная, то это вечное существование не может иметь ограниченной величины, но не может и иметь безграничной — потому что безграничных величин не бывает. К тому же такое существование не ведает страстей и разрывов с собой. Ведь все такие прочие движения запаздывают за пространственным движением. Итак, очевидно, почему всё так сложилось.

8

Не будем забывать вопрос, нужно ли предполагать такого качества сущность одну или многие. Лучше вспомним утверждения других философов. О количестве этих сущностей никто ничего ясного не сказал. Предположение об идеях не включает никакой отдельной мысли об этом. Так, те, кто говорят об идеях, называют идеи «числами», но те говорят, что чисел бесконечное множество, то, что можно ограничиться первым десятком. Но по какой причине именно столько чисел, никакого старательного доказательства не было.

Мы скажем об этом, исходя из наших суждений и разграничений. Начало, как первое среди существующего, неподвижно и по сути, и по свойствам. Оно движет движение: первое, вечное, единое. Так как движущееся чем-то приведено в движение, то первое движущееся как таковое будет неподвижно. Вечное движение вызывается вечным движением, единое движение —

единым движением. Но мы видим не только простое передвижение всего, которое движет первая неподвижная сущность. Мы видим и вечные передвижения планет — ведь вечно и безостановочно движение по кругу, как мы доказали в книгах «Физиики». Поэтому неизбежно, что любое из этих передвижений движимо самой по себе неподвижной вечной сущностью.

Да, это так: природа звёзд существует вечно существующей; и движущее вечно и предшествует движимому, и предшествующее сущности неизбежно сущность. Очевидно, что сущностей будет сколько звезд, вечных в природе, неподвижных для самих себя и не становящихся величинами по указанной прежде причине.

Итак, есть сущности, одна из них первая, а вторая по порядку проявляется в передвижениях звезд. Это мы уяснили. А множественность таких передвижений нужно рассматривать с помощью стоящей ближе всего к философии математической науки — астрономии. Астрономия измышляет созерцание вечной, но чувственной сущности, тогда как арифметика и геометрия занимаются не сущностями, а числами и измерениями.

Что передвижений непостоянных тел небесных больше одного, очевидно даже тем, кто недалеко продвинулся в этой науке. Ведь любая планета передвигается несколькими передвижениями одновременно. А сколько таких передвижений получается, мы сейчас скажем, приведя размышления некоторых математиков. Разумный подход предполагает определенность множества. Нам остается, предлагая свои решения, разузнавать чужие решения, и если в трудах математиках говорится другое, чем то, что говорим мы, нужно уважать оба решения, но признавать более точное.

Евдокс предполагал передвижение солнца и луны в трех сферах: во-первых, неподвижных звезд, во-вторых, посреди зодиака, в-третьих, наискосок от ши-

роты зодиака, причем на более дальнюю широту уходит луна, чем солнце. А передвижение планет — в четырех сферах каждой, из которых первая и вторая те же, что у солнца и луны — ведь сфера неподвижных звезд служит передвижению всех светил, как и подчиненная ей сфера посреди зодиака располагает общим передвижением для все, — третья для всех ложится полюсами внутри зодиака, а четвертая передвигается наискосок от середины третьей. В третьей сфере у всех планет свои полюса, а у Венеры и Меркурия общие.

Каллипп поставил сферы туда же, где Евдокс, такой же порядок расстояний, и число их для Юпитера и Сатурна отвел то же; но для солнца и для луны он считал надо прибавить еще по две сферы, а для прочих планет по одной, если мы хотим моделировать небесные явления.

1074a Но если такая совокупность сфер и должна передавать все небесные явления, то нужно, чтобы у каждой планеты были еще другие сферы, уменьшающиеся на одну, которые бы приводили в возвратное положение и ставили на место первую сферу расположенной ниже звезды. Только так можно воспроизвести всё передвижение планет.

А так как сфер, в которых планеты движутся, будет восемь по числу планет и двадцать пять по числу дополнительных сфер, а сферы для возвращения не нужно только для самой нижней планеты, то возвратных сфер для первых двух промежутков будет шесть, а для следующих четырех промежутков будет шестнадцать, и тогда общее число сфер передвижения и сфер возвращения — пятьдесят пять. Можно уменьшить их число до сорока семи, если не вводить возвратных движений солнца и луны.

Если число сфер таково, то благоразумно предположить столько же неподвижных начал и сущностей.

Мы говорим «предположить», а «утверждать» оставим более крепким в спорах.

Но если любое перемещение сводится к перемещению звезды, и если всякая природа — бесстрастная сущность как только она достигла своего благородного совершенства, — то только такой и будет природа звезд, и число звезд и будет числом сущностей. Если бы были другие сущности, они бы вызывали движение как цель перемещения, но мы свели всё перемещение к перемещению звезд.

Это легко понять, когда мы смотрим на перемещение тел. Если всякое передвижение возникает ради передвигающегося, и всякое передвижение уже принадлежит передвигающемуся, то не бывает передвижения, остающегося вместе с собой или с другим передвижением, но принадлежит такое только передвижению звезд. Если бы передвижение замыкалось на другое передвижение, оно нуждалось бы еще в каком-то движении. Но нельзя передвигать всё до бесконечности, и должен быть предел всякому передвижению — передвижение божественных тел по небу.

Что небо одно, это ясно. Если небес много, как людей, то тогда одно начало вида, и много начал особей. Но что во множественном числе, то требует материи. Скажем, люди как множество могут обойтись одной формулой «человек», но без материи не будет Сократа и других людей. Но первая подлинная суть не нуждается в материи, потому что она уже состоялась полностью.

Итак, перводвигатель один по формуле и по подсчету, и значит, движимое им вечно безостановочно. Так что небо одно.

Стародавняя древность передала нам в облики 10746 сказания как завещание потомству, что все звезды — боги, и божество так охватывает природу целиком. А прочее уже добавленные сказки, чтобы люди были

послушными, и была бы тогда польза и успех законов — что вот, эти боги по виду люди и сравнимы с другими живыми существами, и прочее близкое к этому, что из этого следует. Если отделив все эти сказки, взять первичное, что древние думали, что первые сущности — боги, то это правомерно как речение о божестве. Судя по всему, таких изречений было много, в меру навыков, искусств и философии каждого мудреца, но они постоянно погибали, и потому до наших дней мнения мудрецов сохранились фрагментарно. Так что мнения отцов и первоначальное предание нам ясны лишь частично.

9

Положение ума понятно не сразу. Ум мнится самым божественным явлением, но как он так расположился, ответить затруднительно. Если он ничего не мыслит, то в чем его честь, он тогда будто в состоянии дремоты. А если он мыслит, но под чужим руководством, тогда его сущность — не мышление, но динамика, и тогда ум перестанет быть самой благородной сущностью. Ведь весь почёт ума налицо именно в его мышлении.

Далее, если сущность — ум или мышление ума, то что именно мыслит ум, себя или что-то еще, и если что-то еще, всегда одно и то же или разное? И насколько важно или нет, мыслит ли ум правильное или что попало? Ведь есть вещи, о которых и размышлять нелепо. Итак, очевидно, что ум мыслит самое божественное и самое почетное, и потому не меняется: всякое изменение было бы к худшему, потому что ум бы сдвинулся со своего места.

Если ум — не мышление, но динамика, то разумеется, необходимость мыслить его бы тогда тяготила. Да и тогда мыслимое оказалось бы благороднее самого

ума: ведь мышление и мысль сказываются даже в самой плохой мысли. Но мы всегда бежим прочь от плохой мысли, потому что некоторые вещи лучше не видеть, чем видеть, — именно, чтобы сохранить благородство мышления. Итак, ум сам себя мыслит, во всём величии, и мышление есть мышление мышления. Но понятно, что знание, чувство, мнение и разум всегда не о себе, о себе лишь между делом. Также, если мыслить и мыслиться — разные вещи, то в чем из двух мыслящий себя ум находит счастье? Ведь не то же самое мыслить и мыслиться? Но в некоторых вещах знание и есть само дело, как в поэзии, где и сущность, и подлинность не требуют материи, или в теории, где формулировка будет и самим делом, и его осмыслением. Так что если нет материи, сущность осмысляемого и есть сущность ума, и мышление едино с осмыляемым. 1075a

Остался еще один вопрос: состоит ли осмыляемое из частей? Если да, то мысль должна переменяться в зависимости от частей целого. Но всё, что обходится без материи, обходится и без деления. Ум находит свое счастье не в каких-то частностях, но видит целое, далекое от любых частностей, как самое лучшее. Таково и вечное мышление, которое потому никогда не изменяет себе.

10

Следует рассмотреть, как природа целого располагает благом и благородством: как чем-то отдельным и самостоятельным или как порядком? Или и тем, и другим, как в армии? В армии и порядок хорош, и полководец хорош, даже лучше порядка: ведь не полководец благодаря порядку, но порядок благодаря полководцу.

Все вещи стоят по порядку, но порядок не всегда похож: порядок рыб не такой, как порядок птиц, и эти порядки не такие, как порядок растений. Но нельзя

сказать, что эти порядки никак не пересекаются; у них есть что-то общее.

Да, все порядки сходятся в едином строю, но как в домашнем хозяйстве: господа в доме, люди свободные, меньше всего могут себе позволить творить что угодно; напротив, все дела или большая часть дел у них расписана. Тогда как слуги и домашние животные почти не видят общих задач и во многом делают всё что попало. Какая у кого природа, такой у того принцип. Поэтому надо сначала тщательно разбираться со всеми порядками, чтобы понять, в каком отношении какой порядок стоит к целому.

А сколь невозможное и нелепое получается у тех, кто говорит иначе, и что смогли здесь достичь наиболее успешные философы, и как смягчить недоумения, об этом не будем забывать. Все философы придумывают всё из противоположностей. Но они неправильно понимают «всё» и «из противоположностей», и не понимают, в чём проявляются противоположности, и не говорят, как вещи получаются из противоположностей. Ведь противоположности не могут страдать друг другом.

Мы благополучно разрешаем это затруднение, вводя что-то третье. А некоторые философы придумывают, что материя — одна из двух противоположностей, например, философы, противопоставляющие чёт и нечёт, или одно и многое.

Но и это так же решается: материя одна для всех и ничему не противоположна. Если была бы противоположность материи, то все вещи кроме единого были бы искажены этой противоположностью, и зло тогда стало бы одним из двух элементов бытия.

Поэтому другие философы не могут признать добро и зло началами бытия, но говорят, что для всех вещей начало добро. Конечно, они правы, что начало ве-

шей — добро, но как именно добро — начало, не говорят: оно цель, или движитель, или идея.

Не годится и Эмпедокл. Он дружбу превращает в добро, но это начало и движущее, как сводящее всё вместе, и материя, как часть смеси. Но даже если случайно что-то окажется и материей, и движущим, всё же это не одно и то же. Дружба материальная и дружба подвижная — не одно и то же. И нелепо, будто вражда неистребима, которая для Эмпедокла зло от природы.

Анаксагор считает добро движущим началом: ведь ум возбуждает движение. Но ум всегда возбуждает движение для чего-то, и это «что-то» будет уже другим началом. Разве что, как мы говорили, мы будем называть «здоровьем» медицину. Нелепо, что Анаксагор не придумал никакой противоположности своему доброму уму. Как-то все философы говорят о противоположностях, но не торопятся ввести противоположности, пока кто-то на них не повлияет. Почему одни вещи разрушимы, а другие несокрушимы, никто не говорит, зато все придумывают, что все эти вещи берут существование из тех же самых начал. Также некоторые придумывают сущее из не-сущего, а другие, чтобы не заставили это доказывать, просто придумывают всеединство.

Далее, почему возникновение вечно и в чем причина возникновения, никто не говорит. Кто создал два начала, тем надо бы признать главное над ними начало, равно как и главное начало должно быть для идей. Ведь кто кроме главного начала может заставить вещи приобщиться или приобщаться идеям?

Другие философы признают существование противоположного мудрости как почтенному знанию, а мы не признаем: первичное не может иметь противоположность. Все противоположности сидят в материи и не до конца проявляются. Да, невежество противо-

положно такой недовершенной мудрости, но на первую мудрость никакое невежество не посягнет.

Если бы существовали только чувственные вещи, то не было бы начала вещей, порядка вещей, их возникновения и небесных явлений, но только от одного начала происходило бы другое начало, как и думают древние богословы и физики. Даже если они вводят идеи и числа, то это не причины вещей, и даже если объявить их причинами вещей, они не приведут вещи в движение. Да и как может возникнуть величина и длительность из того, что не имеет ни величины, ни длительности?

Из числа не выводится ни длительность движения, ни длительность как вид. А если выводить всё из противоположностей, то ни одна из противоположностей ничего не создает и не приводит в движение, ведь она может быть опровергнута другой противоположностей. Или же мы должны сказать, что она сначала «действует», а потом только «может действовать», что нелепо: да и вечных вещей тогда бы не было. Но вечные вещи есть, значит, те кто так говорят, неправы, и мы уже сказали, в чём.

Некоторые говорят, что число «один» определяет душу, тело, всякий вид и вещь, но никто не объясняет как. Невозможно понять, как число один привело это всё в движение.

А некоторые говорят, что да, математическое число первое, а все остальные сущности другие, со своими началами. Но тогда сущности будут сменять друг друга как на сцене, и никогда не смогут договориться, кому быть, а кому не быть. Не нужно много начал, дайте вещам спокойно пожить. «Много начальников плохо, а счастье — единый начальник».

КНИГА М (13)

**КРИТИКУЕМ ПЛАТОНА:
ПЕРВЫЙ ЗАХОД**

В чём сущность чувственных вещей, мы сказали 1076а в курсе физики, когда говорили о материи, а потом — о действительных проявлениях сущности. Но сейчас мы думаем, существует ли кроме чувственных сущностей неподвижная вечная сущность, или нет; и если она есть, то что она такое. Прежде всего, следует посмотреть всё сказанное другими, чтобы если они делают ошибки, мы бы не повторили те же ошибки. А если какой-то догмат у нас с ними общий, то и тогда мы бы не сердились на них: нужно ценить не только когда кто-то говорит лучше нас, но и когда не хуже нас.

Есть два мнения о вечных сущностях: некоторые считают ими математические вещи — числа, линии и всё родственное, а также идеи. Но одни считают, что идеи и математические числа — два рода, другие — что у них одна природа, еще некоторые — что вечны только математические сущности.

Начнем наше рассмотрение с математических вещей, не навязывая им никакой природы, скажем, идеи они или нет, начала и сущности существующего или нет. Будем только говорить, существуют ли они или нет как математические вещи; и если да, то как. Затем уже отдельно поговорим об идеях, простыми словами и просто чтобы воздать им должное: мы и так много об этом вещали в публичных выступлениях. Наконец, рассмотрение нужно будет расширить, чтобы обозреть: сущности и начала — числа и идеи суще-

ствующего, или нет? Это и будет третий осмотр, сразу после идей.

Если математические вещи существуют, то неизбежно они будут либо относиться к чувственным вещам, как некоторые и говорят, либо будут отдельно от чувственных вещей, как тоже некоторые говорят. А если не то не другое, то их либо нет, либо они как-то иначе есть. И тогда мы уже будем спорить не об их бытии, но о способе бытия.

2

10766 Что математические вещи не могут относиться к чувственным вещам, и что такое может быть разве в выдумке, мы об этом говорили при разрешении отдельных недоумений, как «два тела не могут быть одновременно на одном месте». И тогда по той же формуле и другие возможности и природы относились бы к чувственным вещам, и ни одну из них тогда нельзя было бы выделить.

Об этом мы уже говорили. Но к тому же очевидно, что тогда бы тела не делились: ведь деление — это деление на плоскости, плоскости на линии, а линии на точки. Если всё это чувственные тела, то точка не делится, но и линия тогда как тоже чувственное тело тоже не делится и т.д. Не важно, сами ли вещи были бы такими чувственными математическими сущностями, или в них были бы математические сущности: всё было бы едино: делимость математических сущностей была бы в зависимости от делимости чувственных сущностей, и они бы все перестали делиться. Так что если мы делим, то делим не чувственные сущности.

Также такие природы не могут быть обособлены. Если мы допустим, что объемы существуют отдельно от чувственных вещей и предшествуют чувственным

вещам, то очевидно, что и плоскости должны быть отдельно, и линии, и точки — по той же формуле. Но если объему предшествуют плоскости, линии и точки, то получается, что отдельному объему будут предшествовать другие отдельные плоскости, линии и точки. Всегда ведь простое предшествует составному. Если вневещные тела предшествуют чувственным, то по той же формуле плоскостям в этих неподвижных вневещных объемах будут предшествовать отдельные плоскости, и тогда одни и те же плоскости окажутся и вместе с математическими объемами, и прежде математических объемов.

Кроме того, у всех таких плоскостей будут линии, и тоже придется, что им будут предшествовать другие линии и точки, по той же формуле, а этим предшествующим линиям будут предшествовать другие точки, а точкам точки уже не будут предшествовать. Получилась какая-то нелепая куча. Объемы кроме чувственных только одного вида, а плоскостей уже три вида: плоскость чувственного объема, плоскость математического объема, плоскость предшествующая созданию математического объема. А линий уже четыре вида, а плоскостей пять видов. И тогда чем именно будут заниматься математические науки? Конечно, не плоскостями, линиями и точками в объемном неподвижном теле: ведь наука всегда занимается предшествующим, а не последующим.

Та же формулировка распространится и на числа: кроме точек всех видов будут и разных видов единицы, как будут единицы и для чувственных вещей, кроме единичных чувственных вещей, и для мыслимых вещей, так что мы получим роды чисел.

Тогда мы не сможем решить те затруднения, которые мы как будто уже решили. Астрономические вещи тоже выпадут за пределы чувств, как и геометриче- 1077a

ские вещи. Но разве может небо и его части лишиться чувственности, как и что-либо еще, что движется. Так же в оптике и гармонии взгляд и звук окажутся за пределами чувства сами по себе; и очевидно, что так произойдет со всеми чувствами и со всеми чувственными вещами. Чем одни хуже других? Но тогда и животные лишатся всякого чувства, и их чувства лишатся всякого чувства.

Математики пишут, что есть некоторые общие сущности кроме этих сущностей. Но тогда будет еще какая-то сущность, отдельная и промежуточная между идеями и этими промежуточными сущностями: она не будет ни числом, ни точками, ни величиной, ни временем. Но такой сущности быть не может, и поэтому очевидно, что математические вещи не могут быть отдельно от чувственных вещей.

Если кто утверждает, что математические вещи — какие-то отдельные природы, то говорит он противоположное истине и обычаю. Тогда бы они были вынуждены предшествовать чувственным величинам, но они на самом деле следуют за ними. Ведь незавершенная величина предшествует завершенной величине в смысле рождения (развития), но не в смысле существования. Неодушевленное появилось раньше одушевленного; но только одушевленное существование создает неодушевленные существования.

Далее, как и когда математические величины составят одно отдельное бытие? Наше отдельное единое бытие обязано душе, частям души или чему-то еще, как мы все прекрасно понимаем, что если этого нет, всё разваливается. А если математические величины делимы и исчислимы, то может ли быть причина их единого совместного бытия?

Также доказательство — порядок возникновения. Сперва что-то возникает в длину, потом в ширину, на-

конец, в глубину: и получается конечный вид. Если то, что появляется позже, как сущность существует раньше, то при отдельном существовании математических вещей тело будет предшествовать плоскости и линии. Самое завершенное и цельное тело — одушевленное. Но может ли быть одушевленная линия или одушевленная плоскость? Такая аксиома превышает наши чувства.

Пусть тело — это некоторая сущность, потому что тело подразумевает некоторую законченность. Но могут ли быть сущностями линии? Они не могут быть ими как вид и облик, как душа такая сущность, но и как материя, каково тело. Сущность нельзя сложить из плоскостей, линий и точек. Такое бы происходило, если бы математические вещи все были бы материальными.

Пусть математические вещи первее материальных вещей как формулы. Но не всё, что предшествует как формула, предшествует как существование. Быть первым в существовании — значит, будучи отдельным, превосходить бытием. Быть первым как формула — быть так, чтобы из тебя выводилась формула последующей вещи. Это разные вещи.

10776

Раз только сущность может страдать движением или белизмой, то белое первее белого человека в формулировке, но не в существе. Белое не может быть отдельно, но всегда только как часть целого — белого человека.

Отсюда очевидно, что отвлеченное не может быть первым, и конкретное не может быть последующим: а «белый человек» — это конкретизация человека.

Итак, математические вещи не больше сущности, чем тела. Они предшествуют чувственным вещам не в бытии, но только в формулировке. Об этом достаточно сказано.

А так как не получается, чтобы математические вещи числились среди чувственных вещей, то очевидно, что либо их вообще нет, либо они есть, но каким-то особым образом, а не напрямую: слово «быть» имеет много значений.

3

Как всеобщее в математике применяется не к обособленному от величин и чисел, но к самим величинам и числам, но не за их величину или делимость на единицы — так же чувственные величины допускают формулировки и доказательства, но не за свою чувственность, но за свое наличие.

Точно как много формул о вещах как о движущихся, вне того, какова каждая вещь с ее признаками, — и потому не получается необходимости, чтобы существовало что-то движущееся вне чувственно воспринимаемых вещей, или чтобы в них имелась какая-то обособленная сущность, — точно так же о движущихся вещах возможны формулы и знания не поскольку они движущиеся вещи, а лишь поскольку они тела, или лишь поскольку они плоскости, или лишь поскольку они линии, или поскольку они делимы, или поскольку неделимы, но имеют свое место, или поскольку только неделимы.

Поэтому если верно вообще говорить, что существует не только отделенное, но и неотделенное (скажем, существует движущееся), то верно также, что существуют математические вещи, таковы как о них сказано. И как о других науках верно будет вообще сказать, что каждая изучает вещь, а не признак (например, не бледное, если здоровое бледно, а здоровье), т. е. исследует нечто как таковое, здоровое как здоровье, человека как человека, так же с геометрией.

Пусть математическая вещь оказывается чувственно воспринимаемой, но в математике она не как чувственно воспринимаемая. Тогда математические науки не будут науками о чувственно воспринимаемом, но и не науками о чем-то другом вдалеке от чувств. У вещей много признаков самих по себе, поскольку каждая из них именно такой род: так у животного есть признаки женского пола и мужского пола, хотя и не существует чего-либо женского или мужского отдельно от животных.

Вещи можно взять только как имеющие длину и плоскость. И чем पहले по определению и более просто то, о чем знание, тем в большей мере этому знанию присуща строгость, она же простота. Поэтому, когда отвлекаются от величины, знание более строго, чем когда от нее не отвлекаются; а более всего оно строго, когда отвлекаются от движения. А если изучается движение, то наиболее строго оно, если изучают первое движение. Ведь это движение — самое простое, а из его видов самое простое — движение плавное.

И то же самое можно сказать и про гармонику, и про оптику: и та и другая рассматривает не зрение или звук, а сами линии и числа как собственные признаки вещей. Точно так же наука о движении. Поэтому если, беря что-то обособленно от признаков, созерцают его, поскольку оно таково, то не получится никакой ошибки, — как и не будет ошибки и в том случае, когда чертят на земле и меряют стопой линию, которая вовсе не от стопы зависит: там и тут не лгут предпосылки.

Наилучше частная вещь созерцается, если обособить не обособляемое, как это делает арифметик и геометр. Человек, поскольку он человек, един и неделим, и арифметик берет его как неделимую единицу и затем исследует, что свойственно человеку, поскольку он не-

делим. Геометр же рассматривает его не как человека, не как неделимого, а как объем. Ведь ясно, что объем остался бы у человека, даже если бы он перестал быть неделимым. Вот почему геометры говорят правильно и рассуждают о том, что на деле существует, и их предмет — существующее: существующее это двойственный смысл — или завершенность или материя.

10786 Так как добро и красота не одно и то же (добро всегда на практике, а красота неподвижна), то лгут кто утверждают, что о них ничего не говорят математические науки. Они об этом говорят и ссылаются! Они хоть и не называют по имени, но показывают пропорции; хоть и не говорят о них. Величайшие виды красоты — порядок, симметрия, определенность, которые более всего и показывают математические науки. А раз они, как порядок и определенность — причина множества вещей, то понятно, что математические науки говорят о таковой причине как о причине всего правильного. Внятнее скажем об этом в другом месте.

4

О математических вещах, что они существуют и в каком смысле существуют, в каком смысле первичны, а в каком — нет, мы много сказали. А об идеях, сперва следует осмотреть положение об идеях, не сближая их с природой чисел, но как их изначально предполагали те, кто первые стали говорить об идеях.

Положение об идеях возникло у говоривших о них благодаря тому, что они послушались как истинных формулировок Гераклита, что все чувственные вещи вечно текучи, и значит, если знание и понимание имеют свой предмет, то должны быть какие-то другие сущности кроме чувственных, устойчивые: о текучем знанию не быть.

Сократ трактовал доблестные нравы, впервые решившись искать их всеобщие определения. А из физиков только Демокрит немного затрагивал этот вопрос, определяя нравственность как «теплое» или «холодное». А еще раньше пифагорейцы для небольшого числа это делали, сводя формулировки к числам, что такое, скажем, «пора», «правда», «свадьба». А Сократ благоразумно спрашивал о настоящей сути. Ведь он требовал рассуждать логически, а принцип силлогизма — называть «что». Диалектика в то время еще не вступила в силу, чтобы можно было осмотреть противоположности, не задаваясь вопросом «что это?» Две вещи — несомненная заслуга Сократа: уточнение формулировок и всеобщие определения. Обе эти вещи входят в принцип науки.

Но Сократ не обособлял ни всеобщее, ни определения. А эти философы обособили их и такого качества существования объявили идеями. Так что у них получилось, с опорой практически на единственную формулу, что всё обобщаемое — идеи. Это почти как если кто возьмется посчитать небольшое число вещей, решает, что не справится, и придумывает больше вещей, что их-то уже он сосчитает. Ведь таких «видов» получается больше отдельных чувственных вещей, в поиске причин которых эти философы и перешли от самих вещей к идеям. Для чего угодно тогда окажется того же имени идея, а не только для сущностей, — потому что кроме сущностей много еще есть каких единиц, и в здешних вещах и в вечных.

1079a

Затем, какими бы способами они ни доказывали, что идеи существуют, ничего из этого не видно. В некоторых доказательствах нет строгой логики, в некоторых получают идеи и для тех вещей, для которых они и не думали их.

Если брать научные формулировки, то тогда виды будут у всего, что изучают науки. Если брать их как обобщения, «одно вместо множества», то тогда эти виды будут у всех отрицаний тоже. А если брать предметы мысли, то виды будут у всех преходящих вещей, потому что их все можно представить в уме.

Затем, уточняя формулировки, одни философы и отношения превращают в идеи, хотя не признают отношения как род вещей, а другие философы вводят «третьего» человека. Но в целом формулирование таких видов полностью уничтожает то, что идейные философы считают гораздо более бытием, чем бытие идей. Ведь получается, что не двойка первична, а число; что отношение первичнее самостоятельного бытия, и всё прочее, что заставляет последователей учения об идеях враждовать со своими же принципами.

Далее, согласно высказанному предположению этих идей, виды будут не только у существующего, но и много у чего другого. Ведь единая мысль не только о существующем, но и о несуществующем, и науки посвящены не только существующим вещам. И еще тысячи всего получается.

Но логика самого учения об идеях требует, что если эти виды доступны нам, то значит, есть виды только существующих вещей. Мы не можем приобщаться отдельным свойствам, но только каждой вещи, причем не в смысле темы. Скажем, если мы приобщаемся «двойному», то приобщаемся и вечности, но только как свойству «двойного»: понятие «двойное» существует вечно.

Итак, виды — существование, а не тема. Но и в здешнем, и в том мире существование это существование. Иначе зачем говорить, что на много здешних вещей там приходится одна вещь? Но если идеи и причастные им вещи — одного вида, то между ни-

ми есть что-то общее. Ведь ясно, что между множеством земных двоек и множеством вечных двоек не меньше общего, чем между двойкой как она есть и двойкой каких-то вещей, — если двойка одна и та же единица. А если не один и тот же вид для них, то это просто омонимы, вроде того как «Каллием» называют и человека, и доску (портрет), не замечая в них ничего общего. 10796

Но если мы решим сблизить идеи с общими формулировками, скажем, «круг как он есть» и «плоская фигура, которая и т.д.», считая, что идея дополняет формулировку, то надо подумать, не в пустоту ли она дополняет. Что именно она дополняет? Середину, плоскость или вообще всё? Но ведь идеи — это всё, что мы находим в сущности: «живое существо», «двуногое»... Тогда и само бытие круга кругом, как и плоскость, станет природой круга и будет во всех этих идеях родовым началом.

5

Но больше всего ставит в тупик вопрос, какой вклад эти виды вносят в вечные чувственные вещи или в возникающие и разрушающиеся чувственные вещи. Они не служат ни движению, ни какому-либо превращению вещей. Но также эти виды не помогают ни научному знанию о вещах (ведь они не сущности вещей, иначе бы они были внутри вещей), ни бытию вещей (иначе бы они проявлялись в причастных им вещах).

Кто-нибудь предположит, что быть может, они причины вещей так, как добавление белого — причина белизны. Так говорил сперва Анаксагор, а после Евдокс, когда разбирал затруднения, и некоторые другие. Но такая формула слишком легко опровергается.

Мы легко можем привести множество доводов, показывающих невозможность такой позиции.

Но и никакие другие вещи не могут происходить из «видов», как бы мы ни привыкли понимать происхождение. Скажем, называть их образцами, что все им так причастны — это пустозвонство и поэтические метафоры. Кто начнет свою деятельность с оглядкой на эти идеи-образцы? А быть и возникать можно и не уподобляясь никому: был Сократ или не был, может возникнуть такой как Сократ. Есть вечный Сократ или нет вечного Сократа — то же самое.

Или пусть будет много образцов для одного и того же, множество «видов»: отдельно для человека, отдельно для человека как живого существа, отдельно для человека как двуногого, ну еще отдельно для человека как он есть.

Далее, виды должны быть образцами не только чувственных вещей, но и самих себя, как род — для видов именно род. Так что одно и то же станет образцом и изображением.

1080a Далее, представляется невозможным, чтобы отдельно существовали сущность и ее предмет. Поэтому если идеи — сущности вещей, почему они отдельно от вещей?

В «Федоне» говорится, что виды вызывают и бытие, и возникновение вещей. Пусть виды и существуют, но что тогда их приводит в движение, чтобы что-то было и возникло?

К тому же, возникает много еще чего, скажем «дом» и «перстень», для чего этих видов нет, как они говорят. Поэтому очевидно, что и вещи, которым они приписывают идеи, могут возникать действием тех же причин, что дом и перстень; а эти виды не нужны.

Много похожих рассмотрений об идеях и таким способом можно свести, и можно еще логичнее и точнее.

С идеями мы разобрались. Хорошо бы теперь посмотреть, что происходит с числами у тех, кто называет их обособленными сущностями и первопричинами существований.

Если число имеет собственную природу, и само для себя существование, как некоторые говорят, то неизбежно, что одно число будет первым, другое следующим, и каждое число будет другого вида. Но тогда либо с каждой единицей так, и числа вообще нельзя сравнивать друг с другом. Либо все они единицы, значит, имеют качество единиц, следуя друг за другом и в этом будучи сопоставимы. Именно это называют «математическим числом»: в составе числа никакая единица не отличается от других единиц. Либо одни единицы сопоставимы, а другие — нет. Скажем, за первой единицей следует двойка, за ней тройка и т.д. числа — и внутри каждого числа единиц сопоставимы, в двойке единицы сопоставимы, в тройке сопоставимы, и в прочих числах. Но единицы в двойке как таковой несопоставимы с единицами в тройке как таковой, и в дальнейших числах. Поэтому математическое число мы считаем «за единицей двойка, когда к единице прибавили единицу, а тройка, когда к этому прибавили еще единицу» и т.д. А число как таковое: за единицей следует двойка, которая уже обходится без единицы, а затем тройка, которой уже не нужна двойка, и так любое число. Или есть всё: числа для счета, числа математические и числа как таковые.

Также числа должны быть отдельно от вещей, или не отдельно, но в чувственных вещах, но не как мы сперва смотрели, но как чувственные вещи складываются из числовых показателей в них. Но тогда од- 10806

ни числа будут отдельно, а другие нет; или все будут в чувственных вещах.

Только такими оборотами могут существовать числа. Философы, утверждающие, что единица — принцип, сущность и элемент всех вещей, и что число состоит из единицы и чего-то еще, каждый назвал какой-то из этих оборотов, отказавшись только от несопоставимости всех единиц. Этого и следовало ожидать: не может быть другого оборота кроме названных.

Одни философы говорят, что есть и те и другие числа. Числа, допускающие «до» и «после» — это идеи. А математические числа могут обходиться без идей и чувственных вещей. Оба рода обособлены от чувственных вещей.

Другие философы признают существование только математического числа, как первого среди всего сущего, отдельно от чувственных вещей. А пифагорейцы признают математическое число, но не отдельное и из которого состоят все чувственные существования. Целый мир, «всё небо», изготовлен из чисел, но не как из суммы единиц. Единицы, предполагают пифагорейцы, это величины. Но они привычно не могут ответить на вопрос, как образовалась первая единица-величина.

Один философ говорит, что только первичные числа принадлежат к «видам», а некоторые философы отождествляют с ними математические числа. То же вокруг длины, плоскости, объёма. Одни разводят предмет математики и итоги идей. Другие философы одни говорят, что это математические предметы, подвластные математике — они не придумывают, что идеи это числа и что идеи существуют. Но другие «другие» говорят, что это математические предметы, но математика с ними не справится: не всякую величину разделишь на величины, и не из всяких единиц получишь двойку.

Что числа раскладываются на единицы, предполагают за исключением пифагорейцев все, кто зовут единицу элементом и принципом существующего. А для пифагорейцев, как мы только что говорили, числа это величины.

Теперь нам ясно, как по-разному можно говорить о числах, и что все обороты мы представили. Но все эти обороты никуда не годятся; разве что одни еще больше никуда не годятся, чем другие.

7

Сперва рассмотрим, сопоставимы единицы или нет, и если нет, то каким из двух разобранных способов. Может быть, что вообще все единицы не сопоставимы друг с другом, но может быть, что единицы в двойке как она есть несопоставимы с единицами в тройке как она есть. Тогда несопоставимы единицы первичных чисел. 1081a

Если все единицы сопоставимы до безразличия, то у нас будет только математическое число. Идеи тогда не могут быть числами. Иначе что это будет за число? Человек как таковой, живое существо как таковое, или еще что из «видов»? Ведь каждой вещи положена одна идея: для человека как такового — идея, для живого существа как такового — идея. А чисел подобных друг другу до безразличия беспредельное множество. Чем данная тройка больше «человек как таковой» любого другого числа?

А если идеи — не числа, то их и быть не может. Ведь тогда из каких начал будут идеи? Ведь число из единицы и неопределенной двоицы, и это начала и элементы числа, а идеи не выведешь ни раньше, ни позже чисел.

А если единицы несопоставимы, причем так, что ни одну ни с какой не сопоставишь, то такое число не мо-

жет быть математическим. Ведь математическое число состоит из безразличных единиц, и его качество — использоваться для вычислений. Но оно не может относиться и к идеям. Ведь тогда первичная двойка не сложится из единицы и неопределенной двойки, и последующие числа, как мы говорим двойка тройка четверка. Ведь в первичной двойке единицы возникают либо, как говорил ее первооткрыватель, из неравенства, путем уравнения, либо иначе. Если одна единица предшествует другой, то она будет предшествовать и своему удвоению, потому что в последовательности сложное из предшествующего раньше последующего.

Затем, если первична единица как таковая, а за ней идет другая первичная единица, первичная для следующего за ней второго, то будет еще третья единица, как следующая за второй первичной единицей, так как после двух следует три, и она будет третьей по отношению к первичной единице. Тогда все единицы будут раньше всех чисел, из которых состоят: скажем, третья единица двойки появится раньше тройки, а в тройке появится четвертая и пятая единица раньше чисел четыре и пять. Конечно, никто в таком выражении не говорили, что единицы несопоставимы, но их принципы закономерно к этому ведут.

10816 Но это не истинно. Разумеется, одни единицы раньше, а другие позже — но только если есть некоторая первичная единица и первичное число один. Подобное скажем и о двойках, нужна первичная двойка... — ведь разумно, что после первого должно сделать второе, третье и т.д. Но невозможно говорить и то, и другое: и что после числа один идет первая и вторая единица, и что двойка первична. А эти философы придумывают, что единица — это первичное число один, а про вторичное и третичное забывают. Они первичную двойку признают, а вторичную и третичную — нет.

Очевидно, что если все единицы несопоставимы, то не может быть двойки как таковой, тройки как таковой и других чисел. Будут ли единицы неразличимы или все разные, считаем мы всегда путем прибавления: $1+1=2$, $1+2=3$, $4=...$ Если всё так, то не могут числа возникать философски из двойки и единицы. Двойка — часть тройки, а тройка — часть четверки, и дальше так.

А они производили двойку из первичной двойки и неопределенной двойки, взяв две двойки кроме двойки как таковой. А иначе двойка как таковая будет частью четверки, к ней надо прибавить еще какую-то двойку. Тогда и двойка из единицы как таковой и другой единицы. Но если так, то не может быть второй элемент неопределенной двойкой, раз он порождает некоторую единицу, а не определенную двойку.

Затем, как будут другие тройки и двойки кроме тройки и двойки как таковых? Каким оборотом сложить их из предшествующих и последующих единиц? Всё это — никуда не годящийся вымысел, не может быть, чтобы была первичная двойка, а за ней тройка как таковая. Но так будет, если единица и неопределенная двойка — элементы. Но раз этого быть не может, то и таких начал быть не может.

Если все единицы отличаются друг от друга, то неизбежно получаются эти и разные другие выводы. А если единицы отличаются только в разных числах, а внутри одного числа не отличаются друг от друга, то трудностей у нас будет не меньше.

Допустим, в десятке как таковой десять единиц. Десятка складывается из них, и складывается из двух пятерок. А так как самое десятка не какое попало число, то не из каких попало пятерок и не из каких попало единиц состоит. Следовательно, единицы в этой десятке различаются. Ведь пятерки в ней различаются,

1082a

тогда и единицы различаются. А если различаются, то почему не быть бы там и другим пятеркам, не только этим. Если не будут другие, то с какой стати; а если будут, то что это за десятка такая будет? В десятке может быть только эта десятка, а не другая. А эти философы доказывают, что четверка состоит не из каких попало двоек, но неопределенная двойка, восприняв определенную двойку, образовала две двойки. Мол, восприятие было удвоительным.

Затем, как может двойка быть в природе помимо двух единиц, а тройка — помимо трех единиц? Либо мы просто скажем о причастности, как белый человек существует отдельно от белизны и от человека, просто причащаясь тому и другому. Либо мы будем считать количество отличием, как человек отличается от просто живого существа или просто двуногого.

Также единство бывает благодаря смыканию, благодаря смешению или благодаря постановке (учреждению). Но единицы, из которых состоит двойка или тройка, ни в чем таком не замечены. Как два человека не образуют единство, но остаются единством двух, так же и единицы.

Неделимость единиц не делает их различными. Точки тоже неделимы. Но пара точек — это всего лишь две точки.

И нельзя забывать, что тогда у нас получаются «предшествующие» и «последующие» двойки и прочие числа. Допустим, двойки в четверке состоялись одновременно. Но они будут раньше двоек в восьмерке, ведь как двойка произвела двойки, так они произвели четверки в этой восьмерке как таковой, так что если первичная двойка — идея, то и эти двойки идеи ничем не хуже.

То же формулируем и о единицах. Единицы в первичной двойке порождают четыре единицы из четвер-

ки. Все единицы делаются идеями: идея сложена из идей. Понятно, что тогда и вещи, для которых они идеи, будут состоять из вещей: если есть идеи живых существ, живые существа будут состоять из живых существ.

Вообще, придумывать, что единицы различны — 10826
никуда не годный вымысел. Вымыслом я называю насильственно созданную гипотезу. Мы не видим, чтобы единица отличалась от единицы по количеству или качеству; и неизбежно число либо равно, либо не равно другому числу. Любое число, особенно состоящее из единиц: оно либо больше другого, либо меньше другого, либо равно другому. А если есть равенство чисел, то положена и полная неразличимость в числах. А если нет, то даже двойки в десятке, будучи равными, не будут неразличимыми, потому что какой повод будет говорить об их неразличимости?

Затем, если всякая единица и другая единица составляют два, то тогда единица из самой двойки и единица из самой тройки составят двойку различных единиц. Но будет ли она раньше тройки или позже? Больше похоже, что раньше. Ведь одна из ее единиц из тройки, а другая из двойки.

Но мы предполагаем, что один плюс один, равны они или нет, равно двум, складываем ли мы добро и зло или человека и лошадь. А они не могут даже единицы сложить.

Далее, невероятно, чтобы число три как таковое не было бы больше числа два как такового. Если три больше, что ясно, что в него входит равное числу два, не отличающееся от самого числа два. Такое не получится, если одно и то же число бывает первым или вторым. Так что идеи — не числа.

Поэтому правильно говорят, что если идеи есть, то следует почитать различные единицы — как мы гово-

рили выше. Если из единства вида следует отсутствие различий единиц, то нет различий между двойками и тройками как единицами. Поэтому им приходится считать: один, два... не прибавляя, но просто называя данность. Иначе у них не получится возникновения числа из неопределенной двоицы, и оно не сможет быть идеей — получится, что идеи внутри идей, и все идеи окажутся частями одной идеи.

Они свою гипотезу излагают верно, но только она не верна. Они многое просто не замечают, и не могут справиться даже с вопросом, когда мы считаем и говорим «один, два, три», мы прибавляем или перечисляем. Но мы и прибавляем, и пересчитываем. Поэтому смешно возводить это различие на степень различия сущности.

8

1083a Прежде всего, было бы правильно разграничить, какое различие есть в числе, а какое в единице, если есть. Неизбежно это будет различие количества или качества. Но здесь мы не видим ни того, ни другого. Числа между собой различаются количеством. Если бы единицы различались по количеству, то равные числа отличались друг от друга, хотя единиц в них одинаково.

Затем, будут ли первые единицы больше или меньше, а последующие единицы увеличатся или наоборот? Все эти вопросы не имеют смысла.

Но и по качеству различие немыслимо. Ведь с единицей ничего вообще случаться не может. Сами эти философы говорят, что даже в числах качество появляется после количества. Также качество не может возникнуть ни от одного, ни от двойки. Одно — бескачественно, а двойка дает только количество: ведь ее

природа — быть причиной множественности сущего. А если не так, то нужно сказать в начале именно об этом, и разграничить различия единиц, доказав необходимость такой данности. Но если так, то о чем они говорят?

Итак, мы выяснили, что если идеи — числа, то невозможно ни одну единицу сравнить с другой единицей, но она ни так и ни сяк и не становится несопоставимой с другими. Но и то, что некоторые философы говорят о числах, тоже ошибочно. Есть философы, которые не мыслят идей ни простых ни числовых, но мыслят бытие математических вещей, что числа первичны среди сущих вещей, и что начало их — само Единое.

Но никуда это, чтобы Единое было чем-то первым для всех единиц, как они говорят, а для двоек не была бы Двойка, а для троек Тройка: ведь расчёт везде один. Если так бывает с числом, и если предположим бытие только математического числа, то Единое не может стоять в начале единиц. Ведь тогда такое начало должно отличаться от других единиц, но тогда и начальная двойка будет отличаться от всех двоек, и так же и все последующие числа.

А если Единое — начало, то придется согласиться с Платоном о числах, что есть и первичная двойка, и первичная тройка, и что числа несопоставимы друг с другом. Но из такого предположения, как мы уже говорили, получается множество невозможных вещей. Нужно, чтобы было так или сяк; а если никак, то не будет обособленного числа.

Из этого очевидно, что хуже всего третий подход: отождествление идейного числа и математического числа. В одном учении здесь сразу два промаха: ни математическое число таким способом не получается (разве что приходится выставлять множество гро-

моздких гипотез), ни оспорить тех, кто считает число только идеей.

Пифагорейский подход содержит меньше трудностей, чем названные выше, но добавляет свои трудности. То, что пифагорейцы не обособляют число, исключает многие невозможные вещи. Но составлять тела из чисел, и при этом считать число математическим — такого не бывает. Ложно думать, что величины бывают неделимыми (атомарными), но даже если такой оборот выйдет, то единицы не будут величинами. И как можно составить величину из того, что не имеет отношения к делению? Арифметическое число складывается из единиц. Но они говорят, что всё существующее — число. Они свои теоремы применяют к телам, так будто тела сделаны из чисел.

Поэтому если получается, что число, если оно относится к самостоятельным существованиям, было каким-то из названных способов, но оно не допускает ни одного из этих поворотов, то очевидно, что природа числа не такая, какую изготавливают придумавшие обособленность числа.

Затем, каждая единица — это уравнение большего и меньшего, или одна единица от большего другая от меньшего? Если второе, то разные элементы единиц, и единицы бывают разными. В одной единице сказывается большее, а в другой — меньшее, противоположное в природе.

Затем, как чувствуют себя единицы в тройке как таковой? Одна из них будет остатком. Или они будут придумывать, что она в середине деления с остатком?

А если обе единицы получаются при уравнении большего и меньшего, то как может быть, что двойка — единое существование, а природа ее — из большего и меньшего? Или, в чём тогда ее отличие от единицы?

Затем, единица идет перед двойкой: если не будет единицы, не будет и двойки. Значит, тогда получится, что единица будет «идеей идею», как предшествующая идее. Получится, что она возникла раньше. Но из чего что возникает, если неопределенная двойка только удваивает?

Затем, число бывает только либо беспредельным, либо определенным. Если они придумали обособленное число, то хоть каким-то из двух они должны его признать. Очевидно, что оно не может быть беспредельным. Ведь беспредельное число не бывает ни делящимся без остатка, ни делящимся с остатком, тогда как числа возникают как делящиеся без остатка или делящиеся с остатком. Мы прибавили к четному числу единицу, получилось нечетное, мы умножили нечетное на два, получилось четное.

1084a

Затем, если всякая идея — идея чего-то, а числа — идеи, тогда беспредельное будет идеей чего-то из чувственных вещей или чего-то другого. Но это невозможно, если формулировать идею так, как они формулируют.

Если число ограничено, то до скольких? Нужно говорить не только что, но и почему. Если число только до десяти, как некоторые говорят, то тогда, прежде всего, идеи быстро кончатся. Скажем, тройка — это сам человек, а какое число — сама лошадь? Если настоящие числа только до десяти.

Ведь нужно, чтобы вещи были внутри этих чисел, раз сущности — они же идеи. Но чисел не хватит, потому что одних видов животных уже больше.

Вместе с тем понятно, что если тройка — человек как он есть, то таковы и другие тройки, потому что во всех числах тройки соблюдают подобие друг другу. Так что число людей станет бесконечным. Если каждая тройка — идея, то тогда и каждый человек та-

ков; и даже если не так, то будет всё равно без счёту людей.

Еще, если меньшее число входит в большее и состоит из единиц, которые можно поставить рядом с единицами в том же числе, то если четверка — идея какой-то вещи, скажем, лошади или белизны, то человек, будь он двойкой, будет частью лошади. Никуда также, что идея десятки есть, а идеи одиннадцатки нет, и других имеющихся чисел.

Еще, если есть и возникают вещи, у которых нет идей, то почему у них нет идей? Разве идеи — не причины?

Еще, никуда, когда числа до десяти более существенны и более совершенны, чем сама десятка, что мол они производные, а десятка производная. Они дерзают объявить все числа до десятки совершенными. Для них все производные, как пустота, соответствие, остаток и прочее — производные внутри десятки.

Одно они причисляют к принципам, скажем, движение, остановку, добро, зло, а другое причисляют к числам. У них тогда единица — остаток, но если она остаток деления тройки, то пятерка разве не делится тоже с остатком?

И величины и подобное у них будут только до 10846 какого-то количества: первая линия как атомарная, затем двойка линий и так только до десятка.

Затем, если число обособлено, то тупик: какая из единиц первична: которая тройка или которая двойка. Если число составное, то тогда первична единица, но если первично всеобщее и «идея», тогда первично данное число. Ведь тогда каждая из единичностей — только частица числа на правах материи, тогда как само число — это идея, вид.

Конечно, прямой угол первее острого угла, потому что он определяется первым и его формула раньше.

Но и острый угол первее прямого угла, потому что он часть прямого угла, и прямой угол складывается из острых.

Итак, как материя — острый угол, элемент и единица первее, а как вид и сущность, выраженная формулой, первее прямой угол и целое из материи и формы. Оно ближе и к виду и к формуле того и другого, хотя и возникло не первым.

Так что как именно единое — начало? Говорят, потому что неразделимо. Но неразделимо и целое, и частичное, и элемент. Но разным способом: что-то по формуле, что-то по хронологии. Как тогда единое — начало?

Как мы уже говорили, и прямой угол первее острого, и острый — прямого, и каждый угол един. Эти философы придумывают, что единое — начало и так и так. Но так не бывает: одно дело — как вид и сущность, другое дело — как часть и материал.

И то и другое как-то едино, но поистине только в возможности. Причем, если число вообще едино, а не куча, но каждое другое число из других единиц, как они говорят. Нет завершенного единого, то и другое лишь просто единицы.

Причина приключившегося промаха в том, что они пошли на охоту, следуя и точным наукам и формулировкам о всеобщем. Так они единое поставили как точку и начало. Их положение в том, что единица — точка, не обладающая положением. Как некоторые философы собирали существующее из мельчайшего, так и у них единица делается материей чисел; и вместе с тем она первее двойки, но и после двойки, потому что двойка — уже целое из единства и вида. Так, ища всеобщее, они всё поставили в ряд одного, как будто одно — всеобщая часть всего. Но не может все вместе вести только к одному.

1085a Если единое обладает только положением стоять в начале, и если двойка разделяется, а единица нет, то тогда единица более подобна единому как таковому. И единица ближе к единице, чем к двойке; и каждая из двух единиц в двойке будет первее двойки. Но они говорят: «Нет, сперва делаем двойку». И если двойка как таковая едина и тройка как таковая едина, то вместе они — двойка. Будем следить и за этой двойкой?

9

Кто-нибудь недоуменно спросит, что так как числа — не смежность, а последовательность, и между единицами нет ничего (будь то в двойке или в тройке), то есть ли последовательность за единицей как таковой, и двойка стоит перед последующими числами или перед обеими своими единицами?

Подобно и о родах после числа, бывает трудность, о линии, плоскости, теле. Одни философы изобретают их из видов большого и малого: длину — из длинного и короткого, плоскость — из широкого и узкого, объем — из глубокого и приплюснутого. Но всё это виды большого и малого.

Но начало, выражающее единство, разные философы среди них описывают по-разному. В их среде мелькает множество невозможного, воображаемого и более чем враждебного благоразумию.

Если они не видят последовательности, то заявляют, что это абсолютные величины. И начало «широкое и узкое» то же, что «длинное и короткое», и плоскость у них оказывается линией, а объем плоскостью. Но как тогда воспроизвести углы, фигуры и того же качества вещи?

Получается то же, что было с числами: то, чем страдает величина, из этого величину не сложишь. Также

как линию не сложишь из прямизны и кривизны, и тело — из гладкости и шершавости.

То же самое общее затруднение случается, что и с видами рода: если мы полагаем всеобщее, то животное как нечто всеобщее будет в каждом отдельном животном или отдельно от отдельного животного? Если общее не обособляет, то никакой трудности не возникает. Но если, как они говорят, единое и числа обособлены, то нелегко с этим справиться; говорим «нелегко», а думаем «невозможно».

Когда мы мыслим в двойке и вообще в числе единое, то мы мыслим само единое или что-то другое? Одни философы производят величины из единого как особой материи, другие — из точки. Точка им кажется не единым, но подобием единого. При этом вторые добавляют еще материя множества, которая тоже не множество, но подобие множества.

Но здесь недоумений будет не меньше. Если материя одна, тогда линия, плоскость и объем одно и то же. Ведь когда исток один, итог один и один.

А если материй много: одна для линии, другая для плоскости, третья для объема, то они или следуют друг за другом, либо нет. Тогда будет то же самое: либо в плоскости не будет линии, либо плоскость будет линией. 10856

Далее они и не берутся доказать, как допустимо, что число — из единого и многого. Что бы они ни говорили, те же самые получают трудности, что и из единого и неопределенной двойки.

Один философ производит число из разрядов всецелого, а не из какого-то множества. Другой — из какого-то множества, причем первого: двойка будет тогда первым множеством. Разницы, как говорится, нет: тупики те же самые ждут, хоть смешивай, хоть расставляй, хоть взбалтывай, хоть производи, что хочешь делай.

Очень напрашивается вопрос: если каждой единицы по одной, то откуда все они? Ведь не может любая единица быть самим Единым. Значит, каждая единица получается из Единого и множества или части множества. Невозможно сказать, что единица — некое множество, так как единица не делится. А выводить единицу из части множества создает множество других трудностей. Такая часть должна быть неделимой, или быть множеством, делимой единицей — и тогда единица и множество уже не будут элементами. Тогда не будет каждая единица из множества и единства.

Также говорящий такое придумывает еще одно число: множество неделимого будет числом. Затем, надо спросить говорящих так, их число беспредельное или определенное. Похоже, они заявляли определенность множества, из которого и из единого получаются определенные единицы; и что это множество — другое, чем беспредельное множество. Так какое именно множество — элемент как единое?

Подобное надо спросить и о точке как элементе, из которой они сочиняют все величины. Ведь такая точка не будет единственной точкой на свете. Из какой тогда точки возникают все точки? Они скажут, что из расстояния и точки как таковой — но это невозможно. Ведь и части расстояния не станут неделимыми, как и части множества, из которых они выводят единицы. Ведь число состоит из неделимых единиц, а величина — нет.

Итак, всё это и прочее подобное дает понять, что не могут быть число и величины отдельно от вещей, и что расхождение способов рассуждать о числах —
1086a знак, что неправда в этих вещах причиняет им только муку.

Поэтому те, кто придумывают кроме чувственных чисел только математические числа, видя всю затруд-

нительность и вымысленность сказанного об идеях, отказались от идейного числа и вводят только математическое число. А те, кто хотят изобретать и идеи и числа, но не видят, предполагая такие принципы, как будет кроме идейного и математическое число, придумали одну-единую формулу для математического и идейного числа, — но в работе у них математическое число сразу выпало, потому что они сразу выдвинули вместо математических гипотез какие-то свои.

А кто первый предположил, что идеи существуют, и что числа бывают идейными и бывают математическими, различил их весьма разумно. Так что все они, получается, в чём-то правы а в целом не правы. Они сами признают это, когда говорят не то же самое, но взаимоисключающее. Причина в том, что их гипотезы и принципы ложны. По слову Эпихарма, «трудно из сказанного неправильно сделать сказанное правильно». Стоит начать говорить, как сразу видно, что это неправильно.

Итак, о числах достаточно решено задач и дано определений. Если вы убедились, то большее число доводов разве что больше убедит, а кто не убедились, тех дальше убеждать нет смысла.

А всё что говорят о первоначалах, первопричинах и элементах те, кто выделяют только чувственное существование, об этом мы и говорили в трудах о природе, и это не относится к нынешней методичности. Но что говорят те, кто кроме чувственных выделяют другие сущности, то мы будем обозревать кратко.

Некоторые относят к такому качеству идеи и числа, считая, что их элементы — элементы и начала существований. Посмотрим, что и как они о них говорят.

На тех, кто придумывает только числа, причем математические, на тех позже обратим внимание. А тех, кто говорит об идеях, их подход сразу рассмо-

трим в его тупиковости. Они одновременно придумывают, что идеи всеобщие и что идеи обособленны и частные. Что такое недопустимо — мы уже недоумевали.

Причина того, почему говорящие о всеобщих сущностях соединили в одно и то же всё это, в том, что они думают, что чувственные существования — не те же самые. Они винят чувственные вещи, что каждая из них текуча и никогда не остается собой, тогда как общее вне этого как что-то другое.

Как мы говорили выше, отвечает за это Сократ в своих определениях; но Сократ не отделял всеобщего от частного. И это он верно мыслил, что не отделял. Очевидно это из дел: без всеобщего нельзя приобрести знания, но отделение — причина возникающих трудностей об идеях.

А они рассуждают, что если будут некие существования кроме чувственных-текучих, то они непременно обособленные. Но они не смогли найти эти другие, а просто именуемые как всеобщие выставили за них. Тогда случилось, что всеобщие и частные — едва ли не одна и та же природа. Такова трудность, сама из себя заданная в сказанном.

10

И тех, кто говорят об идеях, и кто не говорят, ждет одна трудность. Мы о ней говорили в начальных недоумениях, и теперь повторим.

Если кто полагает бытие сущностей обособленным, и не называет способ их существования как единственный для каждого существования, тот отрицает существование как мы его понимаем. Но если мы полагаем сущности обособленными, то как предполагать их элементы и начала?

Если как единичные а не всеобщие, тогда существований будет сколько элементов, и наука не сможет заниматься элементами. Допустим, в речи слоги будут сущностями, а буквы — буквами сущностей. Тогда слог БА будет только один, и любой слог один, потому что они уже не всеобщие и видовые, но каждый один по количеству, и не имеет омонимов. Да к тому же всё что есть они полагают каждое единичным.

Но если таковы слоги, то и то, что из них. Тогда будет не больше одного А и не больше одной другой буквы: по той же формуле, что ни один слог не сможет стать таким же другим. Но раз так, то не будет ничего кроме букв, но только эти элементы. Затем, элементы не будут изучаться в науке: потому что они тогда частное, а наука — всеобщее.

Всё это очевидно из доказательств и определений. Не получится умозаключение, что углы треугольника равны двум прямым углам, если это не относится к любому треугольнику; или что данный человек — живое существо, если нет «всякий человек — живое существо».

Но если начала общие, то или сущности от них общие, или не-сущность раньше сущности. Всеобщее — не сущность, элемент и начало — всеобщие, и элемент и начало первее того, что от элемента и от начала. Всё это получается благоразумно, если придумывать идеи идущими от элементов, и кроме единицы существования и единицы идеи признавать и единицу понятия (понятия множественности). Ничто тогда не мешает, чтобы в речи было много звуков А и Б, и кроме А как оно есть и Б как оно есть было бы понятие о бесчисленном множестве подобных слогов.

А что всякая наука всеобщая, и поэтому необходимо, чтобы начала существований были всеобщими, а не обособленными существованиями, это из сказан-

1087a

ного вызывает наибольшие затруднения. Просто это как бы и правда и неправда.

Ведь наука, как и научное познание, двойка: возможность и действительность. Возможность как всеобщая неопределенная материя принадлежит общему и неопределенному. А действительность как определенная и принадлежит определенности: «это и есть то самое», как мы определяем по признакам. Зрение видит цвет вообще, потому что какой бы цвет оно ни видело, всё равно это цвет. И то самое А, которое сейчас обозревает грамматик, это просто А.

Если начала всеобщие, то и происходящее из них неизбежно всеобщее, как при доказательстве. Но если всё всеобщее, то у нас не будет никакого отдельного существования, ничего не осуществится. Очевидно поэтому, что наука как бы и всеобщая и не всеобщая.

КНИГА N (14)

**КРИТИКУЕМ ПЛАТОНА:
ВТОРОЙ ЗАХОД**

1

О такой сущности мы уже много сказали. Но все философы придумывают противоположные начала в физическом мире, и по этому образцу в мире неподвижных сущностей. Но если неприемлемо, чтобы что-то предшествовало началу вообще всего, то невозможно, чтобы такое начало служило началом, не будучи само началом. Это всё равно что сказать, что белый цвет — принцип только для белого цвета, тогда как белое может существовать только как признак другого подлежащего, и это подлежащее первично.

Подлежащее для возникновения всего — это противоположности. Итак, неизбежно, начало всего заявляет о себе в противоположностях. Тогда всегда 10876 противоположности строятся как подлежащее, а не по отдельности. Но ясно, что существованию ничего не противоположно, и мы формулируем существование самостоятельно. Итак, в собственном смысле начало всех вещей — не противоположности, но что-то другое.

Философы придумывают, что одна из двух противоположностей — материя, некоторые философы считают такой противоположностей нечетное, как собственную природу множества, а некоторые само множество как противоположность единице. Первые выводят числа из неравенства единицы и двойки, как меньшего и большего, а вторые — из множества; но и те и другие признают единицу сущностью.

Но кто называет элементами «нечетное» и «единицу», а нечетное складывает из двоек и единицы, ставит в один ряд нечетность и величину, и не различает, что нечетность определяет число, а величина определяет не число, а вещи. Те начала, которые они называют «элементами», они неверно излагают. Одни называют наравне с единицей «большее» и «меньшее», получая три числовых элемента («большее» и «меньшее» — материя, «единица» — ее обличье). Другие называют элементами «много» и «мало», оставляя «большее» и «меньшее» только для встречающихся в природе величин. Третьи называют самое общее, «превышение» и «превышенное».

Различия, надо сказать, проявляются не в подробностях выводов, но в сложностях формулировок, — так что философы бдительно запасаются строгими доказательствами. Но тут надо быть последовательными в формулировках: если не большое и малое, но превышение и превышенное — начала, тогда и не двойка, а число есть первичный элемент. Ведь число как раз тоже самое общее понятие. А эти философы первое признают, а второе — нет.

Одни философы противопоставляют единице «другое» в смысле «иное», а другие — «множество». Но если как они согласны, существующее складывается из противоположностей, то единице либо ничего не будет противоположно, либо с некоторой натяжкой будет противоположно множество. Нечетное противоположно четному, другое противоположно тождественному, а иное — самому. Хоть как-то держатся мнения те, кто противопоставляют одно множеству, но их мнение тоже не годится. Ведь тогда одно то же, что мало, потому что множество противоположно малости, «много» противоположно «мало».

Очевидно, что единица — это мера. Всегда подлежащее будет свое: в гармонии — диез, в размерах —

палец (дактиль), стопа или что еще, в ритмах — опора или слог, а так же в тяжести определенная остановка деления (весов), и во всем таким же образом. В качествах — что-то качественное, в количествах — что-то количественное.

Мера сохраняет в нетронутости либо вид вещи, либо наше чувство, поэтому единица как таковая не может стать существованием вещей. Единица, как подсказывает сам термин — мера множества, а число — множественность этой меры и измерение этого множества. Поэтому благоразумно не считать единицу числом: она никакой мерой не меряется, но сама принцип, мера как единица.

Мера должна заявлять о себе как нечто одно во всех вещах: лошадей мерим лошадь, людей мерим человеком. Для человека, лошади и бога равная мера — живое существо, для измерения числа живых существ. А понятия человек, белое и ходящее не посчитать, потому что в одной и той же вещи всё это о себе заявляет, одной по числу. Поэтому число здесь будет числом родов понятий или числом чего-то еще нарицательного.

Для кого нечетное — тоже единица, а двойка — это что-то неопределенное из большего и меньшего, те уж совсем за гранью допустимого и возможного. Ведь большее и меньшее — это страсти и свойства, а не собственное содержание чисел и величин. Про числа можно сказать «много» и «мало», про величины «большое» и «малое», — точно так же как говорят «без остатка» и «с остатком», «гладкое» и «шершавое», «прямое» и «кривое».

Кроме этого промаха, большее или меньшее и подобные понятия всегда бывают только по отношению к чему-то. Но из всех разрядов «отношение» меньше всего похоже на природу или существование, оно даже идет после качества и количества. Отношение — это

то, чем страдает количество, как мы уже говорили, но не материя количества. Ведь и для отношения в самом общем смысле, и для его частей и видов будет другая материя. Всё большое, малое, многое, немногое, вообще состоящее в отношении — это вещи, а не «большое», «малое» и т.д. Признак того, что отношение меньше всего сущность и бытие, в том, что отношение не знает возникновения и гибели, вообще никакого движения, ни возрастания, ни убывания, ни перемены качества, ни перемены места, ни простого возникновения и уничтожения сущности. Отношение есть просто отношение: без всякого движения одно больше, меньше или равно другому, движение которого сводится только к количественному показателю.

10886 Материя вещи — это возможность этой вещи, а материя сущности — возможность этой сущности. А отношение — не сущность ни в возможности, ни в действительности. Поэтому никуда не годится, просто невозможно, чтобы за основу сущности, за элемент принималось то, что сущностью быть не может. Сначала сущность, а потом разряды.

Далее, элементы не могут превращаться просто в разряды для вещей, — тогда как «много» и «мало» безотносительно или соотносительно сказываются о числе, а «длинное» и «короткое» — об линии, и «широкое» и «узкое» — о плоскости. Даже если есть множество, о котором всегда будут говорить только «мало», скажем, два (если два было бы «много», то «мало» было бы только один) — то тогда должно быть множество, о котором говорят только «много», скажем, десять. Но десять или десять тысяч будут только «много», если нет числа больше. Но как тогда мы будем располагать эти числа между «мало» и «много»? Либо оба разряда для чисел, либо ни одного; нельзя для чисел выбрать только один разряд.

Просто посмотрим, может ли вечное быть сложено из элементов. Если да, оно будет материальным, потому что из элементов складываются только составные вещи.

Неизбежно, что даже вечное, если оно состоит из элементов, оно и возникает из элементов. Всё возникает из способности возникнуть, потому что не может возникнуть не способное возникнуть.

Но способность может стать действительностью, а может и не стать. Тогда, сколь бы мы ни называли вечным число или что другое, если оно материально, то допускается, чтобы его не было, как может не стать однодневки или многолетки. Значит, может не стать того, время чего не знает предела. Тогда оно не вечно, так как не вечно всё, что может перестать быть, как нам приходилось рассуждать в других Словах.

Если мы правы в нашем общем рассуждении, что любая вечная вещь должна быть полностью действительной, то раз элементы — материя существования, то не может быть никаких элементов вечной сущности, которые могли бы как-то в ней проявиться.

Некоторые философы считают элементом наравне с единицей неопределенную двойку, а «неравное» как элемент не признают, потому что это оказывается невозможно. Но они только с одной трудностью справляются, когда не превращают неравенство или отношение в элемент; а во всех прочих утверждениях заявляют те же положения, и называют стихиями либо видовое число, либо математическое число.

Они имеют дело с трудностями, которые восходят еще к древним временам. Им приходится любую единичность привлекать к существованию, и видеть за любым числом само существование, чтобы опровер-

1089a

гнуть Парменидово «существования небытия никогда не докажешь» [чему не быть — тому и веры нет, что не было — то вовсе не сбылось].

Они хотят доказать, что любое бытие существует, и тем самым выводят бытие из существующего, но так еще, чтобы оно было множественным, и из чего-то другого. Но слово «существование» имеет много значений, и бытия чем-то, и качества, и количества, и других разрядов — то как это существование будет единым, если как не в противопоставлении не существующему?

Что бы ни существовало, вещи или свойства, или любые разряды, единым будет то, что это «вот это», «вот такого качества», «вот такой величины». Всё то, что служит обозначению существующему. Но никуда не годится, чтобы какая-то «другая» природа делала это то данностью, то качеством, то количеством, то местом...

Далее, из какого небытия складываются тогда отдельные вещи? Слово «небытие» многозначно. Одно дело — не быть человеком, другое дело — не быть быстрым, третье — не быть в три локтя. Как тогда такое множество сложить из одного существования и из одного не существования?

Один философ хочет ложно назвать природу небытием, из которой как из существующего и происходит множественное сущее. Разве что это ложь как у геометров, у которых линия измеряется стопой, хотя стопа — негодная мера для линии. Но геометры прекрасно понимают, что они не погрешают здесь против предпосылок, и они не собираются создавать что-то из несуществования или уничтожать существования.

А раз не существующее бывает и всех разрядов, бывает и ложью, бывает и возможностью, то получается, что разве что все возникает из возможного: из возможного человека — человек, из возможного белого — белизна. Неважно, единственное или множественное

число, они об этом не думают. Они просто пытаются изучить, как существование умножается, попав в мир чисел, линий и объемов.

Но как можно изучать, как существование становится множественного числа, но не то, как оно приобретает качества или собственные величины? Как они могут из неопределенной двойки или большого и малого выводить бытие двух или множества белил, соков, фигур? Или они скажут, что всё это просто единицы и всё? Если они так скажут, то по крайней мере увидят причину вещей в единичных вещах, а причину множественного числа — в аналогии.

10896

Думая, как существование отличить от единства и произвести из них обоих существующие вещи, они стали говорить почему-то о равном и неравном, хотя они не противопоставлены и не отрицают друг друга. Это равное и неравное столь же укоренены в природе, как бытие или качество.

Они исследуют, как возможны многие единицы помимо первой единицы, но, как возможно много неравного помимо неравного, они не исследуют. Они утверждают множественность неравного и говорят о большом и малом, многом и не многом, откуда и берутся у них числа, о длинном и коротком, откуда и берется у них линия, о широком и узком, откуда плоскость, о высоком и низком, откуда и берется имеющее объем, а также указывают еще больше видов соотношений. Ну так в чем причина того, что этих видов много?

Тогда необходимо, как мы уже сказали, предположить для каждой отдельной вещи существование в возможности. Но оказывается, что в возможности определенное нечто и сущность не само по себе сущее, а отношение как качество, которое не есть ни единое или сущее в возможности, ни отрицание единого или сущего, но нечто одно из существующего.

Поэтому если мы хотим понять, как возможна множественность вещей, то важнее всего будет исследовать не только множественность в разряде сущностей или качеств, но и каким образом множественно существующее вообще: ведь одно сущее — это сущности, другое — свойства, третье — соотношенное.

С прочими разрядами есть еще и другое затруднение: как они образуют множество? Ведь качества и количества не существуют отдельно от вещей, они во множественном числе только из-за множественности стоящих за ними вещей. Поэтому нужна материя каждого рода, и такая материя не может быть вне существования.

Они не могут вывести множественность и из определенности. Ведь вряд ли можно увидеть превращение определенности в сущность, раз определенность есть «нечто» для любой уже существующей сущности. И мы ставим вопрос не о том, как существует такое-то количество сущностей, а как уже сбывшееся существование допустило себе множественное число.

Признавая, что определенность и количество не одно и то же, они не доказали, как и почему существующее существует во множественном числе, а лишь как именно множественно количество. Да, любое число обозначает нечто количественное, а единица — если только она не мера (единица измерения) — означает нечто количественно неделимое. Если, таким образом, количество и суть вещи — разное, то как они собрались обосновывать и то, и другое из одних предпосылок; а если количество и суть вещи одно и то же, то

090а им грозят только противоречия.

Надо бы задуматься, откуда берется их вера, что числа действительно существуют. Кто признает идеи, имеет основание считать числа некоторой причиной для существующего, раз всякое число есть некая

идея, а идея как-то служит причиной всякого бытия (таково исходное подлежащее в их утверждениях). Что до того философа, кто так не думает, видя внутренние трудности идей, так что по этой причине он не признает числа идеями, а признает число математическое, — то почему должно ему поверить, что такое число существует? Чем такое число полезно для других вещей?

Тот, кто говорит, что такое число существует, не назовет его числом чего-либо, упоенный его самостоятельностью; да и не видно, чтобы оно было причиной чего-то. А ведь все теоремы о математических вещах, как было сказано, должны быть приложимы к чувственно воспринимаемым вещам.

3

Кто предполагают бытие идей, причем, что идеи — числа, изымая каждое число из множества, пытаются обозначить каждое число чем-то единым, сказав, почему оно таково. Но они неубедительно говорят о невозможном: нельзя так числа ставить на учет.

Пифагорейцы, увидев, что с числами происходит многое, что и с чувственными телами, придумали, что существующие вещи — числа: не как отдельные существования, но как сложенные из чисел. Почему? Потому что гармония звуков, движение неба и многое другое подчиняется числам.

Кто признают только математическое число, не могут, если остаются со своими гипотезами, такого говорить. Они не могут создать науки для вещей как чисел. Но мы выше говорили, что можно изучать и числа в вещах. Просто очевидно, что математические вещи не обособлены: иначе как бы с вещами стало происходить что-то числовое?

Так что пифагорейцы в этом смысле безупречны; но когда они начинают изобретать из чисел физические тела — из не бывающего тяжелым или легким тяжелое или легкое — похоже, что они говорят о каком-то другом небе и о каких-то других телах, а не чувственных.

А те, кто обособляют числа, не распространяя аксиомы на чувственный мир, сколь бы они ни были правдивы и захватывающи, те и признают бытие чисел как особое бытие. То же самое — о математических величинах.

10906 Очевидно, что противоположная формула утверждает противоположное, и остается только решить только что названную трудность: почему, хотя числа не являются среди чувственных вещей, происходящее с числами заявляет о себе в мире чувственных вещей?

Некоторые считают, что если есть у вещей края, и точка — край линии, линия — край плоскости, плоскость — край тела, то точки, линии и плоскости водятся в природе. Но нужно посмотреть, не слишком ли натянута эта формулировка. Ведь края — не сущности, но скорее ограничения. Ведь иначе, раз путь-дорога или любое наше движение рано или поздно заканчивается, то все эти концы будут сущностями, что никуда не годится. Даже пусть они сущности, но тогда они сущности чувственных вещей, потому что ни о чем другом мы сейчас не говорим: зачем их тогда отделять?

Также упорный исследователь спросит, как можно тогда соотнести число вещей с математическим числом: если математические числа для нас укоренены в бытии, то тогда мы их не отличим от величин, а их не отличим от души и чувственных тел, раз всё это имеет величину. Тогда вся природа будет состоять из разрозненных эпизодов, как бездарная трагедия.

А если считать числа идеями, то тогда с нами такого не случится, потому что тогда величины будут складываться уже из числа и материи, а долготы из двойки, плоскости из тройки и объемы из четверки или даже из других чисел, не важно. Но почему эти числа идеи: как именно они находят подход к вещам, какой вклад они вносят в бытие вещей? Вещи так же могут без них обойтись в своем бытии, как они могут обойтись без любых математических вещей. Кроме того, об этих числах ты не докажешь ни одной теоремы, разве что кто захочет погрузить математические вещи в движение, придумав особое философское учение.

Конечно, не трудно, понабрав себе разнокачественных гипотез, придумывать и говорить не смолкая. Эти философы, когда к идеям подклеивают математические вещи, попадают впросак.

А те, кто первыми придумали два числа: идейное и математическое, ничего не сказали (да и не могли сказать), как и из чего бывает математическое число. Они придумывают его посередине между идейным и чувственным числом.

Но если оно состоит из большого и малого, то оно ничем не будет отличаться от идейного числа. Тут такой философ начинает производить величины из другого большого и другого малого.

Но это другое большое и другое малое тогда увеличат число элементов. Да и если у обоих их одно начало, то это общее начало, и тогда вопрос, как это единое так множится. К тому же, такой философ говорит, что это число не может возникнуть иначе, чем из единицы и неопределенной двойки. 1091a

Но всё это бессмысленно и само на себя восстает против доброго размышления. Как называл это поэт Симонид, «далекословие». Такое «далекословие» бывает у рабов, потому что они не умеют говорить

в здравом уме. Кажется, что сами элементы, большое и малое, кричат как если их насилуют: ведь они не могут рожать число иначе, как положив единицу на единицу.

Никуда не годится придумывать здесь возникновение вечных сущностей, измерить которыми можно только невозможность. А придумывают или нет пифагорейцы такое возникновение, не будем сомневаться: они открыто говорят, что когда сложилось единое, не то из плоскостей, не то из кожуры, не то из семени, они сами толком не понимают, тут же самое близкое в беспредельном было увлечено им и оказалось определено пределом.

Но раз они создают целый космос и хотят говорить как физики, то справедливо исследовать, что они говорят о природе; но не в нынешнем курсе. Сейчас мы ведем изыскания только неподвижных начал, так что будем обозревать возникновение чисел такого же качества.

4

Итак, пифагорейцы не считают, что число с остатком имеет возникновение, тем самым объявляя возникшим число, делящееся без остатка. Причем первое такое число они изготавливают из неравных вещей: из уравнения большого и малого. Тогда получается, что неравенство их существует прежде уравнения. А если бы они извечно были в уравнении, они бы не были прежде неравными, потому что прежде извечного ничего не бывает. Итак, очевидно, что они придумывают возникновение чисел, но не собираются его теоретически рассматривать.

Также тупик, и трус тот, кто его обходит, как элементы и начала связаны с добром и правдой (красо-

той). Трудность именно в том, есть ли среди элементов и начал то, что мы назовем самой добротой и благородством, или нет, они возникли позже. Древние богословы были согласны с некоторыми нынешними философами, отрицающих начальное существование добра как такового и говорящих, что только с прогрессом природы сущих вещей появляются добро и красота. Так придумывают те, кто пытаются предупредить истинное затруднение философов, объявляющих началом единое. Но затруднение не в том, что они пытаются внутри этого начала разглядеть добро, но в том, что они понимают единое как начало, причем как элемент, и число выводят из этого единого.

10916

Древние поэты говорят сходное: что сейчас царствуют и начальствуют не первые боги, Ночь, Небо, Хаос или Океан, но Зевс. Быть тому, говорят они, ибо сменны начальники сущих. Но поэты смешанных жанров, которые не говорят всё по мифам, как Ферекид и некоторые другие, полагают первоисток происхождения самым благородным. И волхвы (маги) и более поздние мудрецы как Эмпедокл и Анаксагор, первый придумал, что дружба — элемент, второй, что ум — принцип. А из философов, утверждающих бытие неподвижных сущностей, некоторые говорят, что настоящее единое и есть настоящее добро. Но они думают, что сущностью здесь надо назвать скорее единое.

Итак, мы в тупике, кто прав, а кто не прав. Мы бы удивились, если бы в первом, вечном и самодостаточном его первичность не проявлялась как добро, самодостаточность и сохранность. Но только потому вещь не распадается, потому что она в хорошем состоянии, и может оставаться самодостаточной.

Так что говорить, что начало именно таково — благоразумно ожидаемая истина. Но нельзя отождествлять его с единым, и даже с элементом как числовым

элементом. Возникнет опасное затруднение, избегая которое некоторые философы просто пересмотрели свои взгляды, и сказали, что да, они исповедуют единое как первый принцип и элемент, но только для математического числа. Иначе любые единицы станут самым добром, и нас просто захлестнет потоком добра.

Также если идеи — числа, то тогда все идеи — добро. Но каждый может что угодно объявлять этими идеями. Если идеи уже принадлежат добру, то они не осуществляются как идеи. А если идеи осуществились, то тогда и животные, и растения, и любые причастные идеи вещи будут самым добром.

Всё выходит хуже некуда: так, противоположный элемент, будь то «множество» или «неравное — большое и малое» станет совершенным злом. Поэтому философ избегал связывать единство с добром, потому что получается, что если вещь возникает из противоположностей, тогда зло и будет природой множественности. Но некоторые философы считают природой зла неравенство.

1092a Получается, что тогда все существования, кроме единства как собственного единства, будут причастны злу; а числа еще больше причастны разгулу зла, чем величины. Тогда зло будет помещением для добра, а добро окажется охотным участником распада, потому что противоположности умеют только разрушать друг друга.

И как мы говорили, что материя — это любая вещь как возможность, например, для действительного огня материя — возможность огня; тогда зло и будет единственной возможностью добра. Вот что получается, если придумывать, что любое начало — элемент, что противоположности — начала, что единое — начало, что первые числа — сущности, причем обособленные, причем еще и идеи.

Невозможно ни полагать добро среди начал, ни полагать его начальным. Иначе начала и первые сущности будут переданы неправильно.

Но неверна и другая предпосылка: уподоблять начала всецелого началам животных и растений, что вот всегда более совершенное получается из неопределенного и несовершенного. Что вот, природа так же распоряжается и в первых началах, так что само единое — это даже еще не какое-либо определенное существование.

Но начала животных и растений, от которых они происходят, вполне совершенны. Человек рождает человека, не сперма первая.

Совсем никуда — придумывать место одновременным с математическими объемами. Ведь место всякой вещи своё, почему все вещи на разных местах, тогда как про математические вещи нельзя сказать «где». Зачем указывать место, при этом не понимая, что такое место?

Надо бы, чтобы утверждающие бытие существующих вещей как бытие из элементов, и считающие числа первыми из существующих вещей, всё же разобрались, как одно возникает из другого, и тогда только можно объяснить способ возникновения числа из начал бытия. Смешение? Но не всё смешивается, и смесь — уже другое, и тогда единство не будет обособленным и особой природы, как они требуют. Сложение, как буквы в слове? Но тогда требуется заявить порядок следования, и только в уме можно будет помыслить отдельно «одно», а отдельно «множество». Тогда число будет единицемногим, или единиценеравным.

Части, составив бытие, могут проявляться в нем, а могут отступить перед новым бытием. Каково бытие

числа? Проявление бытия указывает на происхождение. Так что, число как из семени? Но нельзя ничего выделить из целого. А если это происхождение из противоположности, которая точно не сказывается в нем? Но любое такое бытие сохраняет бытие своей противоположности. Если полагать единое противоположностью многого, или противоположностью неравенства, если обращаться с ним как с равенством, то получается, что число дано в противоположностях. Но что противоположное блюдет число при своем возникновении?

И еще: всё, что возникает из противоположностей или чему есть противоположность, подвержено распаду, даже если с противоположностью при этом ничего не происходит. Почему тогда число всегда остается собой? Об этом ничего они не могут сказать. Но противоположность, заявляется ли она в самой вещи или нет, разрушает ее, как вражда разрушает смесь, хотя не должна бы — ведь она не противоположность смеси.

Не определяется, как именно числа — причины сущностей и бытия. Может быть, как пределы — как точки для величин? Эврит предполагал, что числа — пределы вещей, одно — предел человека, другое — предел лошади. Как числа можно выстроить по форме треугольника или четырехугольника, так же точно он камешками делал подобие обликов растений. А может, пропорция — созвучие чисел? Таковы тогда и человек, и любая другая вещь.

Но как числами станут страсти вещей: белизна, сладость, теплота? Что числа не сущность и не причины облика, понятно. Сущность — это пропорция (смысл), а число — материя. Число — сущность мяса или кости только в том смысле, что берем три части огня и две части земли... Число всегда есть число каких-то вещей: огня, земли или единиц мяс или костей. Но

сущность — это отношение того-то к тому-то в смеси. Но это уже не число, а пропорция смешения телесных или каких-либо еще чисел.

Итак, число как целое или как сложное из единиц, это не причина создания вещей, не материя, не пропорция, не облик вещей, и тем более не их цель.

6

Кто-нибудь спросит, становятся ли числа лучше от того, что при нахождении самого легкого решения или получении остатка мы смешиваем числа с вычислениями? Крепкая медовуха не станет здоровее от ровно трех к трем. Она была бы полезнее, если бы без всякой пропорции ее разбавили водой, — чем быть ей с числом, но неразбавленной.

Затем, пропорции смесей в прибавлении чисел, а не в числах: три плюс два, а не трижды два. Ведь при умножении сохраняется род умножаемого: если мы умножаем А на Б и В, а Д на Е и Ж, то сохраняется соответственно род А и род Д, и на нем всё. Поэтому не может быть числом огня БЕВЖ, если число воды дважды три.

Если нужно, чтобы всё было приобщено числу, то нужно, чтобы многое случилось одним: одно число было для этой вещи и для другой. Но будет ли число причиной и будет ли вещь существовать благодаря числу, или не поймешь? 1093а

Так, есть число перемещений солнца, и число перемещений луны, и число жизни и старения каждого живого существа. Что мешает, чтобы некоторые из чисел были квадратными, некоторые — кубическими, некоторые — двуквадратными? Ничто не мешает. Только нужно вписаться в эти числа, если всё приобщается числу.

Также тогда приемлемо, чтобы различные вещи приходились на одно и то же число. Но если для нескольких вещей выпало одно и то же число, то как вещи одного и того же вида числа они все будут тождественны — Солнце и Луна будут одним и тем же.

Но из-за чего числа — причины? Семь гласных букв, семь струн гармонии, семь звезд-Плеяд, в семь лет выпадают молочные зубы (не у всех, но у некоторых), семь против Фив. Но разве потому что число таким уродилось, семь было против Фив или Плеяд семь звезд? Может семь против Фив, потому что ворот Фив семь, или по иной причине. А Плеяд это мы столько насчитали. Если с Медведицей — их двенадцать, а другие еще больше насчитывают. Так же звукосочетаниями называют Ц, Ч, Щ, три буквы и три звукосочетания (цс, чш, щш). А что тысячи звукосочетаний, их не волнует. Ведь ПФ можно было бы тоже обозначить одним знаком.

А если они скажут, что это двойные звуки, а дам два звука, то причина, что места три, и здесь всякий раз присоединяется посвист-шипение, и только поэтому их три, из-за мест во рту, а не потому что вообще три только звукосочетания. Гораздо больше звукосочетаний, но вот здесь они не могут быть. Такие философы подобны древним поэтам, сочинявшим под Гомера: они тщательно воспроизводили мелкие уподобления, но большого сходства видно не было.

Некоторые говорят, что много есть уподоблений такого качества. Скажем, в музыке нона и октава, девять и восемь, и в гекзаметре семнадцать слогов, то же число, и до цезуры будет справа девять слогов, а слева восемь. Также расстояние букв от А до Я то же, что от баса до контральто во флейте, причем число равно числовому строю неба. И тогда никто не испытает трудности при нахождении такого в вечных вещах, если найдено уже в вещах, подверженных распаду.

Но эти природы в числах, которые так празднично превозносят, и их противоположности и вообще все в ведении точных наук, о чем некоторые говорят, когда придумывают, что это причины природы — все они, похоже, не поддаются направленному рассмотрению. Ведь ни при каком определенном подходе к началам они не будут начальными причинами.

Но эти философы изобретают как самоочевидное, что всё здесь проявлено как надо, что добро стоит в одном ряду с остатком, прямым, равноугольным и динамикой (умножением на себя) отдельных чисел. Четыре времени года и четыре стороны квадрата. И разное прочее они сводят из математических теорем, чтобы всё получило ту же смысловую динамику. Но всё это больше всего похоже на симптомы: всё сошлось, но у всех остались свои свойства, и едино только соответствие: если прямая длинная, то плоскость, скажем так, гладкая, а число, скажем так, делится с остатком, а цвет бывает совсем белым.

Затем, в видовых (идейных) числах нет причины гармоничных и подобных чисел. Они ведь отличаются друг от друга: величина равна, виды разные и единицы разные. Уже поэтому лучше не придумывать «идеи».

Вот всё, что у нас получилось, и можно было бы еще больше привести. Но похоже, свидетельство здесь — что слишком злострадание так рассуждать о возникновении чисел, и никаким способом не получается рассуждать связно. Так что математические вещи, вопреки словам некоторых философов, не существуют отдельно от чувственных вещей и не бывают их причинами.

СЛОВАРЬ

- Алкмеон Кротонский (5 в. до н. э.) — пифагореец, врач, создатель эмбриологии и психологии, использовал метод всеобщих аналогий.
- Анаксагор Афинский (ок. 500—428) — философ, советник Перикла и создатель концепции мирового Ума.
- Анаксимандр (610—547/540) — ученик Фалеса Милетского, создатель первой космологической модели и первой карты мира.
- Анаксимен (585/560—525/502) — ученик Анаксимандра, преуспевший в метеорологии
- Антисфен Афинский (444/435—370/360) ученик Сократа, основоположник школы киников, прозван был «безумный Сократ».
- Архит Тарентский (428—347) пифагореец, стратег (полководец), друг Платона, создатель стереометрии, реформатор музыки, автор тезиса о бесконечности Вселенной.
- Астрология — так называлась тогда наука об исчислении звезд, соответствующая географии для земли, тогда как астрономия, хотя иногда это был синоним, скорее была небесной климатологией, изучавшей устройство движения на небе, а не устройство небосвода.

Атлант или Атлас — титан, держащий весь небесный свод, сама выразительная эмблема мироздания.

Африка — в оригинале Ливия, так называлась вся Северная Африка за исключением Египта.

Ахилл — герой, персонаж «Илиады» Гомера, сторона ахейцев.

Гектор — герой, персонаж «Илиады» Гомера, сторона троянцев.

Гераклиды — общее название всех потомков Геракла, к которым возводил себя ряд династий.

Гераклит Эфесский (544—483) философ, басилевс Эфеса, автор книги «О природе», отличавшейся «жреческим» стилем и повествовавшей о правильном устройстве мира как всеобщем обмене и постоянной текучести.

Гермес (как статуя) — герма, особый бюст, ставившийся при полях и дорогах ради плодородия.

Гермотим Клазоменский (6 в. до н. э.) — философ и прорицатель, будто бы умевший отделять душу от тела.

Гиппас Метапонтский (574—522) — систематизатор пифагорейской математики.

Гиппий Элидский (ок. 460 — ок. 400) — софист, математик, эрудит.

Демокрит Абдерский (ок. 460 — ок. 370) — систематизатор учения об атомах, создатель календарей, учитель благорасположения духа.

Евдокс Книдский (ок. 408 — ок. 355) — философ, оратор, универсальный ученый и один из создателей механики.

Зенон Элейский (ок. 490 — ок. 430) — ученик и любовник Парменида, пытавшийся преодолеть разрыв между математикой и физикой.

Ион — мифологический праотец ионийцев.

Истмийские игры — игры в честь Посейдона на Коринфском перешейке.

Каллий — условное имя, можно перевести как Красавкифара — струнный инструмент, который испанское произношение сделало гитарой.

Клеон — полуусловное имя, можно перевести как Славник.

Кориск — условное имя, предполагают, что это был и один из учеников Платона.

Кратил Афинский (2-я половина V века — начало IV века) — последователь Гераклита среди софистов.

Ксенофан Колофонский (около 570—475) — поэт и философ, учивший что Бог шарообразен, а пить надо в меру.

Левкипп (5 в. до н. э.) — создатель термина «атом», о котором не знают точно, из Милета он или из Абдеры.

Ликофрон (4 в. до н. э.) — софист, трактовавший о психологическом смысле законов.

Мегарские философы (мегарики) — наиболее софистическая из сократических школ, мастера парадоксов.

Мелисс Самосский (ок. 485 — ок. 425) — последователь Парменида, наварх (адмирал) Самоса, сначала разгромивший флот Афин, шедший под коман-

дованием драматурга Софокла, а после сам разгромленный Периклом.

Мидийские войны — античное название Греко-персидских войны.

Немейские игры — проходили на Пелопонессе и были посвящены Зевсу.

Парменид (ок. 540 или 515 — ок. 470) — создатель Элейской философской школы, законодатель Элеи.

Пелей — отец Ахилла.

Пирра — супруга Девкалиона, Девкалион и Пирра — пережившие всемирный потоп супруги.

Пифийские игры — спортивные состязания в Дельфах, по значимости приближавшиеся к Олимпийским.

Пол Акрагантский (5 в.) — софист родом из южной Италии, лексикограф, ученик Горгия, почти комический персонаж диалога «Горгий» Платона.

Поликлет Старший (первая половина 5 в.) — великий скульптор из Аргоса, создатель скульптуры «Дорифор» («Копьеносец») и не сохранившегося сочинения «Канон», вероятно, объяснявшего создание этой скульптуры.

Протагор Абдерит (из Абдер) (485 — ок. 410) — вождь софистов.

Спевсипп (409—339) племянник Платона и преемник его по Академии, сделавший Академию платонической.

Симонид Кеосский (557/556 — ок. 468/467) — поэт, чтила Аполлона, славный афоризмами.

Сократ — чаще выступает как условное имя, обычное в силлогизмах Аристотеля.

Сократ Младший — философ, известный только упоминаниями у Платона и Аристотеля.

Софокл Афинский (496/5—406) — великий трагик.

Таргелии — афинский праздник урожая, посвященный Аполлону.

Тефия (или Тефида) — мифологическая сестра и супруга Океана — они оба родились от брака Неба и Земли (Урана и Геи).

Тимофей Милетский (ок. 450 — ок. 360) — реформатор поэзии и музыки, создатель одиннадцатиструнной кифары.

триера — корабль с тремя рядами весел, снабженный тараном, весельный крейсер.

Фалес Милетский (640/624—548/545) философ из числа семи мудрецов, математик, политик, выступавший за единство ионийских полисов, занимался погодой и затмениями.

Физика — слово используется в общем смысле «наука о природе», по Аристотелю «Вторая философия».

Фриних (конец VI — нач. V в.) — один из первых трагиков.

Эврит (IV в. до н. э.) — пифагореец, ученик Филолая и современник Платона.

Эллин — мифологический царь Фессалии, сын Девкалиона и Пирры.

Эпихарм (ок. 540—450) — создатель сицилийской комедии, повлиявший на литературный стиль Платона.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Книга А (1)	
Философия — наука о причинах	15
Книга α (2)	
Философия ищет истинное начало	49
Книга Β (3)	
Первые трудности, поджидающие философа	57
Книга Γ (4)	
Научное содержание Первой философии	79
Книга Δ (5)	
Понятия, которые должен знать философ	107
Книга Ε (6)	
Философия как теоретическая наука	147
Книга Ζ (7)	
Учение о сущности	159
Книга Η (8)	
Учение о материи	201
Книга Θ (9)	
Учение о возможности и действительности	217
Книга Ι (10)	
Учение о едином	241
Книга Κ (11)	
Учимся анализировать философские понятия ...	267
Книга Λ (12)	
Восходим к перводвигателю	299
Книга Μ (13)	
Критикуем Платона: первый заход	323
Книга Ν (14)	
Критикуем Платона: второй заход	357
Словарь	378

Литературно-художественное издание

Аристотель

МЕТАФИЗИКА

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Ведущий редактор *Д. Рындин*

Выпускающий редактор *Е. Крылова*

Компьютерная верстка: *Т. Мосолова*

Художественное оформление: *Е. Саламашенко*

Корректор *И. Иванова*

12+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 08.11.2017 г.

Формат 60×90/16.

Гарнитура «Century Schoolbook».

Усл. п. л. 24,0

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30

Метафизика Аристотеля – вершина развития критической мысли Античности и образец философских обобщений. В *Метафизике* были систематизированы правила обучения философскому мышлению и дан масштабный обзор достижений философии за несколько веков. Труд Аристотеля стал образцом для научной разработки философии и прогнозирования ее развития. Важнейший памятник мировой философии предлагается в новом переводе доктора филологических наук Александра Викторовича Маркова, с предисловием, обосновывающим переводческие решения.

ISBN 978-5-368-10325-5

9 785386 103255

РИПОЛ
классик